



Научно-издательский центр «Социосфера»
Пензенский государственный университет
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
Пензенская государственная технологическая академия
Научно-производственное предприятие «Гарант-Сервис»

**ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА:
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ
И ЗАЩИТЫ**

Материалы II международной научно-практической
конференции 5–6 июня 2012 года

Пенза – Прага
2012

УДК 34
ББК 60.5
П 68

П 68 Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты: материалы II международной научно-практической конференции 5–6 июня 2012 года. – Пенза – Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – 128 с.

Редакционная коллегия:

Суменков Сергей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и политологии Пензенского государственного университета.

Кашпарова Ева, доктор философских наук, научный сотрудник кафедры психологии и социологии управления Высшей школы экономики в Праге.

Дорошин Борис Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Пензенской государственной технологической академии.

В сборнике представлены научные статьи преподавателей вузов, соискателей и аспирантов, работников правоохранения, в которых освещаются социокультурные основания правовой сферы общественного и индивидуального бытия, её взаимосвязи с социально-экономическими и политическими явлениями и процессами. Характеризуются особенности реализации, охраны и защиты прав и свобод различными институтами и иными субъектами.

ISBN 978-5-91990-080-1

УДК 34
ББК 60.5

© Научно-издательский
центр «Социосфера», 2012.
© Коллектив авторов, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ И ИСТОЧНИКАХ ПРАВА

Ивентьев С. И. Божественные права и свободы человека.....	63
Очир-Горяева С. И. Правовой статус человека и эволюция представлений о его правах и свободах с древнейших времен до конца XVIII века	10
Борзова Е. С. Отражение веротерпимости в законодательстве Российской империи по отношению к католическому населению в XVIII – начале XX вв.	13
Кочаров М. Я. Этнические права и свободы человека и права народов	18
Ахметова А. М., Ахметдинова И. Ф., Хамзина Д. З. Права и свободы человека в Конституции Российской Федерации	20
Борисова М. И. Новое основание применения принудительных мер медицинского характера	22
Юсефи М. Х. Особенности объективных признаков объекта разбоя как преступления	27

II. ИНСТИТУТЫ ГОСУДАРСТВА И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Рагимова А. А. Права человека: проблемы остаются.....	31
Iwanowska B. Functions of elections in communist states	36
Исмайлов Д. Ю. Сравнительный анализ различных типов современного политического консерватизма.....	47
Алиева Э. К. Причины этнополитических конфликтов на северном Кавказе.....	51

Шукюров А. Т. Политико-правовая природа института присяжных заседателей.....	53
Безрукова Е. В. Организационно-правовые аспекты определения подсудности в административном судопроизводстве.....	58
Вздорова Л. П. Процессуальная самостоятельность следователя как один из институтов защиты прав и свобод человека и гражданина.....	64
Остапец О. Г. Проблемы и перспективы развития института Уполномоченного по правам человека в России на современном этапе	67

III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Горошникова И. Г. Становление личности подростка в процессе правовой социализации.....	73
Коробкина А. Н. Свобода и информационная культура личности	76
Волкова Н. В., Гусева Л. А. К вопросу о правовой культуре и правовом сознании в подготовке государственных гражданских служащих РФ.....	81
Majewska N. V. “Culture as a symbol” vs. “culture as a social practice”: the perception of “the veil” in French society.....	86
Гребенкин А. Н., Агаркова Д. А. Право на образование в современной России и Болонский процесс	91
Шрша Э. Ф. Право потребителей на получение образования как приоритетный правовой инструмент реализации потребителями иных прав при оказании услуг общественного питания	93
Адер А. В. Государственные крестьяне как участники земельных правоотношений (на материалах Оренбургской губернии)	97

IV. ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД

Хамидуллина Р. Р., Хамзина Д. З. Человек и его права	100
Попова В. В., Яковлева О. Н. Некоторые проблемы реализации права на защиту материнства, детства, семьи	102
Хамитова Г. М. Проблема реализации права на бесплатную медицинскую помощь, гарантированную Конституцией РФ	106
Пестов Р. А., Смирнова Е. С. К вопросу об усилении юридической ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения....	110
Хайдаров А. А. К вопросу о защите прав подсудимого при производстве в суде первой инстанции.....	113
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2012 году	116
Информация о журнале «Социосфера»	118
Издательские услуги НИЦ «Социосфера»	123
Программа поддержки учебных заведений России компанией «Гарант»	125

І. ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ И ИСТОЧНИКАХ ПРАВА

БОЖЕСТВЕННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА

С. И. Ивентьев

г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. At the end of the XX – beginning of the XXI cc. the fourth and the fifth generations of human rights were revealed in Russia, which were respectively named as mental-and-moral and Holy rights. In connection with revelation of the specified human rights Declaration of holy and mental-and-moral rights and liberties of November 23, 2010 was approved, and the author of the article points out that it relates to the source of law.

Key words: love; human; values; law; declaration; rights.

В юридической науке под правом понимают следующее:

1) в объективном смысле система общеобязательных социальных норм (правил поведения), установленных государством и обеспечиваемых силой его принуждения (позитивное право) либо вытекающих из самой природы, человеческого разума; императив, стоящий над государством и законом (естественное право. Различают право писанное (статутное, прецедентное) и обычное, светское и религиозное, национальное и международное;

2) в субъективном смысле вид и мера возможного поведения лица, государственного органа, народа, государства или иного субъекта (юридическое право) [14, с. 456; 15, с. 325].

В философии право рассматривается как совокупность высших, постоянно действующих, независимых от государства норм и принципов, условий, олицетворяющих разум, справедливость, объективный порядок ценностей, мудрость Бога. Они не только являются директивами для законодателя, но и действуют прямо. При них произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы [16, с. 448].

Как отмечает В. Е. Кемеров, под Божественным правом понимают комплекс представлений об особом трансцендентальном (от лат. *transcendens* – переступающий, превосходящий, выходящий за пределы) миропорядке либо нормативном предписании, выступающем по отношению к позитивно-правовому регулированию в качестве основы, содержательного и категориального базиса» [17]. Божественное право существовало ещё до «правового мира», о котором говорят правоведы. К основным источникам Божественного права относятся:

1. Бог и Любовь.
2. Божественные законы.

Бог и Любовь относятся к Главному Источнику Божественного права.

Божественным законам присущи все характеристики Бога. Например, учитывая то, что Бог есть Любовь, все Божественные законы являются проявлением любви. Божественный закон, как и Бог, является Абсолютным и истинным, святым, праведным и добрым. Часто Божественные законы называют Космическими законами или Законами Мироздания. В религиозных учениях Божественный закон отождествляют с Трансцендентальным Законом или Истиной. В свою очередь Божественные законы подразделяются на две группы:

1. Духовные законы, согласно которым были созданы и развиваются духовные миры;

2. Законы, по которым развиваются и эволюционируют материальные миры. Духовные законы имеют универсальный характер. Их основу составляет Любовь, свобода, равенство и братство.

В начале XXI века в России было провозглашено и введено в юридическую науку пятое поколение прав – Божественные права и свободы человека, основу которых составляют Любовь, Божественная информация и энергия [1, с. 47–49; 2, с. 129–131; 3, с. 87–92; 12, с. 29–32].

К пятому поколению прав относятся право на Любовь, Веру и любовь к Богу. А также единство с Творцом, право на рождение в Любви, право на информацию и управление энергией, право на управление пространством и временем. Сюда же относят право на развитие энергетической мощи своей души и своих энергооболочек, право на Сотворчество и совершенствование окружающего мира, право на обращение к Богу, право на дары Бога, право на Божественное совершенствование, право человека на бессмертие и другие права, которые вытекают из Любви и Божественной энергии [21–26; 13, с. 65–67].

Божественные права и свободы человека направлены на защиту духовной сущности человека, его Духа и Души.

Любовь в России была признана главной общечеловеческой ценностью. Любовь стали относить не только к нравственной и духовной категориям (религиозной и философской), но и к правовой (юридической) категории, что является новым для отечественной и мировой юриспруденции. Кроме того, Любовь является правовой ценностью и относится к главному источнику права [11, с. 25–30].

Л. В. Грицай относит Любовь к основной культурной и духовной ценности [5, с. 165–167]. С позицией данного автора мы полностью солидарны.

Любовь как общечеловеческая ценность и национальная идея страны была уже заложена в Конституцию России, из преамбулы которой следует, что наши предки передали нам такие ценности, как Любовь, которая является основной ценностью пятого поколения прав человека, а также уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость [6].

Согласно статье 1 Семейного кодекса Российской Федерации семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех её членов [7]. Семейное законодательство на уровне семьи раскрыло сущность любви как основного источника построения человеческих отношений. Об этом говорил в своё время Иисус Христос: «Но вам слушающим говорю: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, Благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас» (Лк. 6:27–28).

С учётом открытия Божественных и духовно-нравственных прав человека, была принята Декларация Божественных и духовно-нравственных прав и свобод человека от 23.11.2010 г. [4]. Указанная Декларация относится к одному из источников права – к договору нормативного содержания, носящего всемирный и надгосударственный характер [8, с. 254–257]. В народе Декларацию Божественных и духовно-нравственных прав и свобод человека назвали Декларацией Любви, которая отражает потребности современного человеческого общества. Согласно части 1 статьи 1 Декларации Божественных и духовно-нравственных прав и свобод человека основу Божественных и духовно-нравственных прав и свобод человека составляет Любовь.

Декларация Любви нормативно закрепила Божественные и духовно-нравственные права человека [10, с. 20–23].

Библиографический список

1. Ивентьев С. И. Четвёртое и пятое поколение прав человека // Гуманитарные науки : сборник научных трудов. – Часть II. – Караганда : Издательство КарГУ, 2010. – С. 47–49.
2. Ивентьев С. И. Классификация прав человека и гражданина // Казанская наука. – 2010. – № 3. – С.199–203.
3. Ивентьев С. И. Пятое поколение прав человека. Энергия Любви // Современность и психолого-педагогические науки. Современность и лингвистические науки. Современность и юриспруденция. Сборник материалов I Всероссийской научно-практической Интернет-конференции / под общ. ред. В. С. Курчеева и Т. В. Сидориной. – Новосибирск : ЦПИ – Издательство СИБПРИНТ, 2010. – С. 87–92.
4. Декларация Божественных и духовно-нравственных прав и свобод человека / С. И. Ивентьев. – Бугульма : НО «ФЭН-НАУКА», 2011. – 25 с.

5. Грицай Л. В. Любовь как основная культурная и духовная ценность человека // Система ценностей современного общества. Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск : Издательство НГТУ, 2010. – С. 165–167.
6. Конституция РФ // Российская газета. – 25.12.1993.
7. Семейный кодекс РФ // Российская газета – № 17. – 27.01.1996.
8. Ивентьев С. И. Декларация Божественных и духовно-нравственных прав и свобод человека как источник права // Казанская наука. – 2010. – № 10. – С. 254–257.
9. Ивентьев С. И. Право человека на дары Бога // ФЭН-НАУКА. – 2012. – № 1(4). – С. 21–26.
10. Ивентьев С. И. Нормативное закрепление четвертого и пятого поколений прав человека // Релігія, релігійність, філософія та гуманітаристика у сучасному інформаційному просторі: національний та інтернаціональний аспекти: зб. наукових праць / за заг. ред. к. філос. н. Журби М. А. – Частина III. – Луганськ : вид-во СНУ ім. В. Даля, 2011. – С. 20–23.
11. Ивентьев С. И. Любовь как главная правовая ценность // Социально-политические и культурные проблемы современности. Сборник статей / под ред. А. В. Головина, Д. С. Петрова. – Алейск, Барнаул : Изд-во «Сизиф» Д. С. Петрова, 2011. – Вып. 2. – С. 25–30.
12. Ивентьев С. И. Четвёртое и пятое поколение прав человека. Любовь // Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты: материалы международной научно-практической конференции 5–6 июня 2011 г. – Пенза-Прага : Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – С. 29–32.
13. Ивентьев С. И. Право человека на обращение к Богу // Современная наука – теория, практика, технологии, инновации: сборник научных статей. – Бугульма : НО «ФЭН-НАУКА», 2011. – С. 65–67.
14. Большой юридический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 704 с.
15. Енжбарян Р. В., Краснов Ю. К. Теория государства и права: учеб. пособие. – 2-е изд., пересм. и доп. – М. : Норма, 2007. – 576 с.
16. Философия. Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – 1072 с.
17. Кемеров В. Е. Философская энциклопедия. – М. : Панпринт, 1998.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА И ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЕГО ПРАВАХ И СВОБОДАХ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЁН ДО КОНЦА XVIII ВЕКА

С. И. Очир-Горяева
Профессиональное училище № 1,
г. Астрахань, Россия

Summary. Problems of implementation and enforcement of human rights, widely covered in newspapers and are very topical at the moment. This article summarizes has material on the legal status of the human and the evolution of his rights and the freedoms from ancient times until the end of the 18th century.

Key words: freedom, law, state, the Bill of rights, the English Magna Carta.

У каждого гражданина государства есть права, свободы и обязанности, реализуя которые он может проявить себя в реальной жизни. Идею равенства всех людей от рождения развивали ещё древнегреческие философы. Но разделение на классы богатых и бедных усиливалось, а государство закрепляло неравенство в юридических нормах. Общественная мораль считала такой порядок вещей справедливым. Позднее известные философы Дж. Локк, Ж. Мелье, Ж.-Ж. Руссо доказывали, что людям сама природа дарует равенство.

Несколько слов об основных понятиях. Право человека – охраняемая, обеспечиваемая государством, узаконенная возможность человека что-то делать, осуществлять. Право человека – это то, что соответствует его природе и что разрешено законами. Свобода человека (в том виде, в котором употребляется этот термин в документах о правах человека) – отсутствие каких-либо ограничений, стеснений в чём-либо (деятельности, поведении). Свобода нужна, но не всегда допускается, как мы знаем, властью, государством, законом.

Путь человечества к нынешнему пониманию прав человека был долгим и тернистым. Пока не было государства и законов, права человека существовали в виде нравственных возможностей (разрешений, поощрений, одобрений). Такие права существуют и до сих пор. Это, например, право на уважение, на свою точку зрения и т. д. Они играют очень важную роль в жизни человека, но к правовым нормам отношения не имеют. В случае их нарушения никто не обращается к законам.

В первых известных истории государствах права человека были весьма ограничены. На Древнем Востоке закон отличался жёстким, иногда жестоким отношением к человеку, нередко был кастовым. О каких правах мог мечтать раб? Даже право на жизнь ему не было обеспечено. О праве на труд, образование и социальное обеспечение никто даже не задумывался. Для многочисленного слоя того общества, рабов, существовало одно «право» – быть вещью, «говорящим орудием труда». Вместе с тем активно развивались и со-

вершенствовались главным образом имущественные отношения. Особенно совершенно в этом отношении было римское право, которое до сих пор составляет основу гражданских кодексов многих государств и изучается будущими юристами в вузах. Из этого факта следует, что имущество и отношения, в которые люди вступали по его поводу, значительно больше интересовали жителей древних государств, чем человек как таковой – со всеми его потребностями, интересами, чувствами...

Конечно, в античные времена и в средние века некоторые слои общества (главным образом высшие) пользовались отдельными правами. Но о правах человека в их нынешнем понимании говорить не приходится. Главным образом потому, что человек в рабовладельческих государствах и абсолютных монархиях не рассматривался как суверенная личность, активный элемент (субъект) государственной и общественной жизни. Люди были не равны по сословным, имущественным, религиозным, национальным и другим признакам. А юридическое неравенство людей делает невозможным реализацию прав и свобод человека. Права и свободы человека невозможны в несвободных, тоталитарных государствах, а являются принадлежностью свободных, демократических государств.

Первым шагом в числе тех, что приблизили торжество прав человека, было принятие английской Великой хартии вольностей в 1215 г., провозгласившей некоторые привилегии рыцарства, верхушки свободного крестьянства, горожан. В ней, в частности, сказано: «Ни один человек не будет арестован и заключён в тюрьму, или лишён имущества, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан... иначе как по законному приговору равных ему и по закону страны». После Великой хартии вольностей в европейских государствах был принят ряд документов, расширявших права высших слоёв населения (английский Билль о правах и др.).

В определённой степени гуманистическое мировоззрение эпохи Возрождения (в Италии XIV–XVI вв., в Западной и Центральной Европе конец XV–XVII вв.) легло в основу идеологии прав человека. Её в свою очередь можно рассматривать как один из универсальных способов реализации – на юридическом уровне – принципа гуманизма. Отсчёт истории прав и свобод человека в их нынешнем виде следует вести от Великой французской революции XVIII века. Она проходила под лозунгом «Свобода! Равенство! Братство!». За три дня до взятия Бастилии маркиз Лафайет, недавно вернувшийся из Соединённых Штатов Америки, представил Учредительному собранию проект Декларации прав человека и гражданина, сказав при этом: «Чтобы нация стала свободной, ей достаточно этого захотеть». История показала: нужны ещё желание и готовность государства поделиться своей властью с прессой, общественным мнением. Вскоре после 14 июля 1789 г. Учредительное собрание Франции проголо-

совало за статью XI Декларации: «Свободный обмен мыслями и мнениями является одним из самых ценных прав человека». В принятой декларации также говорилось: «Люди рождаются и пребывают свободными и равными в правах; социальные различия могут быть основаны только на общей пользе». Но новая республика, осудив монархию за предоставление свободы, вскоре перешла к самому жестокому террору, превратилась в диктатуру. Французам потребовалось около 100 лет, прежде чем в их стране окрепла демократия и были созданы условия для реализации прав и свобод человека. В 1791 г. конгресс США принял Билль о правах в виде десяти поправок к Конституции. Разумеется, прошли долгие десятилетия, отмеченные борьбой с рабством в южных штатах, гражданской войной, позором «покорения» западных и центральных индейских территорий, прежде чем стало возможно говорить о соответствии Билля о правах реальному положению дел в стране.

История развития института прав и свобод человека в России зависела от особенностей национальной культуры и религии народов, её населяющих. Восточные народы, например, в большой степени соизмеряли свои представления о личных свободах с древними обычаями, традициями, привычками поведения. Значительную роль играла мусульманская религия. Для славянских народов в реализации прав и свобод человека была характерна позиция, основанная на духовно-нравственных постулатах православия. До монгольского нашествия правовые нормы, регулировавшие общественные отношения на Руси, в принципе соответствовали тем нормам, которые были зафиксированы в различных «правдах» (Алеманнской, Салической и др.): чем выше стоял человек на общественной лестнице, тем на большую защиту закона он мог рассчитывать. Неравенство углубилось после осуществления реформ Петра I. Десятки тысяч крестьян и мастеровых были насильно согнаны на строительство северной столицы, флота, на уральские рудники и заводы. Поклонник прусской военно-государственной системы Петр III и большая любительница свободолобивых идей Вольтера, Монтескье и Даламбера Екатерина II окончательно оформили крепостное право крестьян, положение которых мало чем отличалось от положения чернокожих рабов в США. Слабые попытки дворянских и разночинных революционеров (декабристов, Герцена, Петрашевского, Бакунина, Чернышевского и др.) изменить естественный ход общественного развития успеха не имели.

Использование на уроках обществознания анализируемого материала – залог успешности учебно-воспитательного процесса, а следовательно, и повышения качества обучения. Для большего закрепления материала по пройденным темам, учащиеся на уроках и внеурочной деятельности выполняют следующие задания: записы-

вают цитаты, пословицы и т. д. по пройденным темам, пишут сообщения и сочинения по темам:

1. Всеобщая декларация прав человека: рекомендации или закон?
2. Борьба властей против прав человека – это борьба за привилегии.
3. Мало права провозгласить. Нужно чтобы...
4. Равенство и равноправие: одно ли это и то же. И т. д.

Учащиеся (В. Евстигнеева, М. Солтаева, Н. Исаева) защитили проекты по темам: «Зачем человеку права?», «Имеет ли преступник право на права?», «Возраст детства по международному праву и в реальной жизни».

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием на референдуме 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – № 7. – 21.01.2009.
2. Певцова Е. А., Важенин А. Г. Теория государства и права : учебно-практическое пособие для студентов колледжей. – Ростов н/Дону, 2003.
3. Певцова Е. А. , Важенин А. Г., Манихин О. В., Шелест Е. А. Государство и право: теория, история, современность : учебно-практическое пособие. – Ростов н/Дону, 2001.
4. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» (в ред. от 1 июля 2010г.) // СЗ РФ. – № 3. – Ст. 148.

ОТРАЖЕНИЕ ВЕРОТЕРПИМОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К КАТОЛИЧЕСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ В XVIII–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Е. С. Борзова
Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Summary. This article discusses the development of tolerance in the legislation of the Russian Empire in relation to the Catholic population. The author pays main attention to the Manifesto of the 17th of April, 1905 and its consequences. It is concluded that, despite the proclamation of liberty of conscience, the relationship between the Catholic church and the state is even more acute.

Key words: tolerance; freedom of conscience; Catholics; Manifesto of the 17th of April.

Веротерпимость была одним из первых либеральных принципов, укоренившихся в законодательной практике европейских государств, и Россия в этом плане не является исключением. Вхождение в состав Российской империи в XVIII в. украинских, белорусских, польских и литовских земель привело к тому, что доля католиков и униатов в общем числе жителей империи возросла до 10 % и соста-

вила более 6 млн человек [1, с. 19]. Безусловно, правительству необходимо было считаться с интересами такой значительной конфессиональной группы.

В своде законов 1857 г. декларировалось: «Первенствующая и господствующая вера в Российском государстве есть Христианская Православная Католическая Восточного исповедания. Но и все, не принадлежащие к господствующей церкви подданные государства..., а также иностранцы, состоящие в русской службе или временно в России пребывающие, пользуются, каждый повсеместно, свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной» [1, с. 24–25]. К последующему своду законов издания 1899 г. прилагался «Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных». Помимо православия закон формально разрешал исповедовать в Российском государстве все существующие религии: «свобода веры присвоается не токмо Христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам» [8, ст. 3, с. 7].

Однако провозглашение веротерпимости не означало предоставления права свободного перехода из одного исповедания в другое. Переход в римско-католическую и иную веру православным был строго запрещён. А вот принятие господствующей веры по закону от 15 августа 1845 г. разрешалось для представителей всех религий: «Если исповедующие иную веру пожелают присоединиться к вере Православной, никто ни под каким видом не должен препятствовать им в исполнении сего желания» [8, ст. 5, с.7]. По закону лишь одна православная церковь имела право «убеждать последователей иных Христианских исповеданий и иноверцев к принятию её учения о вере». Миссионерская деятельность со стороны представителей иных исповеданий была строго запрещена: они «обязаны не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии» [8, ст. 4, с. 7]. Нарушение закона каралось в уголовном порядке.

Таким образом, исходя из лозунга «Православие. Самодержавие. Народность», который с середины XIX в. стал ведущим во внутренней политике Российской империи, только православие признавалось залогом стабильности и процветания государства, а самое главное – залогом сохранения его единства. В связи с этим любого человека, принявшего католическую веру, считали вероотступником и изменником своей национальности и культуры...» [7, с. 49]. Истоки такого понимания Е. Цимбаева предлагает искать в идейной атмосфере того времени. В русском общественном мнении слова «поляк» и «католик» воспринимались синонимами [11, с. 58]. Об этом в первой половине XIX в. писал русский дипломат И. С. Гагарин, порицая популярный в обществе логический ряд: «Польша – распространение революционного духа, следовательно, все католики – революционеры» [11, с. 58]. Вследствие этого принятие католи-

цизма ставилось в ряд с государственными преступлениями и расценивалось как подрыв территориальной целостности страны и антиправительственная пропаганда.

В начале XX в. вопрос о свободе вероисповедания и свободе совести стал всё чаще обсуждаться в правительственных и церковных кругах. Такая активность связана, во-первых, с тем, что конец XIX–начало XX в. было временем расцвета католицизма в России. Причём, по мнению А. И. Дремлюга, это относится, главным образом, не к традиционно католическим территориям, входившим в состав Российской империи (Польша, Литва), а к внутренним губерниям с преобладающим православным населением [5, с. 13]. Рост числа католиков в русских городах происходил, прежде всего, за счёт польского элемента. С одной стороны, наплыв поляков из Польши в российские города был связан с поиском заработка. С другой – польское восстание 1863 г. послужило причиной насильственного переселения вглубь России многих тысяч католиков из западных губерний.

Во-вторых, в начале XX в. в связи с дестабилизацией обстановки в стране и последовавшей за ней революцией 1905–1907 гг. резко возросло давление на верховную власть, в том числе и со стороны людей, которые выступали за религиозную свободу. Руководство страны получало тревожные донесения из западных районов, где указывалось на резкую активизацию антироссийских настроений в католической среде, которую возбуждало духовенство [10, с. 229].

Шагом к «расширению» веротерпимости стал манифест от 26 февраля 1903 г., в котором провозглашалась воля Государя: «Укрепить соблюдение властями...заветов веротерпимости..., которые предоставляют всем подданным нашим инославских и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужение по обрядам оной...» [9, с. 235]. Данный манифест разрешал миссионерскую деятельность со стороны других исповеданий, которая до этого считалась государственным преступлением. Однако уже менее чем через месяц – 22 марта – в новом опубликованном Уголовном положении сохранялся прежний закон об охране православной веры. В нём утверждалось, что лишь господствующая в государстве церковь может убеждать в принятии её вероучения [9, с. 235]. Таким образом, манифест 26 февраля 1903 г. не имел особого значения для католического населения Российской империи.

Более подробно рассмотреть вопрос об основах веротерпимости предполагалось по высочайшему указу «Об усовершенствовании государственного порядка» от 12 декабря 1904 г., адресованному председателю комитета министров С. Ю. Витте. Вслед за этим 17 апреля 1905 г. последовал манифест «Об укреплении основ веротерпимости».

Именной Высочайший указ «Об укреплении основ веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. в корне изменил всю межконфессиональную ситуацию в Российской империи, уравнивая права остальных

основных религиозных конфессий с православием [10, с. 11]. Главные его положения заключались в том, что отпадение от православной веры в другие христианские исповедания или вероучения не подлежит преследованию и не должно повлечь за собой каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий. Оговаривалось также и преподавание Закона Божьего на природном языке учащихся и только духовными лицами соответствующего исповедания [10, с. 229].

В отношении к римско-католическому исповеданию пересматривалось право на строительство костелов. Теперь для их открытия требовалось только согласие духовного католического начальства, наличие необходимых денежных средств и соблюдение технических требований Строительного устава. Прекращалась практика обязательного закрытия римско-католических монастырей в губерниях Царства Польского [10, с. 229]. Так начиналась новая эпоха в отношениях между властью и католиками в России.

Последствия дарованных свобод для властей оказались неожиданными. Вскоре после издания манифеста свыше 200 тысяч человек оставили насильственно навязанное им православие. В отчёте обер-прокурора Святейшего Синода за 1905–1907 гг. говорилось, что 170 тыс. человек, отпавших от православия, были католиками и униатами Западных и Юго-западных губерний, и 36 тыс. – мусульманами Поволжья [4, с. 136].

Православное духовенство крайне негативно и предосудительно отнеслось к Манифесту 17 апреля 1905 г. Митрополит Антоний Вадковский заявил, что это «несправедливо по отношению к православной святой церкви», потому что представляет серьёзную опасность [9, с. 234]. Епископ Люблинский, викарий Холмско-Варшавской епархии Евлогий Георгиевский в своих воспоминаниях с грустью отмечает, что все усилия по обрусению Холмского края после указа о свободе совести оказались напрасными. Трёхсотлетнее пребывание в унии для населения Холмщины не прошло бесследно, и после воссоединения с Русской Православной церковью в 1875 г. многие «лишь на бумаге были православными, а по существу те же униаты» [6, с. 140]. Поэтому после провозглашения Манифеста начались массовые отпадения от православия, навязанного сверху. Евлогий признаётся, что администрация и высшее управление православной церкви Западного края растерялись. Но самым печальным было то, что польские помещики повели наступление на зависимое от них православное население со всей жестокостью материального давления. Так, по свидетельству Евлогия, батракам было объявлено, что лишь перешедшие в католичество могут остаться на «службе», а остальные получают расчёт. Помимо угроз были и посулы. Так, например, графиня Замойская обещала корову каждой семье, принявшей католичество; ксендзы объявили награду в 1 рубль каждому

за соращение одной души из православия [6, с. 140]. Таким образом, населению в данной ситуации некуда было деваться, и «многие, очень многие, раздавленные безысходностью, приняли в те дни католичество»; правда, не все «за совесть», некоторые лишь официально, оставшись в душе верными православию. Тем не менее, внешняя удача католиков была налицо, «поляки торжествовали...» [6, с. 142].

Однако, провозгласив свободу совести, манифест предполагал ряд серьёзных ограничений. Во-первых, стать католиком было возможно только при переходе в западный обряд, восточный обряд по-прежнему оставался под запретом [2, с. 9]. Такое положение дел вполне отвечало интересам польского католического духовенства, которое видело будущее католической церкви в России только в латинском (западном) обряде. При этом польские священники должны были сохранять ведущее положение в конфессии. Во-вторых, не прекратились и гонения на миссионеров. Соращение из православия путём пропаганды иных вероучений нередко «продолжало преследоваться в уголовном порядке, а критика господствующей церкви в печати наказывалась заключением в крепость сроком до одного года» [4, с. 136].

Свобода совести также фигурирует в Высочайшем манифесте «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 октября 1905 г., которым император даровал населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, собраний и союзов...» [3, с. 90–91]. Этим указом также провозглашалась амнистия по делам религиозного характера. Однако граждане, сосланные на каторгу и в ссылку по таким делам, облегчения фактически не получили [4, с. 136]. Всё же, несмотря на то, что на свободу совести, дарованную манифестами 1905 г., распространялись разного рода ограничения, сам факт провозглашения такой свободы свидетельствует о высшей точке развития веротерпимости в государстве.

Как только революция закончилась, начался обратный процесс – наступление на недавно дарованные свободы, в том числе и на свободу совести. Начало этому положил Всероссийский миссионерский съезд, проходивший в Киеве в 1908 г., на котором присутствовало более 600 православных священнослужителей. Решения съезда были направлены против перехода из православия в другие христианские исповедания, главным образом путём усиления пропаганды православия [4, с. 137].

Коренной переворот в отношениях между государством и религиозными конфессиями произошёл после Февральской революции 1917 г. Декретом Временного правительства от 20 марта 1917 г. были отменены все ограничения на вероисповедание, в результате чего господствующее положение православной церкви было подорвано.

Несмотря на то, что с апреля 1905 г. правительство России смягчило свой курс по отношению к католикам, отношения между Католической церковью в России и государством ещё более обострились, выявив очевидное: римско-католическое духовенство стояло на позиции своей полной независимости от российской власти [10, с. 230].

Библиографический список

1. Билунов Д. Б. Правительственная политика в отношении римско-католической церкви в 1960-е годы XIX века // Вестник МГУ. – Сер. 8. История. – 1996. – № 4. – С. 19–43.
2. «Возлюбив Бога и следуя за ним...». Гонения на русских католиков в СССР. По воспоминаниям и письмам монахинь – доминиканок Абрикосовской общины и материалам следственных дел / Сост. И. И. Осипова. – М. : Серебряные нити, 1999.
3. Высочайший манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. // Ф. И. Калинычев. Государственная Дума в России: сборник документов и материалов. – М., 1957. – С. 90–91.
4. Грекулов Е. Ф. Церковь. Самодержавие. Народ. (Вторая половина XIX–начало XX вв.). – М. : Наука, 1969.
5. Дремлюг А. И. Эволюция католицизма на Северо-Западе России : автореф. дис. ... на соискание уч. степени канд. филос. наук: 09.00.06. – СПб., 2000.
6. Евлогий Георгиевский. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита. – М. : Моск. рабочий; ВПМД, 1994.
7. Нелюбина О. Рожденная в России // Библиотека. – 1994. – № 12. – С. 48–50.
8. Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных / Полный свод законов Российской империи / под ред. Г. Г. Савича. – СПб. : Изд-е неофиц., 1903. – Т. 11. – Ч. 1. – С. 7–29.
9. Смолич И. К. История русской церкви. 1700–1917. – Кн. 8. – Ч. 2. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.
10. Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII–начале XX в. – СПб., 2008.
11. Цимбаева Е. Н. Русский католицизм. Забытое прошлое российского либерализма. – М. : Эдиториал УРСС, 1999.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ПРАВА НАРОДОВ

М. Я. Кочаров

**Краснодарский государственный университет культуры
и искусств г. Краснодар, Россия**

Summary. The principle of national self-determination-this is a political principle, or moral requirement. Self-determination of nations is a requirement of the broad masses of the people around the world. The principle embodied in the Charter of the United Nations: “To develop friendly relations among nations based on respect

for the principle of equality of peoples". Every State shall refrain from any forcible action which deprives peoples of their right to self-determination.

Key words: national self-determination, political principle, moral requirement, the principle of equality, freedom of choice, international law, support of the state.

В международно-правовой литературе нередко выдвигался довод о том, что принцип самоопределения наций не есть норма международного права, а есть только политический принцип или моральное требование. Так, например, американский автор специальной работы о самоопределении наций Ривлин, заявляет, что это право «не развилось в общий принцип международного права» и не имеет определения, которое указывало бы «на критерии и образцы его применения».

Западногерманский автор в курсе международного права утверждает, что право наций на самоопределение «не приняло никакой юридически осязаемой формы о том, что... народ должен быть освобождён по своему желанию от принадлежности к государству, в которое он до сего времени входил» [1, с. 2].

Самоопределение наций есть требование широчайших народных масс во всём мире, и поэтому бесспорно, что оно стало политическим принципом, обладающим огромной моральной силой. Принцип воплощён в Уставе ООН, в котором в качестве одной из целей организации указано: «Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира» [2, с. 3].

Между тем для народов право самоопределяться означает свободу выбора, основу такого их существования и развития, какое они сами предпочитают, вплоть до того, быть или не быть, фактически или формально. Один из баскских политиков сказал: «Я не хочу разводиться со своей женой, с которой прожил всю жизнь. Но и не желаю, чтобы закон не признавал за мной права на развод» [3, с. 3].

Толкуя положения Устава ООН, касающиеся вопроса права наций на самоопределение, юрист-международник, учёный Кожевников писал, что нация не утрачивает своего права на самоопределение, если она образовала самостоятельное государство или вошла на добровольных началах в состав многонационального государства. Нация, избравшая определённый политический, экономический, социальный и культурный статус, может в дальнейшем изменить его. Всякое насилие над волей нации будет нарушением её права на самоопределение и, следовательно, нарушением международного права [4, с. 3].

В Декларации «О принципах международного права» 1970 года И. И. Лукашук отметил, что государства обязаны способствовать осуществлению принципа в целях содействия

дружественным отношениям между государствами и ликвидации колониализма. Колониализм как подчинение народов иностранному игу, господству и эксплуатации является нарушением принципа самоопределения, представляет отказ в осуществлении основных прав человека [5, с. 3].

Каждое государство обязано воздерживаться от любых насильственных действий, лишаящих народы их права на самоопределение. В своём сопротивлении таким действиям народы вправе и спрашивать, и получать поддержку в соответствии с Уставом ООН.

Библиографический список

1. Кожевников Ф. И. Курс международного права. – Т. 2. – М., 1967.
2. Устав ООН (26 июня 1945 года). Сборник документов по курсу международное право : учебно-методическое пособие. Ч. 1. / Сост. М. В. Андреева. – М. : Институт международного права и экономики, 1996. – п. 2, ст. 1.
3. Евзеров Р. Не призыв, но право // Дружба народов. – 2002. – № 11. – С. 169.
4. Кожевников Ф. И. Курс международного права. Т. 2. – М., 1967. – С. 215.
5. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. – М., 1996. – С. 282.

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. М. Ахметова, И. Ф. Ахметдинова, Д. З. Хамзина
Башкирский государственный аграрный университет,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

Summary. In this article legal bases of fixing of the rights and freedoms of the person and the citizen in the Constitution of the Russian Federation are considered, distinction of concepts "main", "the constitutional and "other" laws is emphasized. The problem of declarative nature of declaration of the rights and freedoms is designated, solutions of this problem are offered.

Key words: the Constitution of the Russian Federation; rights; freedoms.

Конституция – основной закон государства, являющийся источником общепризнанных прав человека. Эти права и свободы человека занимают центральное место в конституции любого государства. В Конституции РФ 1993 г. с учётом мирового опыта дан широкий перечень общепризнанных прав человека.

«Под конституционными правами и свободами понимаются наиболее важные права и свободы человека и гражданина, раскрывающие естественное состояние свободы и получающие высшую юридическую защиту» [1].

Права и свободы человека в России закреплены в главе 2 Конституции России «Права и свободы человека и гражданина» [3]. Гражданин Российской Федерации обладает на её территории всеми правами и свободами и несёт равные обязанности, предусмотренные Конституцией РФ.

Действующая Конституция России исходит из того, что государство не дарует, не предоставляет людям их основные, т. е. конституционные права и свободы. Они принадлежат людям от рождения; как сказано в ч. 2 ст. 17, права и свободы человека неотчуждаемы, т. е. они не могут быть приобретены (даже у государства) и не могут быть никому переданы и никем не могут быть отобраны. Поэтому даже отказ от них недействителен. Точно так же права гражданина в полном объёме приобретаются в большинстве случаев с рождением, а в некоторых случаях – с принятием российского гражданства, достижением определённого возраста и являются столь же неотчуждаемыми.

Считаем необходимым указать на различие понятий: «основные», «конституционные» и «иные» права человека.

Выделение категории «основных» прав человека отнюдь не означает отнесение «иных» прав к правам второсортным, менее значимым, требующим меньших усилий государства по их обеспечению. Речь идёт о том, что основные права и свободы составляют стержень правового статуса индивида, в них коренятся возможности возникновения других многочисленных прав, необходимых для нормальной жизнедеятельности человека. Эти права очень важны для индивида, его взаимодействия с другими людьми, с обществом и государством.

Можно сказать, что конституционные права и свободы составляют ядро правового статуса личности, именно они лежат в основе всех других прав. Так, ч. 1 ст. 22 Конституции РФ закрепляет свободу и личную неприкосновенность каждого. Это основное право порождает определённую систему прав, закреплённых в УК РФ. Очевидно, что все права, предопределяемые нормами трудового права, основываются на конституционных положениях о труде; права граждан в области здравоохранения – на конституционном праве на охрану здоровья и т. д. [2].

К числу наиболее актуальных направлений развития современной российской теории права относится разработка теории защиты основных прав человека и гражданина, ориентированной, в конечном счёте, на реализацию прикладной функции общей теории права, связанной с совершенствованием практики защиты закреплённых в Конституции РФ, а также иных общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

Проблемой является то, что провозглашение прав не всегда сопровождается их осуществлением. Сложность данной проблемы

определяется противопоставлением приоритетов: с одной стороны, люди создают государство для себя, защиты своих прав и свобод; с другой – «государство возникает как ответ на неспособность человеческого общества жить без него, без его силы и ограничений, государство становится как бы высшим проявлением общественной организованности и порядка, единственным гарантом безопасности, стабильности и развития».

По нашему мнению, пути решения для этой проблемы состоят в следующем:

– установление должного равновесия между правами человека и интересами демократического общества в соответствии с основополагающей конституционной идеей об обеспечении максимально возможной степени свободы личности;

– необходимость рассматривать гарантии прав личности от неконституционных ограничений; внести предложения, направленные на повышение эффективности функционирования данных гарантий;

– разработать и предложить конкретные научно-практические рекомендации по совершенствованию конституционно-правового регулирования ограничений прав и свобод человека и гражданина с целью обеспечения подлинной свободы личности.

– определить способы конституционного регулирования ограничений прав и свобод;

Таким образом, права и свободы человека являются неотъемлемой частью законодательства. Без этих понятий и не существовало бы самой конституции и организации внутреннего устройства страны.

Библиографический список

1. Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс. – В 2 т. – М., 2005. – С. 34.
2. Квитко А. Ф. Ограничения прав и свобод – цели, основания, юридические пределы // Право и жизнь. – 2006. – № 105 (15).
3. Конституция РФ. Глава 2. Права и свободы человека и гражданина.

НОВОЕ ОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

М. И. Борисова
Волгоградская академия МВД России,
г. Волгоград, Россия

Summary. The article is concerned with the changes to the legislation of the Russian Federation regarding application of compulsory medical treatment measures to paedophiles. The author has discovered a number of problems with the implementation of these measures, proposed the ways for their solution and proved the necessity of improving criminal legislation in this sphere.

Key words: compulsory medical treatment measures; mental insanity; a disorder of sexual preference (paedophilia); sanity.

Федеральным законом от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершённые в отношении несовершеннолетних» ч.1 ст.97 УК РФ «Основания применения принудительных мер медицинского характера» дополнена п. «д» следующего содержания:

«1. Принудительные меры медицинского характера могут быть назначены судом лицам:

д) совершившим в возрасте старше 18 лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14-летнего возраста, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости».

Данным федеральным законом «педофилия» впервые введена в текст нормативно-правового акта как юридический термин. Согласно Международной классификации болезней X пересмотра (МКБ-10), педофилия относится к классу V (F) – разделу, описывающему психические расстройства и расстройства поведения, блока F60-F69 – «Расстройства личности и поведения в зрелом возрасте», как одно из расстройств сексуального предпочтения (код F65.4). Правовой нормой ст.1 Приказа Минздрава РФ от 27 мая 1997 года № 170 «О переходе органов и учреждений здравоохранения РФ на международную статистическую классификацию болезней и проблем, связанных со здоровьем, X пересмотра», органам и учреждениям здравоохранения предписано с 01 января 1999 года перейти на МКБ-10. Это единый международный нормативный документ для формирования системы учёта и отчётности в здравоохранении. То есть законодательство РФ устанавливает обязательное применение текущей версии МКБ, в том числе в клинической психиатрии и при проведении судебных психиатрических экспертиз. Таким образом, педофилию можно отнести к психическим расстройствам. Воз-

никает закономерный вопрос: в чём заключается различие между лицом, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, и лицом, указанным в пункте «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, если данные лица страдают психическим расстройством, не исключающим вменяемости? Рационально ли законодательное выделение в отдельный пункт ч. 1 ст. 97 УК РФ конкретного вида психического расстройства? Каким образом наличие у лица расстройства сексуального предпочтения (педофилии) может повлиять на квалификацию совершённого им деяния, содержащего состав конкретного преступления? Спорно и определение условий совершения преступления, при которых возможно применение положений п. «д» ч.1 ст. 97 УК РФ: совершение лицом, достигшим 18-летнего возраста, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14-летнего возраста. Таким образом, при буквальном толковании данной нормы, можно сделать вывод, что совершеннолетние лица, совершившие преступления указанной категории в отношении лиц в возрасте от 14 до 16 лет, по мнению законодателя, в принудительных мерах медицинского характера не нуждаются. Федеральным законом от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ в ст. 102 УК РФ «Продление, изменение и прекращение применения принудительных мер медицинского характера» введена ч. 2.1. Согласно её правовым установлениям суд на основании внесённого не позднее, чем за 6 месяцев до истечения срока исполнения наказания, ходатайства администрации учреждения, исполняющего наказание, назначает судебно-психиатрическую экспертизу в отношении лица, указанного в пункте «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ. Экспертиза проводится вне зависимости от времени последнего освидетельствования и от принятого решения о прекращении применения принудительных мер медицинского характера. Это необходимо для решения вопроса о применении к нему принудительных мер медицинского характера в период условно-досрочного освобождения или в период отбывания более мягкого вида наказания и после отбытия наказания. Суд на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы может назначить принудительную меру медицинского характера, предусмотренную пунктом «а» ч.1 ст. 99 УК РФ или прекратить её применение.

Данная новелла в уголовном праве вызывает ряд вопросов:

1. При наличии каких условий и оснований к лицу, в отношении которого судом ранее принято решение о прекращении принудительных мер медицинского характера, будут вновь применены указанные меры в период условно-досрочного освобождения или в период отбывания более мягкого вида наказания, а также после отбытия наказания?

2. Какие службы и подразделения будут осуществлять принудительные меры медицинского характера к данным лицам в течение

ние шести месяцев до истечения срока исполнения наказания, а также в период условно-досрочного освобождения или в период отбывания более мягкого вида наказания, а также после отбытия наказания?

3. Суд, в контексте ч. 2.1. ст. 102 УК РФ, вправе назначить или прекратить применение лицу, страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, лишь принудительной меры, предусмотренной п. «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ, то есть амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра. Чем данное положение отличается от положения иных лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, которым также, на основании ч. 4 ст. 102 УК РФ, может быть назначена аналогичная принудительная мера? Таким образом, все внесённые в УК РФ изменения предполагают принудительное лечение лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией).

Изменения, внесённые данным федеральным законом, так же предусматривают и добровольное лечение педофилии. Эти положения внесены в УИК РФ, а именно в ч. 4 ст. 18. Согласно ему осуждённому за совершение в возрасте старше 18 лет преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, отбывающему наказание в виде лишения свободы, администрация учреждения, исполняющего наказание, обязана предложить пройти освидетельствование комиссией врачей-психиатров. Делается это для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии) и определения мер медицинского характера, направленных на улучшение его психического состояния, предупреждение совершения им новых преступлений и проведение соответствующего лечения. Освидетельствование должно быть проведено не позднее, чем за 6 месяцев до истечения срока отбывания наказания либо при получении ходатайства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. А также при замене не отбытой части наказания более мягким видом наказания, либо до внесения представления о замене не отбытой части наказания более мягким видом наказания Основанием освидетельствования осуждённого комиссией врачей-психиатров является добровольное обращение такого осуждённого к администрации учреждения, исполняющего наказание, или согласие такого осуждённого. Очередное освидетельствование осуждённого проводится по инициативе лечащего врача, в том числе в случае, когда лечащий врач в процессе лечения приходит к выводу о необходимости изменения мер медицинского характера либо прекращения их применения. Лечение может быть прекращено администрацией учреждения, исполняющего наказание, на основании ходатайства осуждённого, находящегося на лечении. Данные положения не распростра-

няются на лица, страдающие психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости. К таковым по решению суда применяются принудительные меры медицинского характера. В случае добровольного согласия осуждённого на применение к нему принудительных мер медицинского характера лечение проводится только в месте отбывания наказания и до момента освобождения. Решение об условно-досрочном освобождении принимается по результатам лечения. То есть, после освобождения лицо имеет право не продолжать лечение. В данном случае прекращение мер медицинского характера может привести к совершению последующего рецидива преступлений данной категории.

Таким образом, за понятием так широко обсуждаемой «химической кастрации» скрывается медикаментозное лечение психического расстройства, назначаемое лечащим врачом, а не решением суда. Кроме того, не обязательно, что оно будет именно медикаментозным, так как решение о назначении конкретных препаратов принимает врач-психиатр.

Из всего вышеизложенного возможно сделать следующие выводы:

1. Выделение лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаяющим вменяемости, в отдельную категорию нецелесообразно, так как указанное заболевание является одним из видов психических расстройств, не исключаяющих вменяемости, указанных в п. «в» ч. 1 ст. 97 УК РФ.

2. Сложная криминальная ситуация в сфере борьбы с сексуальными преступлениями против несовершеннолетних требует принятия решительных мер со стороны государства. Борьбу с указанными преступлениями необходимо вести не только путём ужесточения санкции за их совершение (вплоть до пожизненного лишения свободы), но и путём повышения эффективности предупредительно-профилактической работы правоохранительных органов, соответствующих государственных и общественных организаций и учреждений.

3. Внесённые в законодательные акты изменения могут стать причиной для необоснованного смягчения наказания для осуждённых, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией). Меры медицинского характера к указанным лицам, добровольно согласившимся на их применение к ним, не обязательно заключаются в медикаментозном подавлении полового влечения. В пояснительной записке к проекту данного федерального закона речь идёт лишь о том, что комплекс медицинских мер медицинского характера, применяемых к лицам, страдающим педофилией, «может включать **возможность** применения профилактических медикаментозных средств, в том числе химической кастрации». Лица, подвергшиеся медицинскому воздействию, могут рассчитывать на

различные виды снижения срока наказания, режима его отбывания и т. п. без обязанности после освобождения из мест лишения свободы продолжать указанное лечение. Необходимо учитывать, что действие медикаментов антиандрогенной терапии обратимо. Не исключена и вероятность того, что лица, страдающие расстройством сексуального предпочтения, могут применять инъекции тестостерона, сводящие на нет влияние препаратов, подавляющих действие мужских половых гормонов. Следует принимать во внимание и то, что химическая кастрация не сможет излечить психологические корни полового девиантного поведения, и даже после проведённой терапии психологические побуждения лица могут подтолкнуть его к совершению новых преступлений.

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТА РАЗБОЯ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ

М. Х. Юсефи

**Бакинский государственный университет,
г. Баку, Азербайджан**

Summary. The article discusses some controversial issues of classification, qualifications, and legislative regulation of property crime in the Criminal Code of Azerbaijan Republic.

Key words: socially dangerous act; criminal act; object; robbery.

В законодательстве каждой страны имеются свои особенности квалификации того или иного преступления. В Уголовном Кодексе Азербайджанской Республики в преступление разбоя включены следующие признаки: а) совершение разбойного нападения группой лиц по предварительному сговору; б) разбой с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище; г) разбой с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия.

Часть третья ст. 162 УК АР содержит такие квалифицирующие признаки, как: а) совершение разбоя организованной группой; б) совершение разбоя в целях завладения имуществом в крупном размере; в) совершение разбоя с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего; г) совершение разбоя лицом ранее два или более раз за судимым за хищение или вымогательство.

После того как Азербайджан стал независимым, суверенным государством, произошли исторические изменения во всех сферах общественной жизни. Были проведены судебные-правовые реформы, совершенствовалась система защиты прав и свобод граждан. Обновилась правовая и законодательная системы в целом, особенно в ча-

сти демократизации и гуманизации уголовного законодательства. Существенные шаги сделало государство по пути прогресса в первые годы становления суверенитета. Этот процесс на отдельных направлениях деятельности правовой и законодательной системы продолжается и сегодня.

Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года был утверждён новый Уголовный Кодекс, а 1 сентября 2000 года он вступил в силу. Это явилось новым историческим событием с точки зрения совершенствования уголовного законодательства. Данный законодательный акт отличается, прежде всего, своей демократичностью и прогрессивностью, гуманизмом норм, обеспечением прав и свобод личности.

В настоящее время борьба с преступностью всех категорий стала составной частью внутренней функции государства, её неотъемлемой частью. Успешная борьба с преступностью является условием обеспечения общего развития государства в целом. Особенно это касается экономической деятельности и общественной безопасности, когда появляются препятствия в свободном развитии рыночной экономики. Серьёзная и беспощадная борьба проводится с указанным явлением, занимающим серьёзное место среди преступлений в экономической сфере.

Глава «Преступления в экономической сфере» являются составной частью преступлений против собственности. По этой причине их общим объектом являются экономические отношения. Это, в первую очередь, инструменты и средства производства, а также предметы труда, связанные с ними отношения собственности. Это касается хозяйственной деятельности по управлению связями с общественностью, материальных ценностей производства, обмена, распределения и потребления, отношений в сфере экономики. То есть инструменты и средства производства, трудовые, имущественные отношения и экономические связи являются неотъемлемой частью группы более сложного объекта – экономических отношений. Согласно статье 13 Конституции Азербайджанской Республики, установлены три формы собственности – государственная, муниципальная и частная. В соответствии с Гражданским кодексом Азербайджанской Республики все формы собственности в равной степени защищены. Это относится и к уголовно-правовой защите. Таким образом, при совершении преступления в качестве объекта может выступать любая форма собственности. Конкретная форма имущества, как непосредственный объект преступления, не влияет на установление уголовной ответственности и действия личности. Тем не менее, форма собственности должна определяться по этому делу, потому что, прежде всего, является объектом обязательного элемента доказательства по уголовному делу, а также может влиять или не

влиять на некоторые из установленных признаков (например, большой ущерб, причинённый гражданину).

Содержание статей, которое изложено в указанной главе Особой части, позволяет сделать выводы, что и составом преступления, и предметом его является чужая собственность. Преступление против собственности, которая является вашей собственностью, не может быть предметом уголовно-правовой защиты. Действия в отношении своей недвижимости только тогда считаются незаконными, если они нарушают права и интересы других граждан, которые находятся под защитой. В этом случае объектом уголовно-правовой защиты больше являются не отношения собственности, а другие достоинства общественного порядка – общественная безопасность, жизнь и здоровье личности.

Имущество, при совершении прочих преступлений, также может стать объектом преступного покушения лица, совершившего преступление. Возьмем, например, уничтожение или повреждение имущества в сочетании с хулиганством, терроризмом, массовые беспорядки, сопровождаемые грабежом, поджогом имущества и его уничтожением. В подобных преступлениях отношения собственности служат дополнительным или факультативным объектом. Покушение на собственность – лишь способ покушения на общественную безопасность или общественный порядок.

В исследуемых преступлениях имущественные отношения выступают в виде непосредственного объекта преступления. Некоторые преступления против собственности многообъектные; т. е. при совершении они могут нанести вред здоровью. К ним следует отнести грабёж, разбой, вымогательство через запугивание, незаконное захват автомобиля или иного транспортного средства без цели, и т. д. Интересы лица выступают в качестве дополнительного или факультативного объекта. Предметом преступлений против собственности являются любые объекты собственности, указанные в Гражданском кодексе Азербайджанской Республики. Таким образом, предметом преступлений против собственности могут быть любые предметы, в том числе денежные средства и ценные вещи, в некоторых случаях (в составе мошенничества и вымогательства через угрозы) также и имущественные права. В этом случае, как движимое, так и недвижимое имущество может быть предметом преступлений.

Формы преступного деяния в виде грабежа зависит от того, как было присвоено имущество. В Уголовном кодексе Азербайджанской Республики закреплено шесть форм хищения: воровство – тайное присвоение чужого имущества, мошенничество – злоупотребление доверием или присвоение имущества путём обмана и получения прав собственности, незаконное присвоение доверенного имущества, разбазаривание доверенного имущества, грабеж – открытое

присвоение чужого имущества; ограбление – насильственное присвоение чужого имущества. Законодатель, используя своё законное право, не считает присвоение имущества грабежом.

Две формы грабежа – присвоение и разбазаривание здесь принято считать отягощающим фактором.

В целом можно сделать вывод о том, что разбой является преступлением с двумя объектами, имея отношение как к собственности, так и с точки зрения покушения на человеческое здоровье. В отягощающих же случаях они включаются в категорию тяжких преступлений.

Библиографический список

1. Конституция Азербайджанской Республики. – Баку : изд. "Юридическая литература", 2005.
2. Уголовный Кодекс Азербайджанской Республики. – Баку : изд. "Юридическая литература", 2006.
3. Гражданский Кодекс Азербайджанской Республики. – Баку : изд. "Юридическая литература", 2006.
4. Гулиев Р., Иманов М. Уголовное право. Специальный раздел : учебное пособие. – Баку : изд. "Diqesta", 2001.

II. ИНСТИТУТЫ ГОСУДАРСТВА ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ОСТАЮТСЯ

А. Рагимова

**Бакинский государственный университет,
г. Баку, Азербайджан**

Summary. The recognition of human rights has passed a long and difficult way. It was accompanied by gradual restriction of authority, mass protests and civil wars. Today the world not that, hundred years back were, but problems remain.

Key words: human rights; Magna Carta; the Charter of UN.

В наши дни лишь очень смелый политик решится открыто усомниться в правомерности принципов соблюдения прав человека в качестве стержня внешней политики.

Откуда произошло понятие «права человека»? Идея о том, что каждый человек представляет собой ценность сам по себе, вряд ли нуждается в каком-либо специальном обосновании. Согласившись с идеей неповторимости и вечности человеческой «души», мы должны признать, что человек – это «личность», и эта личность должна обладать достоинством и правами. Религия также подчёркивает роль личности, которая общается с Господом. Сегодня же более важным, чем принципы теологии и философии, стали те **допущения**, из которых мы исходим. А мы исходим из того, что к другим **следует** относиться так, как мы хотим, чтобы относились к нам – так называемое «золотое правило», – даже когда наше поведение не соответствует идеалу.

Общественная свобода управляемых ограничивает власть правления в двух направлениях. С одной стороны, свобода, играя роль оппозиционного средства, определяет территорию для частной деятельности людей, которая закрыта для государственной деятельности, с другой стороны – не позволяет злоупотреблять властью внутри самой территории государственной деятельности. Сложно чётко разделить эти два направления. Но вместе с тем есть три категории свободы, являющиеся составной частью личного пространства людей, которое запрещено государству: права человека, экономическая свобода и свобода мысли.

– **Права человека.** Основная задача их – защитить человека от самовольных задержаний и арестов, право на жильё, право на путешествие, право на переписку, общение и т. д.

– **Экономическая свобода** – это право на собственность, свободу предпринимательства, свободную конкуренцию, экспорт продукции, свободный обмен и другие виды экономической свободы, которые олицетворяют либеральную экономику.

– **Свобода мысли** – это возможность людей открыто говорить о своей вере и выражать свою мысль, что является основным и неизбежным атрибутом демократии. В содержание этого атрибута входят религия, искусство, политика, нравственность, литература, и именно они играют роль наиважнейших элементов в существовании человека как личности. Признание свободы в этих сферах воспринимается крайне сложно со стороны тех, в чьих руках политическая власть.

Почему? Потому что одной из сторон свободы мысли является существование оппозиции. Свобода противостояния ограничивает действия самой власти. Большая часть общественных свобод (печатать, собрания, организации, создание кружков и т. д.) входит в состав свободы противостояния. Свобода мысли используется как средство противостояния. Кто-то может сказать, что ограниченная свобода была известна раньше, чем свобода противостояния, так как ограниченная свобода для государства считалась менее опасной и менее эффективной [4].

Признание прав человека прошло долгий путь и в условиях различных систем политического правления этот процесс проходил по-разному.

Историческое развитие британской политической системы можно разделить на 3 периода: британские завоевания, создание парламентского правления в 18-м веке и демократизация власти 19-м веке.

Ограничение абсолютной власти короля началось с принятия Великой Хартии в 1215-м году. В Хартии говорится о тюрьмах, судебных исполнителях, судах присяжных, штрафах, замках и конфискации имущества, т. е. о том, что больше всего заботило в те времена высшее дворянство, которое выкручивало руки королю. Лишь две статьи Хартии и в наше время звучат с впечатляющей силой:

«Ни один свободный человек не может быть арестован или заключён под стражу, или лишён права собственности, или свобод, или обычных прав, или объявлен вне закона, или изгнан, или обездолен любым иным способом; а мы не можем предпринимать никаких действий против него, кроме как по законному приговору равных ему или по закону страны. (Глава 39).

Никому за мзду не может быть вынесен неправосудный приговор, никому не может быть отказано в осуществлении права или справедливости». (Глава 40) [1].

Так как Великая Хартия была написана на латыни, до широких народных масс она дошла только в 16-м веке – после перевода её на

английский. Это документ стал фундаментальным для Петиции о правах (1628), для Билля о правах (1689).

В общем, для английской (а затем и британской) традиции характерны прагматизм и практичность, а не высокомерные декларации. Британцы по складу ума склонны к конкретным вещам. Точно так же каждый документ о правах человека – совершенно конкретный и не устанавливает никаких новых принципов. Что придаёт Великой Хартии вольностей и Биллю о правах значимость, так это традиция, которая закреплялась ими и которая ими же была создана. Та самая традиция, которая в течение последующих столетий лишь укреплялась и расширялась.

По сравнению с законодательными актами и судебными решениями, которыми был отмечен долгий путь Великобритании к парламентской демократии и неоспоримому господству закона, американские аналоги – Декларация независимости (1776), Конституция США (1787) и Билль о правах (1789) кажутся более радикальными и амбициозными.

В Декларации независимости, в заявлении «мы считаем само собой разумеющимся, что все люди созданы равными и в равной мере наделены Создателем неотъемлемыми правами...» наиболее отчётливо слышна идеалистическая, даже, возможно, утопическая тональность [1].

Американцы могут гордиться самой древней конституцией в мире. Ведь написанная в 1797-м году конституция не подвергалась серьёзным переделкам и всегда была в силе. Кроме того, эта конституция заслужила уважение народа: каждый гражданин знает её наизусть; её историю и содержание преподают в школах, и каждый, кто приезжает в США, клянётся чтить её, пока находится на территории штатов. Но в самом начале американцам она не нравилась, даже её создатели не верили в то, что она будет жить так долго.

Однако приняв эти заявления за чистую монету, не стоит пытаться применять их без учёта контекста, упуская, например, тот факт, что на протяжении долгих лет американцы уживались с существованием рабства. Даже смелые утверждения Томаса Джефферсона, как и их более прозаичные английские эквиваленты, должны рассматриваться в историческом контексте.

Стремление порассуждать отвлечённо о естественных правах или правах человека, которые возникли раньше конкретных законов и не зависят от них, – тенденция, не проявлявшаяся в Америке вплоть до современной эпохи политкорректности, что было характерно для революционной Европы. Парадоксально, но чем более грандиозными и широкими оказывались замыслы в отношении естественных прав, тем более вероятной была потеря свобод в конце.

Это можно увидеть на примере французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года и её практических последствий.

Документ начинается с удивительного и исторически недостоверного заявления о том, что «незнание, забвение и пренебрежение правами человека являются единственными причинами общественного зла и коррупции в правительстве». Далее мы узнаём, что «свобода заключается в возможности делать всё, что не вредит другим. Поэтому осуществление естественного права каждого человека ограничено лишь пределами, которые гарантируют другим членам общества возможность пользоваться тем же правом. Эти пределы могут устанавливаться только законом». Ну а что закон? Документ определяет его как «выражение общей воли». Возможно, некоторые из тех, кто разрабатывал Декларацию, понимали, какой смысл вкладывается во всё это. Однако при прямом толковании очевидно, что приведённые аргументы сами нуждаются в доказательстве, а обоснования до невозможности расплывчаты.

Американская и французская декларации оказали такое же влияние на конституцию других государств, как и британская модель парламентской демократии и общее право – на политическое устройство бывших колоний. Вместе с тем первые международные конвенции, касающиеся прав человека, появились лишь в середине XX века.

В преамбуле Устава ООН (1945 г.) записано: «Мы, народы объединенных наций, преисполнены решимости... вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций...» [1]. Однако основные статьи Устава фактически закрепляют систему, в соответствии с которой суверенные государства, а не международные органы обладают полнотой власти в пределах собственных границ. Определяются законные основания для внешнего вмешательства. Это является характерной чертой международных рассуждений о правах человека в прошедший период.

Практически одновременно с Конвенцией о геноциде появился ещё один основополагающий документ – Всеобщая декларация прав человека (1948 г.). В ней изложен целый ряд замечательных целей – как общих, так и конкретных, но при внимательном изучении её текста быстро понимаешь, что понятие «свобода» здесь смешивается с другими вещами – добром, злом и безразличием, которые на деле могут противостоять свободе. Так, Конвенция провозглашает такие «права», как «социальная защищённость», «права на работу... и защиту от безработицы», «право на отдых и свободное время», и «право на уровень жизни, адекватный здоровью и благосостоянию (человека) и (его) семьи». Записаны в ней и «право на образование», которое, среди прочего, «должно способствовать осуществлению деятельности ООН, направленной на поддержание мира». И наконец, социальный и международный порядок, обеспе-

чивающий всеобъемлющую реализацию прав и свобод, предусмотренных в настоящей Декларации.

В своей речи на всемирной конференции по правам человека в 1993 году в Вене Госсекретарь США Уоррен Кристофер о правах человека сказал следующее: «...Демократия поднимает голову на всей территории от Средней Азии до Центральной Америки. Никакие особенности происхождения, культуры или географического положения не могут ограничить стремления человеческого духа и права человека жить в условиях свободы и уважения человеческого достоинства. Мартин Лютер Кинг и Ганди, Фан Лижи и Натан Щаранский принадлежали к разным культурам, были выходцами из разных стран. Несмотря на это каждый из них внёс свой вклад в определение судьбы своего народа и всего мира, настаивая на соблюдении одних и тех же всеобщих прав человека.

Тот факт, что каждый из нас принадлежит к определённой культуре, не освобождает никого из нас от обязанности выполнять положения Всеобщей декларации. Никакая вера, система или культура, строящаяся на уважении человеческого достоинства, не может мириться с пытками, изнасилованиями, расизмом, антисемитизмом, незаконным содержанием под стражей, этническими чистками и похищениями людей по политическим мотивам. Их нельзя оправдать и требованиями экономического развития или соображениями политического характера.

Мы с уважением относимся к религиозным, социальным и культурным особенностям, делающим каждую страну уникальной. Но мы не можем позволить культурному релятивизму стать последним оплотом репрессивной системы.

Универсальные принципы Декларации ООН придают первостепенную важность **всем** людям. Мы отвергаем любые попытки любого государства создать для своих граждан более низкий стандарт человеческого достоинства. Не существует противоречия между универсальными принципами Декларации ООН и культурами, обогащающими наше международное сообщество. Целая пропасть лежит между циничными оправданиями деспотических режимов и искренними устремлениями народов, живущими в условиях таких режимов» [3].

Более десяти лет назад профессор Гарвардского университета Джозеф Ной выдвинул теорию, согласно которой высокая моральная репутация страны является её важным и ценным достоянием. Она помогает ей приобретать друзей, расширять своё влияние, получать нужную поддержку в моменты кризиса. В этой теории заложен глубокий смысл. Действительно, она срабатывает даже на уровне вашего ближайшего окружения. Всегда охотнее откликаются на просьбы тех, кого больше уважают.

Основная обязанность государства, считает он, состоит в том, чтобы охранять жизнь и защищать свободу своих граждан. Если оно не в состоянии справиться с этой задачей, то никогда не сможет помочь жителям других стран. Его вторую обязанность можно сформулировать кратко: «не навреди». Третья задача – по мере возможности помочь гражданам избежать катастроф – как природных, так и возникающих в результате действий человека. И наконец, четвёртая обязанность государства – оказывая помощь тем, кто пытается улучшить свою жизнь, создавать при этом более совершенную и менее репрессивную политическую систему.

Для правительств, заключающих договоры, способных практически повлиять на поведение людей в собственных странах, туманная терминология, которая использована в названных документах, просто не приемлема. Но это вовсе не значит, что международная озабоченность проблемой прав человека в XX веке была пустой тратой времени. Тем не менее, наблюдая за политическими процессами во всем мире в первое десятилетие XXI века, мы не можем удержаться от вопроса – для кого написаны все эти документы о правах человека?!

Библиографический список

1. Маргарет Тэтчер. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / пер. с англ. – М. : Альпина Паблишер, 2003. – 504 с.
2. Олбрайт М. Религия и мировая политика / пер. с англ. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. – 352 с.
3. Права человека: Нелёгкая борьба. Мнения государственных деятелей и учёных США. Distributed by United States Information Service Embassy of the United States of America. RPO 9405-050 Russian.
4. Maurice Duverger. Siyasal rejimler. Çeviren: Teoman Tunçdağın. Sosyal yayınlar. – Istanbul, 1986.

FUNCTIONS OF ELECTIONS IN COMMUNIST STATES

B. Iwanowska
Institute of Philosophy and Sociology Polish Academy
of Sciences, Warsaw, Poland

Summary. One of the most important political (constitutional) rights of citizens is the right to participate in elections aimed at choosing the authorities of the given country. Thus, elections are one of the most significant political events in every country. Elections are competitive in democratic states where citizens have some real choice and with the help of votes can influence political scenes of their countries. Elections can be non-competitive and this type of elections can be still found, particularly in the communist world. After World War II the Soviet Union managed to install communist regimes in some Central and Eastern European countries. They acted in

the Soviet style as Soviet officers “helped” in ruling. The communist satellite states were fully subordinated to the authorities of the Soviet Union.

Elections in communist states were non-competitive and varied much more than competitive ones held in democratic countries. There were two types of communist elections: acclamatory elections (for example in the Soviet Union) and candidate-choice elections (for example in Poland). Elections in communist states were organized regularly but they did not solve anything, did not result in any political changes. There were various reasons for such effects of these elections.

First of all, decisions referring to all the matters of the state were made by communist parties, not through elections. The parties decided about everything and controlled citizens fully. The citizens were to vote according to the parties’ will and not to decide about directions of countries’ development.

Secondly, the communist parties had practically no opposition. Even if other parties were allowed to nominate their candidates to electoral papers, they did it on agreement with the communist parties to which they were subordinated. The communist parties decided of candidates’ positions on electoral papers what gave advantages to communist candidates as majority of voters voted without crossings-out, i.e. without changing the candidates’ ranks on the electoral list.

Thirdly, because of lack of control from any opposition (that did not exist or had no say) elections were organized and monitored only by the communist parties that were able to ensure both turnouts and election results according to their wish. Turnouts were reported high, usually above 90 %. In literature communist elections are called “the made elections” (Harrop & Miller, 1991, p. 37).

The communist parties organized elections because they wanted to be in power as representative forces of the nations. They searched for legitimacy. That was one of the most important functions of elections in the communist states. But legitimacy was not coming from elections as the nations’ will was different. In order to stay in power the communist parties created electoral mechanisms which enabled them to win elections. Here we come up to the most important feature of communist elections – they should not threaten the communist party in keeping its dominant position and maintaining power as well as control over the society.

The deciding moment in the history of the European communism came when the famous Polish riots of 1980 resulted in coming into existence of the Solidarity movement. Since then a constant political fight against communism, which had a weak economic performance, brought the both sides in Poland to round-table talks which resulted in giving back political power by the communist party to the nation. Free elections of 1989 in Poland mark a turning point in history of European communism which had to go away as an inhuman system, foreign to aspirations of the nations.

Key words: elections, history, communist states, legitimation, society, human rights, freedom.

This paper is to show the nature of elections in communist states, the role the elections played and their functions. I use the past tense intentionally as I limit myself to the Soviet Union and European countries in which communism was imposed against the nations’ will by the Soviet Union after II World War. Luckily for these states communism as a political system was thrown out as a result of valiant struggle led by progressive forces of the societies, among which the Polish solidarity movement played the most important role in the 1980s.

Communism is now a history in Europe. But for 45 years since its emergence outside the Soviet Union on the bayonets of the Red Army communist parties ruled as they liked, organized elections seeking legitimizing of their power in electoral campaigns and acts. Communist elections in European states served the communist parties' interests and helped them stay in power regardless of cost.

"Elections concern voters; they also concern governments. Elections are about freedom and choice; they are also about control and constraint" (Harrop & Miller, 1991, p. 1). This is how the authors begin their book "Elections and Voters". The authors understand freedom and choice at elections in the way "governments design electoral systems and organise the conduct of elections" (Harrop & Miller, 1991, p. 1).

What are elections? The a. m. authors define it "as a formal expression of preferences by the governed, which are then aggregated and transformed into a collective decision about who will govern – who should stay in office, who should be thrown out, who should replace those who have been thrown out" (Harrop & Miller, 1991, p. 2).

According to the same authors, "elections can be classified in many different ways but one of the most fundamental is based on the degree of choice offered to the voters" (Harrop & Miller, 1991, p. 2). First of all that degree "depends upon whether the voter has a choice between parties", as "elections and parties are intimately linked" (Harrop & Miller, 1991, p. 2). "And if the system prevents the voter choosing between parties, the question of whether it allows a choice between candidates becomes much more important" (Harrop & Miller, 1991, p. 3). From this viewpoint the authors distinguish "competitive, dominant-party, candidate-choice and acclamatory elections" (Harrop & Miller, 1991, p. 3). It is worth mentioning how the authors perceive the elections in Poland under communism (i.e. before 1989): "In Poland the communist party is very dominant and the degree of party choice extremely limited; so we emphasize the candidate-choice classification for Poland" (Harrop & Miller, 1991, p. 4).

Dominant-party elections prevail in the third world. In East European countries under communism only "a modicum of party competition" was present "though the grip of the communist party remains tighter than that of dominant parties in the developing world" (Harrop & Miller, 1991, p. 3).

"By candidate-choice elections" the authors "mean those where there is little or no choice between parties but voters are allowed a choice between candidates standing under the same party label. Competition over national policy is eliminated but elections can still provide a check on the personal performance of elected officials" (Harrop & Miller, 1991, p. 4). According to the authors, "the major examples of this type of election are found in non-communist, one-party states in Africa" (1991, p. 4).

And this is how the authors describe acclamatory elections. "In acclamatory elections voters have no choice at all, whether of candidate,

party or policy. From a democratic perspective, elections by acclamation are a sham and a fraud. (...) They belong in substance to the category, not of elections, but of public demonstrations such as May Day processions. (...) Acclamatory elections are surprisingly rare: the Soviet Union is the major contemporary example” (Harrop & Miller, 1991, p. 4).

Elections under communism are characterized as “a mockery of their own ostensibly democratic constitutions. (...) Of course, it is indeed a central feature of communist elections that they must not threaten the dominant position of the communist party. In that sense they are ‘elections without choice’ ” (Harrop & Miller, 1991, p. 16). Communist rule “provided a new justification of autocracy. Under Marxism-Leninism, the leading role of the party is justified by its ability to lead society towards communism. The party’s objective is to transform society so that communist self-government becomes possible” (Harrop & Miller, 1991, p. 16).

“There are essentially two types of election in communist countries: elections by acclamation and candidate-choice elections” but they “vary significantly within the framework of one-party rule” (Harrop & Miller, 1991, p. 17). The main differences are the following. In the acclamation type there is only one policy programme and one candidate for one seat whereas in the candidate-choice type of election there are more candidates than seats and despite one policy programme candidates can interpret it differently. In acclamatory elections candidate selection is made by executive decision but in candidate-choice elections voters’ meetings can have more influence. In acclamatory elections there are none consequences for national policy and only minimal for local policy. Candidate-choice elections have minimal consequences for national policy but some for local policy.

“Broadly, there are two main routes through which limited choice has been offered to voters in communist states. The first, favoured by Poland and East Germany, is to have more candidates than seats but to rig the rules so that official party candidates are strongly advantaged. In Poland, this is done by placing official candidates at the top of the ballot paper, and deeming an unmarked ballot to be a vote for the top candidates. As it is easiest, and politically safest, for voters to place their ballots directly in the box without entering the booth to alter the ranking on the ballot, top candidates have a large advantage” (Harrop & Miller, 1991, p. 18). The second route took place in Romania, Yugoslavia and Hungary (until 1983) where “in practice the senior communist party candidates, and the most important posts, are elected unopposed. (...) Choice is between individuals of similar rank, not between parties or national policies” (Harrop & Miller, 1991, p. 18).

In the mid-1980s examples of acclamatory elections, besides the Soviet Union, were in Czechoslovakia, Bulgaria and Albania. Then candidates-choice elections with less choice were in East Germany and Poland but with more choice in Yugoslavia, Hungary and Romania. In the mid-

eighties “candidates-choice elections are becoming more common in communist states. Within the last thirty years they have replaced elections by acclamation in Hungary, Romania and East Germany” (Harrop & Miller, 1991, p. 19).

As it can be seen from the above “toleration of non-communist candidates in several East European countries reflects a small but growing degree of political pluralism. Lacking the power, and perhaps the desire, to hold Soviet-style plebiscites, ruling parties in the more liberal communist states take a small risk that elections will not fuel opposition to their own supremacy” (Harrop & Miller, 1991, p. 19).

In the Soviet Union the participation in the electoral process was carefully controlled by the party. As a result “citizen involvement in Soviet elections is much greater than in the West” (Harrop & Miller, 1991, p. 20). As the voters had no choice “nomination is the crucial and most interesting phase of the electoral process. (...) Deputies are nominated for local Soviets at work-place meetings. These gatherings confirm the candidates proposed by an authorised organization, such as a trade union, which has itself often been prompted by the party. Once nominated, a candidate stands as a representative of the ‘Bloc of Communist and Non-Party People’. This symbolises the ‘unity’ of party and people” (Harrop & Miller, 1991, p. 20). “The local campaign is led by ‘agitators’ who lecture the public on the virtues of the Soviet Union and its electoral system. Canvassers visit electors to up-date the electoral list and listen to complaints. It all happens under strict party control” (Harrop & Miller, 1991, p. 20). According to Lentini, “That the electoral system functioned non competitively until the late 1980s is directly related to the CPSU’s desires” (1995, p. 3).

In the Soviet Union elections were held on Sunday, a public holiday, polling stations were set up even in hospitals and railway stations so that every citizen could vote. Besides citizens could easily obtain a “Certificate of Right to Vote Elsewhere” (Harrop & Miller, 1991, p. 21). By such conditions turnouts were regularly reported above 99 %. “There is no doubt that most Soviet citizens who vote do in fact vote for the official candidate. (...) The real reason why candidates obtain massive majorities is that Soviet citizens fully understand the first law of survival in totalitarian states: don’t make waves” (Harrop & Miller, 1991, p. 21).

The manner of voting in the Soviet Union is presented as follows: “Voting was a passive act. Electors were required to cross out the names of the candidates against whom they wished to vote. However, there was only one name on the ballot paper. Soviet citizens cast their votes by walking directly to the ballot boxes and dropping in their unmarked papers” (Lentini, 1995, p. 38).

“In the Soviet Union there was a long tradition – one candidate per seat. This made Soviet electors be denied a real choice” (Harrop & Miller, 1991, p. 21). There were also known two other solutions in the USSR:

1) “deputies in the Soviet Union can be recalled for unsatisfactory behaviour; about 600 – 700 are recalled each year; (Harrop & Miller, 1991, p. 22). 2) so called ‘imperative mandates’ – during an electoral campaign voters meetings could require from the local deputy to implement their requests for community improvements (Harrop & Miller, 1991, p. 22). Such institutions were overseen by the party so that “democratic potential” could not “become democratic reality” (Harrop & Miller, 1991, p. 22).

Poland was more typical among other communist states as for its election system which is called candidate-choice election. A distinctive feature of Polish elections under communism was described as follows. “But even the small amount of competition permitted in Poland has created periodic problems for the Polish communist party, which has never been as secure as ruling parties elsewhere in Eastern Europe” (Harrop & Miller, 1991, p. 22).

In Poland under communism there were three political parties: besides the ruling communist party (named the Polish United Workers’ Party) there existed the Peasant Party and the Democratic Party. The latter two were in fact of socialist character and were entirely subordinated to the communist party which called itself the leading force of the nation. All the three parties formed a national front which demonstrated a political unity, especially at elections. That front was in fact a political tool with the help of which the communist party controlled the programme activities of the remaining parties. As a result there was no competition over policy during elections.

Elections in communist Poland had both similarities and differences in comparison with the Soviet Union but the first ones outweighed. First of all the communist party guided the process of nominating candidates to the ballot papers and was able to ensure top positions on the ballot papers for communist candidates who had in this way advantage over other candidates.

The a. m. remarks are confirmed by the opinion of scientists who write: “A single national platform, control over nomination, and control the order of candidates on the ballot – these are the direct mechanisms by which the Polish communist party ‘makes’ elections” (Harrop & Miller, 1991, p. 23).

Communist elections offered little or no choice to the voters. They were very important for the leading parties as the source of legitimizing their power. That is why communist parties attached a lot of weight to the question of turnout. They created some electoral mechanisms that ensured to obtain intended high turnouts. It was not so difficult bearing in mind that communist elections had limited electoral competition.

Here arises the problem of aim and functions the communist elections served in Europe. The main functions are described below.

1. “Formal reassertion of the doctrine of popular sovereignty” (Harrop & Miller, 1991, p. 25).

As communist elections were fully controlled by communist parties, societies had no sovereignty over their states and legal order. It was the communist party that took sovereign power in every communist state against the society’s will and constitutional order. Political changes through which communist parties came to power were always accompanied by such unusual events like armed violence, violation of law or electoral fraud. In a communist state ruled by a communist party society was not a sovereign despite a more or less democratic constitution. That was because of hypocrisy of the communist party that was ready to take all steps and make every effort in order to stay in power. A democratic constitution of a communist country was only a prospect of election with a real choice.

From that point of view it is clear “that voting is not the central feature of communist elections either in theory or in practice. (...) The central features of elections are consultation, nomination, and campaign, not voting” (Harrop & Miller, 1991, p. 25).

2. Legitimation.

In Poland the communist party was brought about to power by the Soviet army that entered the present territory of Poland in July 1944. The only legitimation of the communist party’s power was then liberation of eastern part of Poland from the Nazi occupation. The Soviet authorities helped the communist party seize and exercise power. Yet in the same month, when the Red Army crossed the present borders of Poland the communist party created (in Moscow) an administrative organ that fulfilled a function of a government on the territories liberated from the German occupation. That organ recognized the Polish government in exile (in Britain) as self-appointed and illegal.

It is commonly thought that communist elections did not legitimate ruling communist parties as their power did not come from honest choice of citizens. In other words it did not come from society’s will, i.e. from the sovereign. That is why such power is called regime.

Harrop & Miller are of the opinion that the communist states have some legitimacy but “such legitimacy as they possess is based on success in war and industrialization, on socio-economic performance in matters like the provision of a health service and maintenance of full employment, not on support for communist procedures and certainly not on elections. When economic performance falters, the regime may try to buy some popularity by liberalizing its electoral system” (1991, p. 26).

Communist regimes attach a lot of weight to legitimizing their power. The a. m. authors give a surprising explanation in this respect: “elections legitimise the regimes in their own eyes. Additionally, the Soviet satellites, particularly Poland use elections to legitimise themselves in Soviet eyes” (Harrop & Miller, 1991, p. 26). They support their statement

by the example of the Polish elections in 1957, when Gomulka, leader of the communist party, frightened voters with a possibility of a Soviet invasion if the electorate would show anticommunist feelings.

Another surprising statement of the same authors convinces that elections support the communist regime “not by legitimising it, but by prompting the population to show that the illegitimacy of its ‘democratic’ practice has been accepted” (Harrop & Miller, 1991, p. 28). But that is a sad conclusion. It tells us that dishonest actions at elections can be rewarded. It sounds like an irony of history which can be eliminated only by true democratic procedures.

3. “Mobilization and popular education” (Harrop & Miller, 1991, p. 26).

This was a satisfying function for the communist party. This function assumes that elections create opportunity to learn more about the party’s programme, its priorities and socio-economic plans. Informing citizens about current problems of the state and simultaneously about the communist system of power was always an important point of electoral campaigns. Special radio and TV programmes as well as brochures and posters accompanying elections were aimed at educating citizens and gaining their support for communist ideas such as free education on every level, free health care, full employment. In order to attract people to polling stations the authorities organized sports and cultural events with participation of famous sportsmen and artists. It was also often possible to buy some attractive articles, not easily available in shops. All the atmosphere of the day of elections could be called as the party’s propaganda of success. There was a lot of information of the party leaders, its local candidates, bigger companies employing many workers, “Heroes of Socialist Labour”, and so on.

4. Information and oversight.

The oversight function of elections is regarded as typical in communist states in which candidate-choice elections became more common. Within this type of election voters got a possibility to choose candidates from a given list. It is thought that for the party leaders it was a way of monitoring local officials. Such a solution was uncomfortable for some candidates who were not sure of being elected but it was introduced as a result of social and political pressure for more choice at elections.

An example of this direction of innovations in electoral law was Hungary. In 1983 they introduced some changes according to which a candidate should acquire an absolute majority, i.e. more than 50 % of the votes, to be elected. That created for voters a chance to throw away candidates that were not acceptable. That reform can be assessed as a development on the way to democracy and pluralism.

Candidate-choice elections brought a lot of information for the party both about local officials and local party organizations. That infor-

mation enabled and eased the party centre to monitor the local organizations as well as the performance of their leaders.

5. Representation and co-responsibility.

The representation function of elections was especially important in the Soviet Union because of the size of the state and the number of people engaged in representing the nation. Organizing local nomination meetings and deciding who was to be elected in which administrative units belonged to a huge task of the party as a whole. But taking into account that about two million people had to be elected within one electoral campaign, it means that a lot of people had a possibility to gain experience at governmental and administrative work. All the elected could feel themselves as representatives of the nation. And in spite of the fact that communist elections meant nothing else than political events of no importance or fiction of democracy, the elected had a feeling of a kind of mission by their participation in representing their voters. That also comprises their co-responsibility for the development of their country. Their co-responsibility was strengthened by their political awareness that they helped the party administer the country.

6. "Control through affirmation of inequality" (Harrop & Miller, 1991, p. 28).

According to Harrop & Miller, "the fundamental function of acclamatory elections is to affirm political inequality" (1991, p. 28). The political inequality lies in possessing power by one side and in compliance of the other. It is, of course, the communist party that had unlimited power and, on the other hand, there was the nation aware of its feeling of helplessness. The first awaited from voters to behave with compliance, i.e. according to the will of the party. The latter had often nothing to do but to vote in accordance with the party's will. But this ostensible cooperation between the two sides was extorted. The party was satisfied with the behaviour of the voters, regardless what they really thought of the elections. The voters' feelings were often disappointed, especially of those who had a high level of political awareness.

It seems that voters' participation in communist elections and passive support for the party's electoral undertakings was, for the predominating part of voters, a compromise between their feelings of doing one's civic duty, and refraining from going to a polling station. For this reason the electoral behaviour of voters during communist elections is diversified. Harrop & Miller find suggestions "that the attitudes of Soviet citizens to their elections vary 'from tolerance and indifference to cynicism and contempt' " (1991, p. 26). One cannot be astonished of the a. m. remark as under communism "Russian elections are devoid of spontaneity and initiative. Quality of participation is sacrificed to quantity" (Harrop & Miller, 1991, p. 28).

Soviet electors rather found themselves in a compulsory situation. It was rather an act of courage not to vote. An average citizen realized

that he or she may eventually lose too much not visiting a polling station. That is why such a person chose the step wished by the party, not rarely against his or her own will. The act of voting was only a result of the decision made before coming to the ballot box. Then it was not important who was on the ballot paper, who took which position on that paper. In this way voters demonstrated that they were accustomed to the fiction of democracy.

It is worth mentioning that in Poland and probably in other European communist countries voters were not afraid of ignoring elections. A lot of people stayed at homes and did not care of voting. Turnouts of about 50 or 40 % confirmed people's behaviour which was characterized by indifference.

7. National integration.

Communist parties have always used elections for integration purposes. Slogans of national as well as regional and ethnical integration were present on electoral banners in all European communist states. In some of them those slogans were even popular because of real social and political needs after World War II. For example, the Soviet Union, as the world's largest state, comprised a lot of nations and nationalities that the communist party wanted to be united with ties of positive social feelings within one country. For sure such feelings were politically desired by the party as any ethnical tensions and feuds could threaten the party by accusation of being unable to solve the state's important problems. So, integration slogans were not harmful to anybody, on the contrary, they helped the communist party show how practical and fruitful its ruling was in respect of its nationalist policy. Citizens were not against such slogans, either, as they did not carry any pejorative contents, despite irreverent opinions that the slogans were used to complement people "on their valiant efforts to create a better world" (Harrop & Miller, 1991, p. 28). Some interesting considerations on the Soviet ideas of "nation" and "nationality" are presented by Aleksei Salmin (White & Di Leo & Cappelli, 1993, p. 33–38).

Summarizing the above considerations and opinions on elections and their functions in communist states one should notice that there were some differences as for elections in various communist countries but similarities predominate. The most important differences resulted from the nations' traditions and aspirations to gain a margin of choice in order to have some real influence on the course of state affairs. The fundamental similarities consisted in no practical importance of such events that served only the ruling communist parties being in power. Because of that communist elections were compared to farce, mockery, sham and fraud.

Installing communist regimes in Central and Eastern Europe the Soviet Union realized its imperial policy. For the nations of the European communist countries communism meant a historical period full of viola-

tion of human rights, a relative poverty and backwardness in civilized development. The price the countries paid was huge but their struggle for freedom ended with victory. The enemy was smart, armed with ideas of Marxism-Leninism, took power with the help of foreign forces and did not want to put its power to honest democratic procedures, on the contrary, tried to do everything in order to be in power, not to lose it and control the society. That enemy were communists and their organizations, communist parties. But European communism as a system in Soviet style failed both politically and economically and was forced to go away, though the communists fought to the end. To what extent they were able to defend themselves we may imagine quoting Jaruzelski, leader of the Polish communists in 1980s, who used to say: "Socialism should be defended like homeland's independence" (In Poland the communists did not call their system communism, they called it socialism).

Exercising power European communists organized elections that did not serve the aspirations of their countries but their own interests. The societies were forced to obey the rules the communists introduced. Any brave riots in the defense of freedom were suppressed with the help of the forces of law and order (for example the famous Polish riots of 1968, 1970, 1976, 1980). But weak economic conduct of the communists forced them to some concessions to opposition what encouraged the latter to further fight. Finally, the communists realized they had neither chance nor choice but take only some economic power. In these circumstances they gave back political power to the nations, first in Poland, next in other European communist countries, and in the Soviet Union as well.

The first fully democratic elections in Poland after World War II were held in 1989. The Solidarity won, the communists lost. Soon other European communist countries followed the Polish way. Nightmare of communism disappeared from Europe but its effects are still to be overcome. New democracies, derived from the ruins of communism, have taken up challenges. But human memory will save all the inhuman experiments experienced by the nations during the communist epoch.

Bibliography

1. Barany, Zoltan, & Moser, Robert G. (Ed.). (2001). Russian politics. Challenges of democratization. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Dawisha, Karen, & Parrot, Bruce. (Ed.). (1997). The consolidation of democracy in East-Central Europe. Democratization and authoritarianism in postcommunist societies: 1. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Diamond, Larry, & Gunther, Richard. (Ed.). (2001). Political parties and democracy. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press.
4. Harrop, Martin, & Miller, William L. (1991). Elections and voters. A comparative introduction. London: The Macmillan Education Ltd.
5. Kiernan, Brendan. (1993). The end of Soviet politics. Elections, legislatures, and the demise of the communist party. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press.

6. Lawson, Kay, & Römmele, Andrea, & Karasimeonov, Georgi. (Ed.). (1999). Cleavages, parties, and voters. Studies from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland, and Romania. London: Westport, Connecticut.
7. Lentini, Peter. (Ed.). (1995). Elections and political order in Russia. The implications of the 1993 elections to the Federal Assembly. Budapest, London, New York: CEU Press.
8. McFaul, Michael, & Markov, Sergei. (1993). The troubled birth of Russian democracy. Parties, personalities, and programs. Stanford, California: Hoover Institution Press.
9. Moser, Robert G. (2001). Unexpected outcomes. Electoral systems, political parties, and representation in Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
10. Szczerbiak, Aleks. (2001). Poles together? The emergence and development of political parties in postcommunist Poland. Budapest: CEU Press.
11. White, Stephen, & Di Leo, Rita, & Cappelli, Ottorino. (Ed.). (1993). The Soviet transition: from Gorbachev to Yeltsin. Portland: Frank Cass & Co. Ltd.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Д. Ю. Исмаилов

**Азербайджанский архитектурно-строительный
университет, г. Баку, Азербайджан**

Summary. In the article is given comparative analysis of the different types of modern political conservatism as well he opposing ideas and conceptions: are studied three main types of conservatism that unifies all versions of it: 1. neoconservative trend; 2. the “new rights”; 3. traditional or paternalistic conservatism. At the same time are commented the features of similarity and difference of these trends, reasons of leadership of one trend in the attitude to others in the different historical periods. The particular matter is neoconservatism as a more popular trend in the modern epoch.

Key words: conservatism; political conservatism; neoconservative trend; the “new rights”; traditional conservatism; ideology; political; idea, conception.

В процессе исторической эволюции консерватизм подвергся значительным изменениям, особенно на уровне политической программы и манифеста. Политическая философия консерватизма в отношении к политической программе и движениям обладает определённой независимостью, т. к. самые различные политические движения часто находят основу идеологических принципов в том или ином консервативном источнике.

Современный политический консерватизм объединяет различные противоречивые идеи и концепции. В настоящее время во многих исследовательских трудах указывается множество типов политического консерватизма.

В целом все варианты современного консерватизма можно разделить на три типа, точнее, три течения:

- 1) неоконсерватизм;
- 2) «новые правые»;
- 3) традиционный или же патерналистский консерватизм.

Следует отметить, что эти три типа характеризуют разные «сферы интереса» (реальная политика, метаполитика и культурная политика, духовно-нравственная сфера) и это более определяет его идеологические основы. В статье проводится сравнительный анализ различных типов современного политического консерватизма, а также идей и концепций, находящихся в конфликте.

Внутренние течения и направления консерватизма весьма разнообразны. На современном этапе среди внутренних идейно-политических течений данной идеологии неоконсерватизм занимает специфическое место. Консерватизм, перенимая либеральные ценности, подвергся значительным изменениям. Выделяются следующие сходные черты консерватизма и либерализма: защита права личной собственности, обеспечение верховности законов, утверждение и развитие демократии, сведение до минимума вмешательства государства в экономику, развитие малого и среднего предпринимательства и т. д.

Впервые термин «консерватизм» был использован французским писателем Франсуа Шатобрианом (1768–1848). Консерватизм, как и либерализм, является одним из основных течений современной политической мысли. Сторонники консерватизма выступали против идей «естественных прав» и «общественного соглашения», лежащих в основе либерализма. Следует отметить, что на первоначальных этапах во взглядах создателей учения консерватизма было немало противоречий. Французский консерватор Джозеф де Местр был ультрареакционером и в резкой форме реагировал на новые идеи. Английский же консерватор Эдмунд Берк желал, чтобы консерватизм стал жизнеспособным учением и исходил из принципа: «чтобы оставить всё, как прежде, надо всё изменить» [6, с. 61].

Консерватизм, как идеология и теория, в основном выдвигает следующие принципы: смысл человеческой жизни не в активной деятельности, а во внутреннем религиозном примирении; каждый шаг индивидуума должен соответствовать существующим правилам и законам; общество создаётся не по соглашению, а по милости Божьей («каждая нация сама для себя, Бог – для всех»); в отношении к гражданскому обществу государство является вторым фактором, обладающим духовно-религиозными основами; социальное равенство между людьми невозможно; существующие учреждения превыше какой-либо теоретической схемы; политика подчинена морали; право собственности – самое основное из прав человека [7, с. 298].

Современный политический консерватизм объединяет различные противоречивые идеи и концепции. В настоящее время во многих исследовательских трудах указывается множество типов по-

литического консерватизма. Существует больше разнообразных мнений относительно решения данной проблемы, чем определений сущности консерватизма [4, с. 58].

Взаимосвязь экономики и государства, экономики и культуры является одной из актуальных проблем для идеологов современного консерватизма. По мнению Д. Белла, нельзя рассматривать отношения в современном обществе как паутину, т. к. общество уже не отражает тотальность. Аналогичную идею высказывает и обосновывает Н. Луман [3, с. 194–219]. Американский консерватор в качестве поясняющей модели выдвигает концепцию «поясняющих сфер» и отмечает, что эти сферы управляются различными «осевыми принципами»: экономика – по принципу эффективности, государственный строй – по принципу равенства, культура – по принципу самореализации личности. Подход Д. Белла, с одной стороны, требует связи неоклассического либерального подхода к экономике с консервативным подходом к культуре, с другой же стороны, – принятия во внимание критики экономической централизации.

У консерваторов двойственное отношение к современному государству. К ним можно отнести и этатистов, и антиэтатистов. В основном консерватизму присущ не антиэтатизм, а этатизм. Консерваторы критикуют «благополучное государство». Известно, что после Второй мировой войны в Западной Европе и США было создано «благополучное» государство. В период, когда президентом США был Д. Эйзенхауэр (1952–1960), американцы впервые увидели результат «благоприятствующего государства». Вдвое возрос особый вес семей, имеющих собственные дома, квартиры, половина населения превратилась в средний слой по доходам. По всей стране возникли торговые центры, являющиеся символом массового производства. Тенденция вмешательства государства в экономическую жизнь продолжалась до кризиса мирового капитализма 70-х годов.

В деле критики благополучного государства европейские правые занимают более радикальную позицию. Такая позиция исходит из их критики либерализма и социализма. Х. Арендт высказывает следующую мысль: «Централизованная власть «великого государства» способна решить определённые глобальные проблемы, однако она не в силах решить жизненные проблемы» [2].

Как традиционные консерваторы, так и «новые правые» и консерваторы считают, что в сильном политическом государстве централизация – наиболее приемлемая схема государственного строительства. Государство не должно брать на себя то, что может сделать отдельный индивид или свободные союзы. Современные консерваторы в политической практике пытаются сделать так, чтобы малые формы (в области экономики, политики и культуры), вытесняемые обществом, опирались на движение за восстановление.

В настоящее время, когда поиски новых источников социальной энергии весьма актуальны, консерваторы возлагают большие надежды на активизацию малых социальных групп. В немецком христианском консерватизме предпочтение отдаётся ассоциациям, развивающим принцип материальной помощи. Согласно этому консерватизму каждая социальная группа должна выполнять соответствующие социальные обязанности. Независимость и ответственность малых групп не должна ограничиваться со стороны больших групп. Решение социальных проблем начинает осуществляться на уровне семьи. Если проблема не решается на данном уровне, то она решается на более высоком уровне. Проблема справедливости распространяется на проблему отношений между людьми и государством. Между человеком и государством стоит лишь гражданское общество, и именно в данном обществе осуществляется принцип справедливости. Poleмика консерватизма не ограничивается лишь государственной политикой, она является общественной политикой.

Как видно, внутренние течения и направления консерватизма весьма разнообразны. На современном этапе среди внутренних идейно-политических течений данной идеологии неоконсерватизм занимает специфическое место. В настоящее время консерватизм, перенимая либеральные ценности, подвергается значительным изменениям. Ещё раз перечислим следующие сходные черты консерватизма и либерализма: защита права личной собственности, обеспечение верховности законов, утверждение и развитие демократии, сведение до минимума вмешательства государства в экономику, развитие малого и среднего предпринимательства и т. д.

Библиографический список

1. Белл Д. Мятеж против современности // Социологические исследования. – 1989. – № 5.
2. Бенуа А. Избранные идеи // Консерватизм в странах Запада. – М., 1982.
3. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социологос. – Вып. 1. – М., 1991.
4. Рахшмир Р. Эволюция консерватизма в Новое и Новейшее время // Новая и Новейшая история. – 1990. – № 1.
5. Эшворд Н. Многоликость англо-американского консерватизма // Исследование по консерватизму. – Вып. 1. – Пермь, 1994.
6. Ибрагимли Х. Политология. – Баку, 2008 (на азербайджанском языке).
7. Пириев А. М., Эфендиева Х. Б. Лекционные тексты по социологии и политологии. – Баку, 2009 (на азербайджанском языке).

ПРИЧИНЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Э. К. Алиева

Дагестанский государственный университет, филиал
в г. Кизляре, Республика Дагестан, Россия

Summary. The reasons for ethno-political conflicts, the majority of the population is inclined to see the breakdown of control region, insecurity of relevant cultural information, economic, ethnopolitical methods, dialogue with civil society.

Key words: the interethnic conflict; the multiethnic state; ethnopolitical attitudes; ethnopolitical methods; a civil society.

Многие исследователи и политические деятели считают Северный Кавказ «ахиллесовой пятой» Российской Федерации. Для таких утверждений имеются определённые основания, и прежде всего это то, что данный регион России наиболее полиэтничен. Присоединение значительной части Северного Кавказа к России происходило в период с XVIII по XIX вв. Северный Кавказ – это не только край, где сосуществует множество этнических групп, но ситуация в этом регионе исторически обременена конфликтами. Существует несколько точек зрения на проблему межнациональных конфликтов на территории России, а не только на территории Северного Кавказа. Одна из наиболее известных и распространённых концепций предложена С. Хантингтоном [6, с. 107]. Суть её: наступает новый цивилизационный кризис. В основе столкновения лежит культурная несовместимость народов и прежде всего несовместимость евро-христианской и азиатско-мусульманской цивилизаций.

Для России как многонационального, многоэтнического государства именно данная проблематика выдвигается ныне на первый план. Краткий обзор позволяет сделать вывод: конфликтность не является доминирующей чертой этнополитических отношений в РФ. Однако межнациональные отношения – легко воспламеняющийся материал. Зоны напряжённости при сравнительно небольших ошибках в отношении к местным властям могут быстро трансформироваться в конфликты, а если в этих конфликтах будет применено насилие, то неизбежно возникновение кризиса, который будет иметь затяжной характер. Ощущаемой взрывоопасностью межнациональных отношений объясняется серьёзная озабоченность общественного мнения этнополитическими конфликтами, обнаруживающаяся во всех опросах. Именно в этих конфликтах не без основания видят одну из самых больших угроз сохранению России. Большая часть населения склонна усматривать причины этнополитических конфликтов в происках местной и центральной политических элит, а также дезорганизации управления регионом, небезопасности методов управления соответствующими культурно-

информационными, экономическими, этнополитическими методами, диалогом с гражданским обществом. Основные неудачи государственной политики на Северном Кавказе вызваны методами управления [4, с. 98–103].

В целом кавказская политика характеризуется непоследовательностью и несогласованностью действий, попытками решить сложнейшие этнополитические вопросы наскоками (отдельными поездками) [5, с.120–122] Она переполнена стереотипами, символами и импровизациями. Религиозный фактор – неприкрытое заигрывание властей с радикально настроенными религиозными деятелями резко усиливает этнополитическую напряжённость, провоцирует слияние этнополитического и религиозного экстремизма [3, с. 165–166].

На Кавказе совершается большое количество террористических актов. Беззаконие и коррупция, террористические разборки и торговля оружием нередко осуществляются с участием местных этнополитических элит. К сожалению, такое положение дел в регионе выгодно не только бандитам, но и некоторым чиновникам, чья преступная бездеятельность приносит им политические и финансовые дивиденды. Нужны кардинальные меры по демилитаризации и постконфликтному строительству на Кавказе [2, с. 130–132].

Но как бы ни были коварны конфликты вообще и этнополитические в частности, учёные-политологи и конфликтологи стремятся на основе имеющегося опыта к разрешению разнообразных политических конфликтов, пытаются найти если не пути, то подходы к выходу из конфликтных ситуаций. Кавказ – важнейший регион, где сегодня проходят испытание на прочность не только межнациональные отношения, но и вся модель национально-государственного устройства России, и система федеративных отношений. Не только России нужен Северный Кавказ и Северному Кавказу нужна Россия. Кавказ – это Россия, и не в меньшей степени, чем любой другой регион страны [1, с. 78–79].

Библиографический список

1. Абдулатипов Р. Национальный вопрос и государственное устройство России. – М., 2000.
2. Андреев В. К. Конфликтология: искусство спора, ведения переговоров, разрешение конфликтов. – Казань, 1992.
3. Дружинин В. В., Конторов М. Д., Конторов Д. С. Введение в теорию конфликта. – М., 1989.
4. Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты. – М., 1997.
5. Нансо Д. А. Современный быт и культура народов Кавказа. – Ставрополь, 1983.
6. Скотт Дж. Конфликты: пути их преодоления. – Киев, 1991.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

А. Т. Шукюров

Коми республиканская академия
государственной службы и управления,
г. Сыктывкар, Республика Коми, Россия

Summary. Trial by jury is the highest form of competition. The introduction of the institution leads to greater openness of the court, and will contribute to the democratization of the entire system of justice. The jury plays an important ideological role in raising citizens' respect for the law adopted by the community standards of behavior. Revival in Russia with the participation of the court the jury – one of the Russian judicial reform to ensure guaranteed by the Constitution of the Russian Federation.

Key words: trial by jury; institution of democracy; justice; democratic order.

Демократические преобразования общественно-политического устройства, происходящие в Российской Федерации, с неизбежностью вызывают глубокие изменения в её правовой системе. Введение института присяжных заседателей в России стало смелым шагом со стороны государства. Очевидно, что вопрос предпочтительности института суда присяжных всецело определяется политическими задачами судопроизводства той или иной страны. Стабильное развитие общества предполагает наличие высокого уровня жизни людей, материальный достаток, социальную защищённость, отсутствие в обществе напряжённости и социальных потрясений. Социальную стабильность обеспечивают различные социальные институты. Немаловажную роль в этом обеспечении играет и такой социально-правовой институт, как суд присяжных, который даже фактом своего рождения обязан поиску социального консенсуса в обществе.

Демократические преобразования общественного устройства, происходящие в России, с неизбежностью вызывают глубокие изменения в её правовой системе. Закрепление в законодательстве положений о суде присяжных сопровождалось оживлёнными научными дискуссиями на данную тему. Пожалуй, ни одно нововведение судебной реформы в России не вызывало таких ожесточённых споров, такого непримиримого противостояния оппонентов, как идея возрождения суда присяжных.

Споры о целесообразности введения института суда присяжных начались с получением независимости, отразившись в многочисленных публикациях и материалах научно-практических конференций. Споры о целесообразности введения этого процессуального института не только не утихают, но, обогащаясь анализом практического опыта его функционирования, постепенно переходят на новый уровень. И это не удивительно, ведь суд присяжных посягнул на

самые основы традиционного уголовного процесса, бросил вызов профессионализму юристов в осуществлении правосудия.

«Суд присяжных нельзя рассматривать как панацею для решения всех сложных проблем, с которыми сталкивается современная Россия в судебной-правовой области. В то же время в нынешних условиях именно суд присяжных, при совершенствовании его форм, может повысить качество расследования уголовных дел, обеспечить независимость, объективность и состязательность процесса, способствовать укреплению судебной власти, и в конечном итоге – содействовать формированию правового государства и строительству других институтов демократии» [1].

Если правосудие захвачено политическими силами, служит политическим целям и задачам, реализующим самую страшную форму расправы – публичное неспешное отлучение избранным, то суд присяжных – это та система, которая является тормозом на пути достижения целей репрессий, обоснованных и камуфлированных приговорами суда.

Суд присяжных – это высшая форма состязательности. Введение этого института приводит к большей открытости суда, и будет способствовать демократизации всей системы правосудия. Суд присяжных играет значительную идеологическую роль, воспитывает у граждан уважение к закону, принятым в обществе стандартам поведения.

Возрождение в России суда с участием коллегии присяжных заседателей – одно из направлений российской судебной реформы, призванной обеспечить гарантированное Конституцией Российской Федерации.

"Важная педагогическая роль суда присяжных заключается в том, что люди, оторванные на время от своих обыденных и часто совершенно бесцветных занятий и соединённые у одного общее, глубокое по значению и по налагаемой им нравственной ответственности дело, уносят с собой, растекаясь по своим уголкам, не только возвышающее сознание исполненного долга общественного служения, но и облагораживающее воспоминание о внимательном отношении к людям и о достойном обращении с ними. А это так полезно, так необходимо ввиду многих привычек и замашек, воспитанных нашей обыденной жизнью" [2].

«В основу решений присяжных заседателей заложена не законность, а групповое представление о справедливости» [3].

Прежде чем рассматривать непосредственно институт присяжных, необходимо обратиться к позиции реформаторов, т. е. понять, для чего, собственно, он вводился. Данный институт вводился, прежде всего, для соблюдения прав и свобод личности, ограждения её от беззакония в условиях изменения приоритетов, выделения личности, её прав и свобод как наивысшей ценности в государстве. По идее реформаторов такой суд должен стать центром реализации

таких принципов правосудия, как независимость суда, презумпции невиновности, состязательности и равноправия сторон и др.

«Только по уголовным делам, рассмотренным в 2008 году судами с участием присяжных заседателей, оправдано 236 человек или 20,5 %. Для сравнения: доля оправданных лиц по всем делам, рассмотренным судами областного звена, составила 4,8 %» [4].

«Совершенствование же правосудия должно заключаться в существенном расширении прав присяжных заседателей» [5].

На протяжении своей истории российский суд присяжных не оставался статичным, а органично развивался в соответствии с изменениями, происходящими в государственном и общественном устройстве страны.

Введение суда присяжных является принципиальным демократическим нововведением, решительно покончившим с судебским произволом старого режима в стране. Демократические институты должны существовать в любое время.

Присяжные не приносят в зал суда заранее сложившееся мнение, а приходят выразить общественную совесть. Суд присяжных – это не фрагмент улицы, а совокупность человеческого опыта, которому законом предоставлено право судить.

«Одной из фундаментальных основ демократического правового государства, прописанного в Конституции Российской Федерации, является независимая судебная власть. Важнейшим составным элементом указанной власти является суд с участием присяжных заседателей, в котором главный вопрос правосудия – вопрос о виновности подсудимого – решается «олицетворяющими житейскую мудрость и общественную совесть, рядовыми членами общества – присяжными заседателями», а не состоящими на государственной службе профессиональными судьями» [6].

Частью 4 ст. 123 Конституции РФ установлено, что в особых случаях, предусмотренных федеральным законом, судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей. Оно представляет собой комплексный институт в современном российском праве [7].

Важным шагом на пути повышения беспристрастности в решении судебных дел стало введение суда присяжных заседателей. В состав такого суда входят непрофессионалы, т. е. обычные люди, которые не занимались отправлением правосудия. Они должны представлять объективный, свежий взгляд на уголовное дело. Важным для независимости суда обстоятельством является то, что присяжные принимают решения без обязанности мотивировать, т. е. объяснять их.

Судебная реформа не привела к серьезным положительным результатам. Российские суды по-прежнему ангажированы и властью, и капиталом. Дискуссия о суде присяжных, коррелировалась в

обществе. Народный суд – это суд, основанный исключительно на принципах справедливости, как её понимают простые люди.

Суды присяжных, как показывает мировая практика, вводились во времена обострения социальных конфликтов, в периоды коренных изменений в политической и экономической сферах жизни общества. Демократия – это не украшение, а необходимое условие стабильной, процветающей страны [8]. Не вызывает сомнения необходимость введения суда присяжных, т. к. его введение потребует повышение качества обвинения. Так, судья Останкинского суда г. Москвы В. Матвеев пишет: "У некоторых прокуроров стало правилом садиться в процессе, не прочитав материалы уголовного дела" [9].

Роль суда присяжных в судебной системе заключается не только в повышении качества предварительного следствия, а выходит за эти рамки, углубляя общественное значение судебной реформы. Они существенно содействовали формированию рыночных отношений, повышению уровня законности, меняли многие привычные правовые стереотипы мышления.

Реализация конституционного права граждан на участие в осуществлении правосудия. Приоритет прав и свобод человека является определяющим принципом взаимоотношений государства и личности. Государство должно быть связано правами человека. Человек является равноправным партнёром государства, участвующего в определённых формах контроля деятельности властных структур. Об этом свидетельствует конституционное закрепление права граждан на участие в осуществлении правосудия. Данное право призвано обеспечить демократический порядок функционирования судебных органов. Конституция установила, что народ может реализовать своё право на участие в осуществлении правосудия через народных заседателей и присяжных. Его создание стало весомым шагом вперёд к построению демократического, правового государства, беспристрастного и независимого правосудия.

Суд присяжных является не только разновидностью судебного слушания, но и прежде формой проявления социальной реакции общества на состояние законодательства и судебной системы. Учёные разных стран сходятся во мнении о его гуманности и отсутствии ангажированности. «Суд присяжных, естественно, не идеальное решение, но более демократичного механизма вершить правосудие в мире пока ещё не найдено» [10].

Имидж судебной власти подвергается наибольшим изменениям в периоды социально-политических трансформаций. Именно на эти периоды в последние два столетия приходятся радикальные реформы российской судебной системы, призванной во все времена обеспечивать судопроизводство соответствующему политическому режиму.

С. А. Пашин неоднократно высказывал предположения о том, что суд присяжных призван показать свою высокую надёжность при обеспечении права человека на защиту [11].

В сегодняшней политической и социальной реальности важную роль играют не только правовые, но и нравственные нормы. В контексте рассматриваемой темы среди них важную роль играет принцип социальной справедливости. А. А. Демичев, давая характеристику особенностей суда присяжных в современной России, приходит к выводу о том, что суд присяжных – это то, что необходимо демократическому обществу, то, что может гарантировать права человека в судебной сфере [12].

В настоящее время суд присяжных в России, несмотря на его функционирование в период с 1864 по 1917 гг., является относительно новым социально-правовым институтом, становление и развитие которого требует пристального внимания общества, научной общественности, законодателя и органов управления в сфере юстиции.

Проведённое исследование позволяет констатировать, что суд присяжных как одна из форм судопроизводства является эффективным механизмом защиты прав и свобод граждан, обеспечивая лучшие условия для состязательности сторон, объективность и независимость присяжных.

Эта форма судопроизводства реально позволяет изменить нацеленность судов на обвинительный уклон, который был присущ советскому правосудию. Именно через статус присяжного заседателя большинство граждан реализует право на отправление правосудия.

Суд присяжных как форма судопроизводства, является одной из наиболее оптимальных и эффективных с позиции реализации прав и обязанностей человека и гражданина. Современное российское общество и его граждане только тогда смогут увидеть в суде присяжных достойный демократический механизм реализации прав и свобод, когда будут ликвидированы обстоятельства правового и организационного характера, препятствующие осознанной, свободной, добровольной, безопасной реализации гражданами положений Конституции РФ.

Библиографический список

1. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В. П. Лукина. Москва, 14 октября 2004 года. «Проблемы совершенствования деятельности суда присяжных в современной России». URL: <http://old.ombudsmanrf.org/doc/spdoc/0104.shtml>
2. Кони А. Ф. Присяжные заседатели // Русская старина. – 1914. – январь – февраль.
3. Мельник В. В. Суд присяжных как средство разрешения нестандартных уголовных дел // Уголовное право. – 1999. – № 1. – С. 13.
4. Судебная статистика // Российская юстиция. – № 3. – 2009. – С. 64.

5. Быков В. М. О расширении прав присяжных заседателей // Российская юстиция. – № 3. – 2009. – С. 30.
6. Постановление Верховного Суда РФ «О декларации прав и свобод человека и гражданина» от 22.11.1991 г. № 1920-1.
7. Конституция Российской Федерации //Собрание законодательства РФ. – 26.01.2009. – № 4. – С. 445.
8. <http://www.voanews.com/russian/news/russia/a-33-2009-03-27-voa2.html>
9. Матвеев В. А. Иные прокуроры даже дел не читают... // Российская газета. – 1999. – 28 октября.
10. http://censor.net.ua/resonance/172980/stanet_li_sud_prisyajnyh_sovestyu_natsii
11. Пашин С. А. Эксперты оценивают эффективность нового судопроизводства // Российская юстиция. – № 6. – 1995. – С. 11.
12. Демичев А. А. Российский суд присяжных: история и современность : учебное пособие. – Н. Новгород, 2000. – С. 79.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДСУДНОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Е. В. Безрукова

**Дальневосточный филиал Российской академии
правосудия, г. Хабаровск, Россия**

Summary. In this work research of a problem of determination of jurisdiction in administrative legal proceedings in the Russian Federation is carried out. As a subject of the analysis features of concepts of jurisdiction and jurisdiction act. In article such questions as the exclusive jurisdiction, alternative jurisdiction, legal regulation of these concepts are investigated. The conclusion that the separate legislative provisions defining alternative jurisdiction, need specifications, and also need of creation of administrative courts is drawn.

Key words: administrative legal proceedings; code; jurisdiction.

Разрешение отдельных проблем судопроизводства по рассмотрению дел об административной ответственности, а также развития и реформирования этого правового явления обусловлено созданием в России нового и преобразованием старого административного законодательства. Оно регулирует общественные отношения в сфере функционирования судебной власти и государственного управления, а также производство по делам об административных правонарушениях.

Проблема правосудия по административным делам актуальна и многие известные учёные пытаются раскрыть содержание закреплённого в ст. 118 Конституции Российской Федерации понятия *административное судопроизводство*. До сих пор остаётся дискуссионным вопрос о том, что административное судопроизводство регламентируется четырьмя кодексами – Гражданско-процессуальным Кодексом Российской Федерации, Арбитражно-процессуальным Кодексом Российской Федерации, а также Кодексом Российской Фе-

дерации об административной ответственности. При этом административные дела рассматриваются в зависимости от характера спора либо арбитражными судами, либо судами общей юрисдикции. По мнению многих специалистов, такое регулирование института административного судопроизводства не соответствует требованиям времени.

Сегодня активно ведётся работа по совершенствованию законодательства об административных правонарушениях. Актуальной остаётся задача создания Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, отвечающего требованиям законности. А законность предполагает, прежде всего, наличие высокого качества юридических норм административной ответственности, а затем уже их строгое соблюдение всеми субъектами права. С этой точки зрения КоАП РФ имеет как свои плюсы, так и минусы.

В настоящем исследовании рассмотрены понятие административной подведомственности и подсудности, основной упор сделан на значение определения подсудности при рассмотрении дел об административных правонарушениях.

Теоретической основой исследования являются научные труды видных отечественных учёных, занимающихся вопросами административного права и административной юстиции, таких как: Д. Н. Бахрах, Е. А. Колесникова, А. Н. Миронов, Л. Л. Попов, Н. Г. Салищева, Н. Ю. Хаманева и других. Автором были также изучены правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, касающиеся вопросов применения норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, возникающих у арбитражных судов и судов общей юрисдикции.

Предусмотренное Конституцией РФ, а также действующим законодательством право обращаться за защитой в суд явилось серьёзным фактором укрепления гарантий прав граждан и юридических лиц в сфере функционирования исполнительной власти. Юристами разных стран суды оцениваются как органы, обеспечивающие наиболее действенный контроль соблюдения администрацией законности, а изъятие из компетенции судов административных споров – напротив, как один из способов сохранения могущества администрации [8].

В условиях разделения властей значительно возрастает роль именно судебной власти в деле защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Понятие судебного контроля, как известно, довольно ёмкое и широкое, включающее различные формы [4]. Одной из них является судебный порядок рассмотрения заявлений о привлечении к административной ответственности либо об оспаривании правоприменительных актов о таком привлечении.

В Российской Федерации административные споры разрешают суды общей юрисдикции и арбитражные суды. Нормы администра-

тивно-процессуального права содержатся в трёх кодексах – Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации, Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации, Кодексе об административной ответственности РФ. В науке административного права и в судебной практике многократно указывалось на противоречия административно-процессуальных норм в этих кодексах и возникающие при их применении сложности, что не всегда обеспечивает верховенство права при защите прав и свобод граждан и организаций. Учитывая названные нами выше положения, основываясь на конституционном принципе разделения властей, Верховный Суд Российской Федерации подготовил проект Федерального закона «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации». Но до настоящего времени данный кодекс не принят в нашем государстве [2]. По нашему мнению, принятие данного Кодекса, закрепление в нём понятий, принципов, задач административного процесса, устранил существующие в настоящее время противоречия и приведёт к единой правоприменительной практике.

Предметом административного судопроизводства являются административно-правовые споры и административные правонарушения. Гражданин, обжалуя действия (бездействие) административного органа, полагает, что нарушено его существенное право или созданы помехи в реализации его права. Задача суда определить, чья позиция по делу – гражданина или административного органа – соответствует закону, т. е. происходит судебная проверка законности и обоснованности решений административных органов и должностных лиц.

При рассмотрении административных дел чётко определена роль суда – он является независимым арбитром.

Все органы нашего государства, и суды в том числе, осуществляя возложенные на них задачи, должны действовать строго в пределах предоставленных им полномочий и не вторгаться в компетенцию других органов. Такое строгое разграничение компетенции является важным условием, обеспечивающим нормальную, правомерную работу всего государственного аппарата, в том числе и суда, занимающего ведущее положение в системе органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях.

Под подведомственностью или предметной компетенцией понимается круг дел, отнесённых федеральным законом к рассмотрению и разрешению системой судов РФ.

Подведомственность определяет механизм, позволяющий через характеристику правовых споров и иных дел разграничить, распределить дела между различными органами, в том числе между арбитражными судами и судами общей юрисдикции [5, с. 83].

При подготовке дела судье следует установить, относится ли к его компетенции рассмотрение данного дела.

При решении вопроса о подведомственности и подсудности судьям дел об административных правонарушениях необходимо исходить из положений, закреплённых в главе 23 КоАП РФ, согласно которым к компетенции судей отнесены дела, перечисленные в части 1 статьи 23.1 КоАП РФ.

Административная подсудность важна не менее чем административная подведомственность. Подсудность – это правило распределения категорий споров в соответствии с предметной компетенцией соответствующего суда, однако не между различными ветвями судебной системы (как это было с правилами подведомственности), а только в рамках одной ветви судебной системы: либо судами общей юрисдикции, либо судами арбитражной, либо судами конституционной юрисдикции [3, с. 19].

Понятие подсудности позволяет определить, в какой конкретно суд одной из ветвей судебной системы необходимо обратиться, чтобы реализовать своё конституционное право на судебную защиту.

Правила о подсудности направлены на достижение наиболее быстрого и эффективного рассмотрения дела об административном правонарушении в суде, избегая при этом волокиты и необоснованных издержек.

К исключительной подсудности судов общей юрисдикции и арбитражных судов отнесены дела об административных правонарушениях, предусмотренных почти половиной статей Особенной части КоАП РФ.

Общим правилом административной подсудности является правило, в соответствии с которым дело об административном правонарушении рассматривается по месту его совершения. Местом совершения административного правонарушения является место совершения противоправного действия независимо от места наступления его последствий. А если такое деяние носит длящийся характер, – место окончания противоправной деятельности, её пресечения; если правонарушение совершено в форме бездействия, то местом его совершения следует считать место, где должно было быть совершено действие, выполнена возложенная на лицо обязанность.

Однако по ходатайству лица, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении, дело может быть рассмотрено по месту жительства данного лица. Такое ходатайство подаётся непосредственно во время производства по делу. Исключение составляют дела, перечисленные в частях 2 и 3 статьи 29.5 КоАП РФ, для которых установлена исключительная территориальная подсудность, не подлежащая изменению по ходатайству лица, в отношении которого ведётся производство по делу. При наличии совокупности установленных данными нормами критериев по одному делу об административном правонарушении судье необходимо установить приоритет между этими нормами (напри-

мер, если по делу об административном правонарушении, совершённом несовершеннолетним, было проведено административное расследование, нормой, определяющей территориальную подсудность, следует считать часть 3 статьи 29.5 КоАП РФ).

Для дел о правонарушениях, за совершение которых предусмотрено лишение права управления транспортными средствами, частью 4 статьи 29.5 КоАП РФ установлена альтернативная территориальная подсудность [1]. Орган (должностное лицо), составивший протокол о таком правонарушении, вправе направить материалы на рассмотрение судье по месту учёта транспортного средства.

Однако, на наш взгляд, существенным пробелом действующего законодательства является то, что КоАП РФ не содержит условия, при наличии которых дело передаётся на рассмотрение в орган по месту учёта транспортного средства. А также то, что оно не предусматривает, по чьей инициативе производится передача, обязательно ли подлежит удовлетворению ходатайство лица, привлекаемого к административной ответственности, о передаче дела на рассмотрение по месту учёта транспортного средства.

О. В. Панкова обратила внимание на существенный недостаток правового регулирования альтернативной подсудности, выражающийся в отсутствии в Кодексе РФ об административных правонарушениях каких-либо указаний на то, какие обстоятельства могут служить основанием для удовлетворения ходатайства лица, привлекаемого к административной ответственности, о рассмотрении дела по месту жительства данного лица. По её мнению, в каждом конкретном случае необходимо исходить из мотивов заявленного ходатайства, конкретных обстоятельств дела и предоставленных материалов, формирующих доказательственную базу [7, с. 98].

В настоящее время случаи передачи дела на рассмотрение по месту учёта транспортного средства регулируются подзаконными нормативными актами. Представляется более целесообразным чётко прописать данные случаи на законодательном уровне, чтобы не возникало споров о подведомственности дела, не происходило затягивания сроков рассмотрения дела об административном правонарушении. К таким могут быть отнесены случаи, когда невозможно провести проверку о повторности совершения однородного административного правонарушения, влекущей лишение права управления транспортным средством, а также по ходатайству лица, привлекаемого к административной ответственности. При этом границы отказа в удовлетворении ходатайства о передаче на рассмотрение дела по месту учёта транспортного средства должны быть чётко определены по аналогии с ходатайством о передаче по месту жительства.

Как существенное нарушение прав лица, привлекаемого к административной ответственности, суды признают ситуации, когда ходатайство лица о рассмотрении дела по месту жительства остав-

лено должностным лицом, уполномоченным рассматривать дело об административном правонарушении, или судом без внимания.

С правом лица на рассмотрение дела по месту его жительства корреспондирует обязанность суда предоставить лицу, заявившему соответствующее ходатайство, такую возможность. С учётом этого произвольный отказ в удовлетворении такого ходатайства не допустим.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что случаи ограничения права на рассмотрение дела по месту жительства должны определяться не судебной практикой, а законодательством, в связи с чем положения статьи 29.5 КоАП РФ нуждаются в уточнении.

Безошибочно определить подведомственность и подсудность того или иного дела очень важно, поскольку с этого начинается процесс. В современной российской национальной системе правосудия имеется проблема установления чётких границ и объёмов компетенций различных звеньев судебной системы. Проблема компетенции, возникающая в связи с организацией административного правосудия, становится очевидной уже сейчас, на стадии формирования норм, регламентирующих производство по административным делам.

Вопрос о разграничении компетенции гражданского и административного процессуального законодательства может разрешиться с введением административных судов. О создании таких судов давно ведут речь как теоретики, так и практикующие судьи. Реформа судебной власти, проводимая в Российской Федерации, подразумевает самостоятельное административное судопроизводство. В своём выступлении на VII Всероссийском съезде судей президент Д. А. Медведев говорил: «Если говорить о состоянии судебной системы, то её главные фундаментальные проблемы в целом за истекший период, период существования нового Российского государства, в принципе решены. За прошедшее время сформировано... административное судопроизводство...». Большие надежды граждан возлагаются на предстоящий в текущем 2012 году VIII Съезд судей. Вячеслав Лебедев предложил расширить его повестку за счёт обсуждения будущего административных судов. Председатель Верховного суда России подчеркнул, что гражданин должен иметь возможность защитить свои права в споре с властью в открытой и понятной процедуре [6]. «Ценность административного правосудия заключается в том, что цивилизованная правовая система взаимоотношений между властью и гражданином иницируется самим гражданином, – сказал Вячеслав Лебедев. – Административное правосудие позволит системно анализировать недостатки деятельности органов власти и должностных лиц, будет способствовать снижению коррупционного потенциала чиновников».

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 (ред. от 10.06.2010) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда. – № 6. – 2005. – С. 3.
2. Проект ФЗ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/search> (дата обращения: 15.06.2011).
3. Волкова М. Ю., Ланцман Е. М. Административная подсудность и административная подведомственность // Успехи современного естествознания. – 2011. – № 8.
4. Дегтярев С. Характеристика правовой категории «судебный контроль» на современном этапе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2006. – № 11.
5. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Ф. Яковлева, М. К. Юкова. – М. : ООО Городец-издат, 2003.
6. Куликов В. Иск начальству / Российская газета. – № 5788 (115). – 23 мая. – 2012.
7. Панкова О. В. Настольная книга судьи по делам об административных правонарушениях. – М. : ТК Велби, Проспект, 2011.
8. Хаманева Н. Ю. Реформа судебной власти: нужны ли административные суды в России? // Гражданин и право. – 2001. – № 5.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК ОДИН ИЗ ИНСТИТУТОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Л. П. Вздорова
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. Procedural autonomy of the investigator as one of the institutions that protect rights and freedoms of man and citizen. In science distinguish two main positions on this issue. The first position is that the content of the procedural autonomy of the investigator is reduced only to procedural rights, and the second position said that there are also responsibilities.

Key words: investigator; procedural autonomy; protect rights and freedoms of man and citizen.

Одним из злободневных направлений научных исследований в современной юридической науке является проблема правового положения различных категорий лиц, вовлечённых в правовые отношения, отсутствие легитимных дефиниций в нормативно-правовых актах различных уровней и процессуальная самостоятельность следователя не является исключением в подобном вопросе.

Стадия предварительного следствия, процессуальной самостоятельности и независимости следователей выступают составляющими элементами системы правовых мер по защите органами

предварительного следствия конституционных прав и свобод человека и гражданина, что в свою очередь является обеспечением одного из основополагающих принципов уголовно-процессуального права. Не могу не процитировать слова известного советского процессуалиста М. С. Строговича, который отмечал следующее: «независимо от ведомства, в котором они (следователи) состоят, – это наделённые широкими полномочиями деятели российской юстиции, сочетающие в своей деятельности основные процессуальные функции – уголовное преследование или обвинение лиц, совершивших преступления, защиту граждан от неосновательного привлечения к ответственности и разрешение дела по существу» [1].

Совершенно точно по данной проблеме, на мой взгляд, пишет Л. Б. Алексеева, "правильное уяснение той функциональной нагрузки, которую несёт в каждом конкретном случае законодательная формулировка правомочия, имеет существенное значение для его использования в точном соответствии с законом" [2].

В науке выделяют две основные позиции по данному вопросу. Первая заключается в том, что содержание процессуальной самостоятельности следователя сводится лишь к процессуальным правам. Имеется в виду право возбуждать уголовные дела или отказывать в их возбуждении; самостоятельно производить любые предусмотренные законом следственные действия; задерживать подозреваемого. А также право избирать без санкции прокурора меры пресечения, кроме заключения под стражу и залога; давать поручения органам дознания; оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению. И наконец, привлекать в качестве обвиняемого и др.

Суть второй позиции сводится к тому, что рассматривать только лишь одни права – это слишком узкий подход, поэтому в концептуальную составляющую процессуальной самостоятельности следователи включают ещё и обязанности. Эту концепцию представляют такие учёные, как Г. Р. Гольст, Б. Я. Гаврилов, и др. [3; 4].

В частности, по мнению А. А. Власова, "полномочия следователя – это закреплённые в процессуальном законе возможности, позволяющие ему свободно и самостоятельно определять характер своего поведения на предварительном следствии в целях наиболее успешного выполнения, возложенных на него задач, и в то же время его обязанности, предписывающие ему необходимость такого поведения, которое реализует его назначение в государственном механизме" [5].

Как совокупность прав и обязанностей рассматривают полномочия В. П. Божьев, А. И. Трусков, А. А. Эйман и другие авторы. В теории права также высказаны суждения о том, что полномочие "...являет собой определённые законом вид и меру возможного поведения" и что "во многих случаях полномочие составляет и обязанность, и наоборот, обязанность является правом" [6; 7].

На мой взгляд, процессуальная самостоятельность следователя должна рассматриваться согласно второй позиции, то есть в более широком смысле, чем простое закрепление прав без обязанностей, так как последнее является продолжением первого, и полноценное существование и взаимодействие возможно только в правовой гармонии прав и обязанностей – дозволений и запретов, разрешений и императивно предписанных действий.

Библиографический список

1. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Основные положения науки советского уголовного процесса. – М. : Наука, 1968. – Т. 1
2. Алексеева Л. Б. О механизме уголовно-процессуального регулирования // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. – М., 1979.
3. Гольст Г. Р. Процессуальная самостоятельность следователя, его права и обязанности // Советское государство и право. – М. : Наука, 1960. – № 5. – С. 123–128.
4. Гаврилов Б. Я. Процессуальная самостоятельность следователя в истории российского государства // Право и политика. – 2001. – № 2. – С. 15.
5. Власов А. А. Полномочия следователя в советском уголовном процессе : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. – М., 1979. – 21 с.
6. Божьев В. П., Трусов А. И. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя история и современность // Проблемы формирования социалистического правового государства. Сборник Академии МВД СССР. – М., 1991.
7. Эйсман А. А. Вопросы структуры и языка уголовно-процессуального закона // Вопросы борьбы с преступностью. – Вып. 15. – М. : «Юридическая литература», 1972.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

О. Г. Остапец
**Балаковский филиал Российской академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Балаково, Саратовская область, Россия**

Summary. The article discusses the need for further development of the institution of the institute of Human Rights Commissioner in modern Russia. Defined range of problems connected with the exercise of powers by the Commissioner for Human Rights and the proposed solutions. Particular attention is given to the imperfections of the legal framework constraining development of the institution of the Human Rights Commissioner.

Key words: institute of Human Rights Commissioner; mechanism to protect the rights and freedoms; restoration of the broken rights.

Расширение сферы конституционного регулирования в Российской Федерации способствовало полному и последовательному закреплению в рамках Основного закона комплекса прав и свобод, отвечающего существующим мировым стандартам в этой сфере. Провозглашение в Конституции Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности предъявляет особые требования к деятельности всех органов публичной власти и должностных лиц. Главным принципом этой деятельности должен быть принцип обеспечения всех прав и свобод человека и гражданина.

Однако проблема обеспечения прав человека на сегодняшний день стоит в России достаточно остро. Основными недостатками, сказывающимися на результативности правозащитной деятельности в Российской Федерации, являются противоречивость и несовершенство законодательства, непрофессиональное отношение государственных структур к защите прав и свобод личности, а также пассивность самих граждан и их правовой нигилизм.

В этой связи необходимо совершенствовать уже существующие и создавать новые институты и механизмы правового характера против злоупотребления властью.

Особое место в механизме защиты прав и свобод человека и гражданина занимает институт Уполномоченного по правам человека, являющийся связующим звеном между гражданским обществом и властью, который призван обеспечивать подчинение государственной власти праву, контроль общества над властью. Указанный институт в правовых системах цивилизованных демократических государств является эффективным механизмом защиты прав

человека и укрепления законности в деятельности органов публичной власти.

Однако анализ действующего законодательства в сфере правового регулирования деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, правоприменительной практики, специальной литературы выявляет ряд существенных проблем в указанной области.

Конституция Российской Федерации не наделила Уполномоченного правом законодательной инициативы. Однако ему следовало бы предоставить возможность оказывать влияние на правотворчество. Имеющаяся ситуация заметно снижает эффективность осуществления Уполномоченным своих полномочий в виду существования посредников – субъектов законодательной инициативы, к которым Уполномоченный обращается со своими предложениями. По мнению Е. Г. Маркеловой, «важной функцией Уполномоченного должны стать не только анализ и выявление тенденций, актуальных проблем в тех сферах, где наиболее часто встречаются нарушения прав граждан, но и право на основе этих данных вносить в парламент предложения об изменении законов или принятии новых законодательных актов. В связи с этим было бы полезно внести в Конституцию Российской Федерации соответствующие поправки, касающиеся расширения круга субъектов права законодательной инициативы путём отнесения к их числу Уполномоченного по правам человека» [1, с. 72].

Анализ действующего законодательства выявляет ещё одну проблему в вопросе формирования и развития в России единого внесудебного механизма защиты прав и свобод человека и гражданина. По мнению В. П. Лукина, эффективное функционирование указанного механизма невозможно без принятия императивной нормы, предусматривающей учреждение должности уполномоченного по правам человека во всех субъектах Российской Федерации. Следует отметить, что ещё в 2002 году на рассмотрение Государственной Думы была внесена соответствующая поправка в п. 1 ст. 5 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». Два года спустя поправка была отклонена на том основании, что институт регионального уполномоченного по правам человека «не всегда создаёт больший уровень защищённости для жителей этого региона» [2, с. 3].

Проведённое исследование показывает, что деятельность Уполномоченного требует обширных правовых знаний. Ему приходится взаимодействовать с органами власти всех уровней, прокуратурой и судом. Следовательно, возникает необходимость дополнения закреплённого в Федеральном Конституционном законе перечня требований к кандидату на должность Уполномоченного требованием о наличии высшего юридического образования.

Определённая проблема возникает и в связи с обращениями Уполномоченного в Конституционный Суд Российской Федерации. Как уже отмечалось, в соответствии с законодательством Уполномоченный не обладает правом по собственной инициативе обратиться в Конституционный Суд за проверкой конституционности того или иного закона вне связи с конкретным делом [3].

По мнению В. П. Лукина, «Уполномоченный должен иметь такую возможность, если считает, что права и свободы человека нарушаются действующим законом или если он противоречит конституции, общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам России» [4]. Следовательно, встаёт вопрос о необходимости внесения соответствующих изменений в статью 125 Основного закона и статью 97 закона о Конституционном Суде Российской Федерации.

Не менее серьёзной является проблема, связанная с незаконным вмешательством в правозащитную деятельность Уполномоченного. Так, 21 октября 2009 года на заседании Законодательного Собрания Санкт-Петербурга было принято решение о досрочном прекращении полномочий Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге И. П. Михайлова. В открытом обращении Комитета «За гражданские права» к губернатору Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко и Президенту Российской Федерации Д. А. Медведеву было подчёркнуто, «что в соответствии с решением Верховного Суда Российской Федерации [5] любые ограничения деятельности региональных Уполномоченных возможны лишь при применении Федерального закона об Уполномоченном по правам человека Российской Федерации. В связи с этим Законодательное Собрание не имело права лишать полномочий И. П. Михайлова» [6]. Одним из оснований прекращения полномочий было названо участие сотрудников Аппарата регионального Уполномоченного в предвыборной кампании и нарушение ими п. 6 статьи 1 Закона Санкт-Петербурга об Уполномоченном по правам человека. Депутаты не учли, что касающиеся Уполномоченного ограничения не должны распространяться на служащих Аппарата. Верховный Суд Российской Федерации 10 февраля 2010 года рассмотрел кассационную жалобу И. П. Михайлова и вынес новое решение о признании п. 6 статьи 1 Закона Санкт-Петербурга от 30 декабря 1997 года «Об Уполномоченном по правам человека в Санкт-Петербурге» не действующей [7].

В. П. Лукина утверждает, что «служебная деятельность омбудсмена (парламентского уполномоченного) по защите прав человека должна основываться на принципах его неподотчётности и неподконтрольности каким-либо органам государственной власти и должностным лицам, несменяемости в период срока исполнения своих должностных полномочий, иммунитета от преследования за решения и действия, совершённые им в официальном качестве» [8].

Особый интерес в контексте рассматриваемой проблемы вызвала ситуация, связанная с ограничением права Уполномоченного на обжалование вступивших в силу решений судов общей юрисдикции. При этом «...готовя Лукину очередной отказ, суды на местах ссылались на отсутствие соответствующих норм в процессуальных кодексах. Это делалось регулярно, несмотря на то, что право обжаловать судебные решения закреплено за омбудсменом Федеральным конституционным законом» [9].

И только в 2009 году в связи с обращением В. П. Лукина Верховный суд Российской Федерации довел до сведения судей информацию о том, что Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации вправе выступать в качестве самостоятельного субъекта обжалования вступивших в законную силу судебных актов судов общей юрисдикции [10].

В то же время следует подчеркнуть, что единство целей федерального и региональных уполномоченных предполагает необходимость наделения уполномоченных в субъектах Российской Федерации процессуальными правами, обеспечивающими, возможность обжалования в порядке надзора вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений. При этом, как отмечает И. С. Дикарев, «...расширение круга субъектов надзорного обжалования не должно рассматриваться как угроза стабильности судебных решений, вступивших в законную силу, поскольку вопрос будет решаться по общим правилам, предусмотренным статьей 406 УПК Российской Федерации» [11].

Не менее остро стоит вопрос о реагировании должностных лиц на обращения Уполномоченного. Так, в 2010 году 32,2 % поступивших жалоб были приняты Уполномоченным к рассмотрению (в 2009 году аналогичный показатель составил 29,9 %). При этом, однако, добиться полного восстановления нарушенных прав заявителей удалось только по 5,05 % дел (в 2009 году – по 8,6 %) [12].

По мнению В. П. Лукина, «...очень редко чиновники признают нашу правоту. Обычно они отшаркиваются общими словами и отписками. Я думаю, что необходимо ужесточить административное наказание чиновников за неуважение к уполномоченному по правам человека...» [13]. Следует отметить, что в настоящее время за неисполнение должностными лицами законных требований Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, а равно неисполнение должностными лицами обязанностей, установленных Федеральным конституционным законом, установлен административный штраф в размере от двух до трёх тысяч рублей [14].

В контексте рассматриваемой проблемы хотелось бы привести ещё один пример, касающийся реагирования органов власти на Рекомендации Уполномоченного по правам человека. 23 июля 2010 года состоялось заседание «круглого стола» с повесткой: «О ходе ре-

ализации Рекомендаций, проведённого Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации 20 мая 2009 г. «круглого стола», актуальных проблемах социально-правового обеспечения формирования нового облика Вооружённых Сил Российской Федерации и перспективе их разрешения». В выступлении сотрудника аппарата Уполномоченного М. В. Давиденко было отмечено, что при получении Рекомендаций «Аппарат Правительства разослал Рекомендации по министерствам и ведомствам с поручением – дать ответы Уполномоченному. То есть, без обобщения и анализа ответов в собственном Аппарате. О чём это говорит? Во-первых, о том, на мой взгляд, что Правовой департамент Аппарата Правительства не особо беспокоят правовые и социальные проблемы нашей армии. Во-вторых, к слову сказать, это говорит об «аппаратной этике и культуре...» [15].

Анализ приведённых фактов свидетельствует о том, что последствия подобного отношения со стороны отдельных органов государственной власти и их должностных лиц к деятельности Уполномоченного негативно сказываются, прежде всего, на защите прав человека и гражданина.

Далее хотелось бы остановиться на проблеме проведения Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации юридической экспертизы проектов федеральных законов. Задача экспертизы – выявление положений, ущемляющих права и свободы человека. По мнению В. П. Лукина, «она (экспертиза – авт.) могла бы быть отнесена к формам участия Уполномоченного в совершенствовании законодательства о правах человека» [16].

В соответствии с законом Уполномоченный имеет право знакомиться с содержанием документов, принятых палатами Федерального Собрания Российской Федерации, и при необходимости всегда может высказать своё мнение об их соответствии общепринятым стандартам в области прав и свобод человека. Но при этом у Государственной Думы отсутствует обязанность учитывать его рекомендации в своей законотворческой деятельности, т. к. участие Уполномоченного в процедурах подготовки и обсуждения законопроектов в комитетах Государственной Думы не урегулировано Регламентом палаты. Отсутствие в нём положений, позволяющих Уполномоченному официально вносить заключения на законопроекты, лишает его возможности более эффективно участвовать в совершенствовании федерального законодательства.

Следует также обратить внимание на отсутствие специального Закона об основах деятельности регионального Уполномоченного по правам человека на федеральном уровне, что препятствует дальнейшему совершенствованию системы уполномоченных по правам человека федерального и регионального уровней. Принятие указанного закона будет, во-первых, способствовать конструктивному взаимодействию уполномоченных по правам человека федерального и

регионального уровня с иными государственными институтами и, во-вторых, позволит устранить пробелы в законодательстве по вопросам правового регулирования в указанной сфере.

Подводя итог анализа отдельных проблем реализации полномочий Уполномоченным по правам человека в России, хотелось бы подчеркнуть, что учреждение института Уполномоченного как государственного правозащитного органа знаменует важный этап развития Российского государства, на котором защита прав человека формулируется как одна из приоритетных задач государственной политики. Такое восприятие правозащитной функции государства является непривычным для менталитета российской бюрократии. На процесс формирования и развития института Уполномоченного по правам человека оказывает отрицательное влияние и правовой нигилизм, имеющий место в российском обществе. Нельзя не отметить и несовершенство нормативно-правовой правовой базы, сдерживающей развитие института Уполномоченного по правам.

Таким образом, необходимо направить усилия общества и государства на совершенствование указанного государственного правозащитного института.

III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА В ПРОЦЕССЕ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

И. Г. Горошникова
Бердянский государственный педагогический
университет, г. Бердянск, Украина

Summary. In the article questions of forming teenagers' legal personality in the process of legal socialization have been opened, the objective state of study questions of legal socialization is considered, legal personality characteristics is presented, typological descriptions of teenagers legal conduct are determined.

Key words: legal socialization; personality; legal personality; teens; legal conduct.

В современных условиях нашего общества проблема подготовки детей подросткового возраста к самостоятельной жизни в социуме, их правовая социализация становится одним из актуальных вопросов социально-педагогической теории и практики. Правовая социализация это сложный, противоречивый, динамичный процесс, который, особенно в подростковом возрасте, сопровождается кризисами. Подросток не всегда имеет возможность преодолеть кризис социализации, и дальнейшее развитие его личности может осуществляться в неверном направлении. Формирование правовой личности позволит укрепить жизненную позицию, заложить основы понимания социальной ценности права, повысить социально-правовую активность подрастающего поколения.

Проблема правовой социализации всё больше привлекает внимание современных учёных. По данным социально-педагогических и социально-правовых исследований (В. Андрущенко, Г. Васянович, И. Зверева, И. Ковчина, О. Степанов, П. Самыгин, М. Фицула) возникает особая необходимость в правовой социализации подростков, содержание и технологии которой должны быть направлены на формирование правовой личности.

Цель статьи состоит в рассмотрении проблемы формирования правовой личности подростка в процессе правовой социализации, осуществлении характеристики правовой личности, определении типологических особенностей правового поведения подростков.

Правовая социализация – это комплексный, многоуровневый процесс социального развития личности, что происходит в ходе её включения в общественно-правовую систему государства и сопро-

вождается усвоением и реализацией основных социально-правовых требований, которые выдвигаются по мере взросления ребёнка со стороны социума. В процессе правовой социализации личности происходит систематическое овладение социально-правовыми знаниями и умениями активно использовать их в процессе самостоятельной жизнедеятельности в обществе.

Правовая социализация связана с процессом становления личности как составляющего элемента любой социальной общности и системы. В современной социально-педагогической литературе личность рассматривается как особый способ существования человека в качестве члена общества, как представитель определённой социальной группы, свободно и ответственно определяющий своё место в обществе [2, с. 30].

Началом процесса правовой социализации является усвоение ребёнком норм социального поведения, общения, взаимодействия, социально-правовых и моральных запретов и требований. Подростковый период от 12 до 14 лет является определяющим в правовой социализации личности. Данный возраст характеризуется определёнными психолого-социальными особенностями, которые проявляются в общении с окружающими, понимании или протесте против общепринятых норм и правил поведения.

Исследователи подчёркивают зависимость социальной сущности подросткового возраста от особенностей процесса социализации, в ходе которого формируется самосознание, социальное сознание и ценностные установки, определяющие траекторию личностного развития на протяжении всей жизни [3, с. 134–135].

Личность, которая овладела социально-правовыми установками государства и реализует их в своём правовом поведении, может быть охарактеризована как правовая личность. Ведущая роль в процессе формирования личности подростка, которой присущи типологические характеристики правового поведения, принадлежит именно правовой социализации.

В современной научной литературе [3, с. 68–69] определяют следующие наиболее типологические черты правовой личности: уважение достоинства других лиц, выступающих равными участниками правового взаимодействия, чувство личной ответственности за свои поступки и убеждения в важности выполнения правовых обязанностей, уважение к закону и др.

Процесс становления правовой личности подростка сопровождается формированием устойчивых правовых установок на правомерное поведение, готовности к реализации правовых предписаний, к защите своих прав [1, с. 12].

Результатом правовой социализации является правовая личность, для которой характерны: высокий уровень правосознания (предусматривает положительное отношение к правовым ценно-

стям); высокий уровень усвоения основных социально-правовых требований (которые выдвигаются к подростку со стороны социума); готовность к реализации правовых предписаний, защиты своих прав исключительно правовыми методами, соблюдения своих обязанностей.

Правовая социализация личности подростка охватывает, с одной стороны, основные убеждения, установки, ориентации, обращённые на политико-правовую систему, а с другой – теоретические идеи и действующие нормы правовой практики. Личностью, социализированной правом, может считаться человек, который овладел правовыми нормами поведения и реализует их в своей повседневной жизни. А это значит, что правовую социализацию личности образуют следующие компоненты: когнитивный, аксиологический и деятельностный, которые входят в систему жизненной практики личности.

Современная социально-педагогическая наука ориентирована на решение задач, связанных с правовой социализацией личности, выработкой правильной формы её поведения, блокирование нежелательной, стимулирование социально-правовой направленности деятельности ребёнка.

Таким образом, в статье раскрыты вопросы формирования правовой личности подростка в процессе правовой социализации, сделан анализ современных исследований по данной проблеме, рассмотрено объективное состояние изучения вопросов правовой социализации, представлены характеристики правовой личности. Современное состояние научного исследования проблемы требует дальнейшего рассмотрения социально-педагогических условий, содержания и технологий правовой социализации детей подросткового возраста.

Библиографический список

1. Ковчина І. М. Основи соціально-правового захисту особистості : навчально-методичний посібник для студентів ВНЗ спеціальності «соціальний педагог». – К. : Вид-во НПУ ім. Драгоманова, 2011. – 297 с.
2. Соціальна педагогіка : підручник. – 4-те вид. виправ. та доп. / за заг. ред. проф. А.Й. Капської. – К. : Центр учбової літератури, 2009. – 488 с.
3. Степанов О. В., Самыгин П. С. Социология права : уч. пособ. – Ростов н/Д. : Феникс, 2006. – 285 с.

СВОБОДА И ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ

А. Н. Коробкина
Краснодарский государственный университет
культуры и искусств, г. Краснодар, Россия

Summary. Freedom is an essential value of human society. society increases individual freedom and the human community requires a high degree of self-organizing this process, play a vital role modern media. Information arms of the individual, however, extends not only to the realm of freedom, but the scope of responsibility, as it promotes the growth of reflective consciousness. This, however, each individual is to some extent has become a philosopher, critical philosopher.

Key words: freedom; progress; censorship; ideology.

Свобода является важнейшей ценностью человеческого общества. Гражданское общество повышает степень свободы индивида и требует от человеческого сообщества высокой степени самоорганизации. В этом процессе важнейшую роль играют современные СМИ, медиа в целом. Информационная вооружённость индивида, однако, расширяет не только рамки свободы, но и рамки ответственности, так как способствует росту рефлексивного самосознания. Однако для этого каждый индивид в какой-то мере должен стать философом, критическим философом.

Р. Декарт, как пионер западноевропейской философии самосознания, провозгласил тезис: «Я мыслю, следовательно, Я существую».

И. Кант в своей «критической философии» очертил общие рамки человеческой свободы и необходимости. Он указал, что человек является по своей природе жителем двух миров. С одной стороны, он принадлежит миру природы, миру естественной необходимости, миру физических причинных связей. В этом случае он находится в рамках всеобщей мировой связи и зависимости, является рабом физической и физиологической необходимости.

С другой стороны, человек принадлежит миру свободы. Несмотря на зависимость от моральных норм и принципов, несмотря на жёсткие требования морального долга и общественного мнения, человек может быть свободным. Он свободен постольку, поскольку в области морали может следовать чувству совести, следовать велению своего нравственного самосознания.

Стоики, а затем и Спиноза продемонстрировали, что свобода и необходимость могут быть взаимосвязанными, тождественными. Познание способно расширять сферу человеческой свободы: «Свобода есть познанная необходимость».

Гегель и марксизм продолжили эту линию. Они показали, что человек способен подчинять себе необходимость благодаря активной деятельности на основе объективных знаний реальных законо-

мерностей. С этой точки зрения свобода человека имеет исторический характер, она расширяется в сфере социального бытия человека, поскольку человек подчиняет себе как природную необходимость, так и стихию социальных отношений.

Гегель считал свободу мерилом человеческого прогресса. Свободен один (Древний Восток), свободны некоторые (античная демократия), свободны все – западный христианский мир – вот ступени человеческой свободы. В марксизме также присутствует этот принцип. Программа построения коммунизма, принятая в СССР, включала в себя определение коммунизма как общества, в котором «Свободное и всестороннее развитие каждого есть условие свободного и всестороннего развития всех». Достижение свободы при коммунизме предполагает народовластие на основе общественной собственности на средства производства.

В гуманистической философской и социально-политической мысли 17–18 вв., преимущественно среди просветителей, получило развитие понятие свободы как феномена социально-правового порядка. Монтескье, Гоббс, Локк и другие мыслители этого периода продемонстрировали, что понятие свободы зиждется на следующих важных предпосылках и условиях:

- признании естественного равенства всех людей от природы (от Бога);
- признании суверенитета гражданского общества;
- наличию и священности частной собственности как на рабочую силу, так и на труд;
- наличию свободы совести, невмешательстве государства в мировоззренческий выбор граждан, их убеждения;
- наличию правового государства и соблюдении демократических прав и свобод граждан.

Вольно или невольно нравственной предпосылкой такого порядка являлся принцип разумного эгоизма. Он представляет своего рода социальный компромисс граждан в условиях атомизированного общества и означает, что, реализуя свои интересы, индивид должен считаться с интересами других граждан, не должен препятствовать реализации их устремлений.

Однако верным остаётся и взгляд великого просветителя Руссо о том, что по мере прогресса цивилизации человек всё более и более оказывается в «цепях». Поэтому в социально-политических теориях постоянно существует идеализация прошлого, например, античности или даже примитивных обществ, где человек не обуздан внешними условностями, собственностью, государственным принуждением.

Многие социальные мыслители показали, что прогресс цивилизации в области технологии приводит к всё большему порабощению индивида, к его несвободе. Идеал коммунистической свободы также обернулся её тоталитарным проявлением, когда следование

необходимости оказывалось абсолютным подчинением воле Партии, ЦК, бюрократической машины. Не отсюда ли выросла анархический протест против государственной машины?

Смерть универсальных идеологий как форм духовного подавления не избавила мир от новых форм духовного рабства. Возник религиозный фундаментализм, который превращает человека в орудие религиозных, часто экстремистских доктрин.

В современных демократиях человек также попадает под всё большие и всё более изощрённые формы технического контроля, слежки и другой зависимости. Да и вообще, нужна ли человеку свобода?

Свобода может быть очень опасной. Уже мудрецы Древнего Египта предупреждали, что тайное знание, ставшее общим достоянием, может принести вред. Свобода хороша как идеал, но как только она превращается в политический лозунг и оружие, то нет такого преступления, которое не совершили бы люди ради свободы. Необузданное стремление к свободе ведёт к произволу и насилию. Вера в полную свободу всегда романтична, а романтизм в политической практике всегда ведёт к авантюризму и насилию.

Да и нужно ли стремиться к свободе?

Вдумаемся в слова молодого Сартра – «Человек обречён на свободу». Действительно, человек не может не быть свободным. Но свободу нужно осознавать, её нужно пережить как собственное состояние, как условие собственной самореализации. Свобода как условие самореализации – пожалуй, высшее проявление свободы. Другой экзистенциалист, Н. Бердяев, вообще определил свободу как творчество, а само это творческое устремление понимал как высшее проявление стремления к Богу. Видимо, внутренняя свобода важнее внешней. Хотя и о внешней не стоит забывать.

Как только свобода отрывается от ответственности, так она превращается в произвол. Поэтому общество не может полагаться на интуицию и постоянно плетёт сети из социальных, правовых, нравственных, религиозных и других норм, задающих человеку внешние рамки свободы в виде его прав и обязанностей и меры ответственности за их невыполнение.

В эпоху существования национальных государств принципы свободы и необходимости, права и обязанности обретают государственно-правовую форму их осуществления.

Движение к информационному обществу в мире – объективный процесс, обеспечивающий формирование и развитие мирового экономического пространства, взаимосвязанное функционирование мировых товарных рынков, рынков информации и знаний, капитала и труда. Россия не может оставаться в стороне от этих глобальных процессов. Обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны требует перехода России к информационному обществу. Глобальный характер этого процесса предопределяет неиз-

бежность вхождения нашей страны в мировое информационное общество. Только использование материальных и духовных благ информационного общества может обеспечить населению России достойную жизнь, экономическое процветание и необходимые условия для свободного развития личности. Поэтому в России была разработана целевая долгосрочная программа информатизации и безопасности [1; 2]. При разработке данной концепции учитывался опыт решения проблем информатизации и движения к информационному обществу, накопленный в различных странах.

Плюрализация источников информации приводит к парадоксальному эффекту: с одной стороны, демократическому обществу угрожает информационная энтропия; с другой стороны, даже левые демократы говорят о необходимости некой селекции; перевес включённости над исключённостью, ускорение процесса обмена информацией не оставляют времени и для рефлексии. Устранение пространственной дистанции даёт повод говорить о глобализации как безграничности. Однако нельзя не видеть формирования новых ограничений, определяющих режимы включения и исключения. Благодаря преодолению пространственных границ более пятидесяти миллионов человек оказались реально включёнными в мировое сообщество, но вместе с тем наметилась тенденция обособления различных «виртуальных сообществ». Кроме того, половину пользователей мировой сети составляют американцы. Сложилось новое разделение, теперь уже не на основе той или иной национально-государственной принадлежности, а на основе технической оснащённости.

Постиндустриальное общество является сверхсложным и возникает кризис централизованного управления. Социум становится диверсифицированным, внутренне многообразным, индивид высокоинформированным и автономным, поэтому наступает смерть универсальных идеологий. Бог умер! Данную тенденцию мы подтвердим параллельным фактом из области трансформации информационно-кодовых процессов в медицине [5]. А. Тоффлер указывает, что ещё в 1970 гг. врачи казались американцам богами в белых халатах, а их предписания были законом для пациентов. Врачи фактически контролировали всю систему здравоохранения США и имели огромное политическое влияние. Чем же это обеспечивалось? В ту эпоху врачи являлись монополистами медицинских знаний, для написания рецептов они использовали латинский язык, который являлся особым профессиональным кодом, недоступным большинству пациентов. Врачи контролировали медицинские учебные заведения, их научные конференции и издания были распространены в основном среди специалистов.

Информационное общество коренным образом меняет ситуацию в этой области: пациент может с помощью компьютера подключиться к базам данных и получить сведений о том или ином за-

болеванием больше, чем обычный врач в состоянии изучить; по телевидению демонстрируются специальные программы, циклы обучения, консультации по приёму лекарств; множество персональных приборов и разнообразных диагностических центров, доступных справочников практического врача и пр. делают обывателя очень компетентным в тех или иных областях медицинских знаний и их использования. Кроме того, пресса регулярно обнародует случаи небрежности и злоупотреблений в медицине, дешёвые издания дают советы о применении лекарственных препаратов и различных методиках оздоровления, профилактики, лечения. Обычный гражданин получает свежую информацию о передовых методах и открытиях через массовые издания быстрее, чем специалист получит их через специальную литературу. Монополия медиков на специальные знания разрушилась, врач перестал быть Богом. И всё это является результатом общей структурной перестройки постиндустриального общества, результатом общей тенденции изменения связки «власть-знание» в обществе. Точно так же произошла девальвация экономических, политических, социологических и других знаний.

Соотношение связей «власть-личность», «учёный-обыватель», «наука-жизнь», «идеология-мифология», «учитель-ученик» и прочих коренным образом изменилось. Ещё 20–40 лет назад в современных цивилизованных странах можно было верить в универсальную идеологию, сейчас же поиск доктрины всеобщего счастья будет выглядеть очень наивным занятием. Это не значит, что люди отказались от таких занятий. Но такого рода рецепты перестают играть роль идеологем. Однако «смерть» общезначимых ценностей ведёт (в тенденции) к полному произволу, следовательно, невозможности свободы. В связи с этим встаёт вопрос о том, что собой представляет и должен представлять феномен «ответственности» в обществе постиндустриальной цивилизации.

Общество постмодерна не может быть неподцензурным. Опыт развития цензуры говорит о том, что она имеет свои культурно-исторические формы [3]. Современная форма цензуры должна ориентироваться на экологичный, здоровый образ жизни, на те нормы и ценности, которые носят гуманистический характер, а всё спорное ограничивать в той или иной мере. Речь идёт не о полном запрете, а о дозированной фильтрации информации, которая может представлять опасность для индивида и общества. Ответственность в условиях информационной свободы лежит как на потребителе, так и на производителе информации, а также тех институтах, которые контролируют её циркуляцию. В то же время, цензура не может быть ущемлением прав и свобод граждан. Это состояние достижимо только в рамках правового государства, высокого уровня гражданского общества и высокого уровня культуры потребления и использования информации. Вопрос культуры в этом случае, пожалуй, яв-

ляется приоритетным. В цивилизованном обществе понятия «свобода» и «культура» стоят рядом.

Библиографический список

1. Доктрина информационной безопасности РФ. Утверждена Президентом РФ 9.09.2000 // Информационное общество. – № 6. – 2000. – С. 3–22.
2. Емельянов Г. В. Основы государственной политики РФ в области обеспечения информационной безопасности и безопасность компьютеризированных систем // Информационное общество. – № 6. – 2000. – С. 16–19.
3. Медийные стратегии современного мира. Материалы Пятой Международной научно-практической конференции (Сочи 1–3 ноября 2011 г.). – Краснодар, Кубанск : ГУ, 2011. – 584 с.
4. Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России. – М.: Юрист, 1994. – С. 34.
5. Toffler A. The powershifters // Powershift. – N.Y. : Bantambooks, 1990. – P. 3–11.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ И ПРАВОВОМ СОЗНАНИИ В ПОДГОТОВКЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ РФ

Н. В. Волкова, Л. А. Гусева

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. The article describes the features of legal culture and legal consciousness in the preparation of the state civil servant of the Russian Federation. Also in article define the concepts of legal culture and legal consciousness, emphasizes the need for the problem and part – the search methods of training of civil servants.

Key words: right; knowledge; legal culture; legal consciousness; legal culture of social rights; legal education; civil service.

Правовая культура и нравственность – неотъемлемый компонент профессиональной культуры работника аппарата государственного управления. Высокая правовая и нравственная культура – базовое условие эффективного государственного управления, высокого профессионализма служебной деятельности.

Правовая, а тем более нравственная раскрепощённость, правовой нигилизм, моральная толерантность с их нетерпимостью к аморальным проявлениям – путь в никуда. Тем более если речь идёт о государственных гражданских служащих – материальных носителях власти, законодателях правовых и нравственных стандартов, на которых люди ориентируются как на образец, правосознание которых представляет совокупность взглядов и идей, выражающих отношение властей к праву, законности, правосудию, правомерному и неправомерному [4, с. 148].

В последнее десятилетие в России произошли значительные изменения в области модернизации социально-экономических и правовых отношений, формирования правовой системы, отвечающей современным требованиям и реалиям. В стране был провозглашён курс на формирование правового государства и гражданского общества. Эффективность намеченных преобразований может быть достигнута, с одной стороны, совершенствованием законодательства и государственного управления, и обеспечением высокого уровня правовой культуры граждан – с другой.

В этой связи формирование правовой культуры государственных гражданских служащих, проявляющееся, прежде всего, в развитии правовой активности и эффективном умении использовать правовые средства для достижения практических результатов, должно стать неотъемлемой частью в процессе профессиональной деятельности государственного гражданского служащего, необходимым компонентом профессионального становления личности. Особую актуальность этот процесс приобретает в условиях перехода к компетентной модели подготовки специалистов, в которой определяющим выступает опыт деятельности личности, и готовность принимать ответственные решения и действовать адекватно требованиям данной ситуации.

Правовая культура характеризует определённый уровень правовой образованности и правовой воспитанности общества и каждого гражданина. Главные показатели – развитость правового пространства, совершенство правовых актов и законодательства в целом; эффективность законодательной и правоприменительной практики; качество правосознания и нравственности людей; уровень осознания прав, обязанностей и взаимной ответственности общества и власти, государства и гражданина, граждан друг перед другом; налаженность судебной и правоохранительной системы.

Правовая культура – это система правовых идей, убеждений, навыков и стереотипов поведения, правовых традиций, принятых членами определённой общности (государственной, религиозной, этнической) и используемых для регулирования их деятельности.

Правовая культура человека проявляется в умении и навыках пользоваться правом, ориентации собственной деятельности на право, а также в оценке собственных знаний прав.

Принципами правового образования являются непрерывность, междисциплинарность, связь образования с практической деятельностью, интеркультурность.

Вопросам правового сознания самое серьёзное внимание уделялось с незапамятных времён. Решающее место закону в повседневной жизни и государственном управлении отводили мыслители древнего Китая и Индии, философы-энциклопедисты античности, обществоведы Средних веков. Назначить чиновника, считали они, –

это поддела, главное – добиться, чтобы он обеспечивал строгое исполнение закона. Именно в этом видели смысл государственного управления. Если власть не обладает искусством управления на основе права, то это ведёт к злоупотреблениям в верхах и смуте среди низших [6, с. 118]. Так говорил Хань Фей-дзы.

Применительно к предмету нашего анализа авторы исследуют правовую культуру и профессиональное правовое сознание государственных служащих современной формации. Это качество правового мышления; политико-правовой кругозор и способность грамотно применять имеющиеся правовые знания на практике; умения и навыки пользоваться правовыми актами в повседневной служебной деятельности; такие качества, как профессиональная безупречность, законопослушность, служебная дисциплинированность.

Содержательно правовая культура как часть общей культуры может быть представлена как совокупность норм, ценностей, социальных систем, юридических норм и институтов, процессов и форм, выполняющих функцию социально-правовой ориентации людей в конкретном обществе, создавая тем самым своеобразное, уникальное сочетание материальных и духовных компонентов [9, с. 670].

Современная правовая культура – это культура демократического правового государства и развитого гражданского общества.

Правовая культура – практически единственная форма, посредством которой в сознании человека отражается своеобразие таких глобальных правовых феноменов, как государственность, правопорядок, система права и правовая система, режим правления, правовая история народа, произведения юридической мысли и юридической практики (правотворчества, праворегулирования, правоприменения). Нередко о правовой культуре говорят как о «правовой форме профессиональной деятельности» [3, с. 170], как о совокупности идей, чувств и убеждений относительно права и его роли в обществе» [7, с. 1505].

Правовая культура государственного гражданского служащего определяется: а) уровнем его политического и правового сознания; б) строгостью исполнения обязанностей в юридически установленных для его должности формах; в) степенью законности участия в решении общественно значимых и частных задач; г) уважением к правам и свободам человека и гражданина. От качества правовой культуры в значительной степени зависит то, какими представляются поступки и действия служащего – правомерными, социально полезными, нравственными или, наоборот, неправомерными, социально вредными и нравственно недостойными [8, с. 570].

В связи с этим государственным гражданским служащим практически во всех случаях необходим более высокий, чем рядовым гражданам, уровень знания и права, и правовых проблем, более глубокое понимание механизмов их практического решения.

В Республике Татарстан 15 % государственных гражданских служащих имеют высшее юридическое образование. В органах исполнительной власти такое образование имеют 20 % служащих.

Поэтому правовая культура служащего – это мера освоения и практического использования служащим правовых ценностей, передаваемых в порядке преемственности путём правового воспитания и профессионального, в том числе юридического, образования. Совокупность правовых ориентаций и ценностей, убеждений и принципов и мировоззренческих установок, юридически значимых поступков и действий, подкреплённых профессиональными правовыми знаниями и организационно-управленческим опытом их практического применения в процессе реализации служебных полномочий.

Правовое сознание и структура правосознания включают правовую идеологию и правовую психологию. Это соответственно знания, идеи, взгляды и переживания, чувства, привычки, убеждения.

Основные функции правосознания – познавательная, оценочная и регулятивная.

Таким образом, правовое сознание включает:

1. Формирование системы знаний, умений и навыков.
2. Формирование ценностных ориентаций и правовых установок.

Для демократического правового государства характерно зрелое демократическое правосознание. У нас же оно пока находится на крайне низком уровне развития. Можно даже сказать, что в состоянии застоя. Россия, к сожалению, констатирует Д. А. Медведев, – «страна правового нигилизма». 76 % граждан плохо знает законы, в эффективность законов верит лишь 2 % опрошенных граждан [7, с. 1508]. Таким уровнем пренебрежительности к закону не может похвастаться ни одна другая европейская страна [1].

В идеале правовое сознание проявляется в безупречной репутации, профессионализме, знании теории и практики права.

Правосознание бывает индивидуальным и коллективным; имеющим трёхуровневую структуру – научное, профессиональное и обыденное; включает четыре вида оценочных отношений: а) к праву и законодательству; б) к правовому поведению окружающих; в) к государственным органам и их деятельности; г) к своему собственному поведению.

Первый уровень – обыденное правосознание. Этот уровень свойственен основной массе членов общества, формируется на базе повседневной жизни граждан в сфере правового регулирования. Люди, так или иначе, но постоянно сталкиваются с правовыми предписаниями: какую-то информацию получают из средств массовой информации, наблюдают юридическую деятельность государственных органов и должностных лиц, решают массу своих собственных проблем, оставаясь при этом непрофессионалами в области юриспру-

денции. Для людей с обыденным уровнем правосознания характерны знание общих принципов права и обладание определённым собственным опытом решения конкретных задач в конкретных государственных и муниципальных органах. Здесь правовые воззрения тесно переплетаются с нравственными представлениями.

Второй уровень – профессиональное правосознание, формирующееся в процессе социальной подготовки специалистов в области государственного и муниципального управления в процессе практической государственно-властной, в том числе юридической, деятельности. Субъекты такого правосознания обладают специализированными, детализированными знаниями действующего законодательства, профессиональными умениями, навыками их применения. На таком уровне правовое сознание проявляется в безупречной репутации, профессионализме, глубоких знаниях теории и практики государственного управления.

Третий уровень – это научное, теоретическое правосознание. Это систематизированное знание в форме соответствующих идей теорий, концепций и доктрин. Оно характерно для научных работников, занимающихся разработкой научных основ юриспруденции, исследованием вопросов государственного строительства [8, с. 578].

Важным условием оптимизации учебно-познавательной деятельности и средством практического освоения правовой культуры и правового сознания деятельности могут служить проблемный и частично – поисковый методы обучения государственных гражданских служащих. Для их осуществления разработаны творческие правовые задачи-казусы, решение которых должны государственные гражданские служащие отыскать, используя имеющиеся знания и навыки профессиональной деятельности. По нашему мнению, необходимо широко применять приёмы творческого решения правовых задач-казусов в профессиональной сфере.

Важность знания правовых норм заключается и в том, что личность, получив определённые правовые знания, осознаёт объективную необходимость соблюдения правовых норм (в данных обстоятельствах это выражается в её потребностях) или, наоборот, видит их дефекты.

Таким образом, правовую культуру и правовое сознание, в широком понимании, образуют: право, правосознание, правовые учреждения, правоотношения, правоприменение, правовые принципы и реализация права.

Библиографический список

1. Выступление Медведева на Общероссийском гражданском форуме 22 января 2008 г.
2. Государственная служба. Энциклопедический словарь / под общ. ред. В. К. Егорова. – М. : РАГС, 2009.

3. Казанцев Н. М. Публично-правовое регулирование государственной службы. – М. : РАГС, 1999
4. Козбаненко В. А. Правовой статус государственных гражданских служащих: структура и содержание. – М. : ИПК госслужбы, 2003.
5. Комментарий к ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» / пред. ред. совета Д. А. Медведев; под общ. ред. В. А. Козбаненко. – Спб, 2008.
6. Маршев В. И. История управленческой мысли : учебник. – М. : Инфра-М, 2005.
7. Нелюбина Е. В. Правосознание, правовая культура и социальные права человека: взаимосвязь и взаимообусловленность // Право и политика. – 2009. – № 7.
8. Охотский Е. В. Государственный служащий: статус, профессия, призвание. – М. : Экономика, 2011.
9. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. – М. : Изд. М. Ю. Тихомирова, 2005.

**“CULTURE AS A SYMBOL”
VS. “CULTURE AS A SOCIAL PRACTICE”:
THE PERCEPTION OF “THE VEIL” IN FRENCH SOCIETY**

**N. V. Majewska
Graduate School for Social Research, IFiS,
Polish Academy of Science, Warsaw, Poland**

Summary: The paper based on the theoretical debate “culture as a symbol vs. culture as a social practice” aims to explain the protests that emerged in France as a result of the law adopted in 2004 that prohibited wearing religious signs in public schools. The paper particularly focuses on analysing the cultural meaning of “the veil” in France and explains the emerged tensions between the French government and the Muslims community.

Key words: culture; French law; the veil; Muslims; religion; secularism.

The law adopted by the French government in 2004, which was banning “signs and dress that ostensibly denote that religious belonging of students' in public elementary and high schools beginning with 2004–2005 school year” [8, p. 1] generated lots of protests and drastically divided both national and international community between *pro* and *contra* the decision of the French government. The present paper based on the theoretical debate “culture as a symbol vs. culture as a social practice”, aims to illustrate the complexity of the emerged protests and discuss the different perception of “the veil” in French society. The paper does not aim to bring solutions to the problem and does not take one or the other side of the parts involved in the tension. It rather argues that because of the fact that “the veil” was perceived in France as a “symbol” and by the Muslim community it is a “social practice” a lot of debates both inside and outside the country emerged.

According to Griswold [3] “Culture as a social practice” is very important for the unity of the community and/or nation. Therefore the role of culture as a “social practice” has been widely analysed in the specialised literature. According to Griswold [3] “The shared beliefs and understandings of a people constitute their collective consciousness, and their collective consciousness governed their thoughts, attitudes and practice” [3, p. 55]. Axford [2] states that culture as a practice gives us the sense of “unity” which is important for “collective identity” based on which a nation is built. Moreover “National cultures are the complex bodies of real and imagined practice, belief, ritual and attitude” [see Mann, 1993 as cited in Held & McGrew; Goldblatt & Perraton, 6, p. 336]. That is to say it is the elements of culture which gives us the sense of belonging to one or another group in a society and we inherit them with the sequence of time labelled as “social practice” [3].

Griswold [3] underlines that “People however are members not simply of a single group or community, but of a variety of them” [3, p. 65]. Therefore there is need to distinguish between “us” and “them” therefore we in a way “learn our collective identities” by “worrying about meanings, identities or symbolic representations” [3, p. 64]. Moreover the “collective representation” is built on “sentiments of unity” and passed over time “through the elements of culture” [3, p. 59]. Therefore Cooley as cited by Griswold [3] mentioned that culture is about “people interactions” [Cooley as cited in Griswold, 3, p. 61]. Griswold [3] underlined that within the interaction process the role of identity is important “Identity is the key concept for the symbolic interactionist approach” [3, p. 63]. Moreover Griswold [3] underlines that an important element of interaction is “socialization” as a result of which “culture is transmitted” [3, p. 23].

Moreover Hannerz [5] stresses the “complex” character of culture and that culture gets the “meaning” when it is replicated from “people’s minds into particular objects”. Strauss&Quinn [10] in this sense highlighted the fact that culture needs “meaning”, which has a particular importance when culture is “externalized”. According to Swidler [11] “the meaning of culture” is transmitted over time via “cultural practices”. Moreover Swidler [11] proposes to look at culture as at a “tool kit” from which we can use different elements in order to explain and understand the reality of a particular society.

According to the second debate “symbols” are of a core importance in order to understand a particular culture Strauss&Quinn [10] underlined that “meanings are stored in symbols” moreover “meanings are established prior to the individual’s learning of them”; by quoting Greetz, who emphasize that “culture ... [is] an historical transmitted pattern of meaning embodied in symbols, a system of inherited conceptions...” [Greetz, 1972 as cited in Strauss&Quinn, 10, p.16] symbols also have a great importance in people’s lives [10].

Griswold [3] underlined that “Culture provides meaning and order through the use of symbols” [3, p. 24]. In this context the role of symbols and especially of religious symbols is of a high importance thus “A number of civilizations rooted in different religious cultures interpret the world very differently. These different interpretations inevitably produce fundamental conflicts over meanings. Particularly problematic is the gap between beliefs, goals, and values” [3, p. 46]. Moreover “World religions have furnished religious and political elite with immense power and resources, be it in their capacity to mobilize armies and peoples, in their development of transcultural senses of identity and allegiance or in their provision of the entrenched theological and legal infrastructure of societies” [6, p. 333]. Inglehart and Norris [4] mentioned that Huntington was “half right” about his predictions, they underline that based on empirical data future disagreements between states will be based on “gender equality and sexual liberalization” or as they called it “sexual clash of civilization” [4].

After the French government adopted the law in 2004 regarding the religious symbols in schools, the issue of “the veil” clearly divided the French and the international community between those who approved and those who were against its adoption. The specialised literature highlights two major groups that emerged as a result of the law adoption. Those who mentioned that because France is a “secular” state it cannot accept any religious symbols in public places as schools [7] and those who stated that based on this the Muslims are not integrated but marginalized by the French society [1]. No matter which side one may take the key explanation of the huge “scandal” resides in the cultural role of the “meaning” of “the veil” for both French society and Muslim minority in France [8, 1].

According to Ajrouch [1] there are two important elements when trying to explain the attitude towards the “the veil” in France: first is the “historical relation the country of origin has to the host country (...) Muslims in France are post-colonial immigrants, comprised primarily of North African settlers (from Tunisia, Morocco, and Algeria)” [1, p. 321]. The second important element is “the critical role that gender plays in immigrant adaptation in France” [1, p. 321]. Moreover no matter which explanation one will try to look at a strong debate of the case will always crystallize around the “the veil” vs. “secularism” in France [1].

The issue of “secularism” is at the core of the French nation according to Lawday [7] the idea that “religion is separate from the church” is deeply rooted into the French history and tight with the saying “worship as you will, but keep it out of public place” so for France religion and the state are distinct [7, p. 28]. Stepan [9] also emphasis that France from the very beginning had a “hostile’ separation of church and state” but within time it changed into a “friendly” one. Moreover France has “the only constitution (...) that explicitly calls its democracy 'secular'” [9, p. 221]. Lawday [7]

underlines that “France is headstrong about keeping religion out of the public sphere” [7, p. 28]. Moreover “the veil” is considered in France as a religious symbol on the one side. On the other side “the veil” “in the West [is seen] as a sign of oppression” [1, p. 321]. Furthermore Elle as cited by Pantea [8] argues that for “Western feminism” “the veil” is “visible symbol of the submission of women” (Elle, 2004 as cited in Pantea, 8, p. 6).

Ajrouch [1] argues that for Muslim religion in general and for Muslim women in particular “the veil” is seen “as social practice” because of the fact that it is inherited in time and via “cultural practices”; therefore “The tension surrounding the practice of veiling illustrates the key place women's position and status play in immigrant adaptation” [1, p. 322]. Moreover Pantea [8] argues that “the veil” has two important sources which are very much rooted into the Muslim culture “traditionalist meaning” which is related to religion; second “patriarchal meaning” which is “a symbol of the submission of women in Arab and Islamic countries, and therefore contradicts the principle of freedom of women” [8, p. 3]. Moreover “the veil is believed to be the natural outcome of a patriarchal society in which the father and the brother have the upper hand” [8, p. 3]. According to Ajrouch [1] “The veil is one symbolic gesture by which Muslim women (...) attempt to maintain control over their lives” [1, p. 322].

Therefore applying the theoretical debate “culture as a symbol vs. culture as a social practice” and scholars explanations [1, 3, 7, 8] we can clearly see that for French government “the veil” needed to be taken out of schools, which are a public place, because “the veil” is a religious symbol on the one hand. On the other hand we have Muslims for whom “the veil” is something which is inherited. Or in other words “the veil” is a “social practice” rather than just a “symbol”. As emphasized by Axford [2] “the veil” also give them the feeling of “unity” and belong to a certain community which is different from the whole French society and the decision was treated as a threat to their unity and integrity as community based on “rituals and symbols” which are inherited over time.

As noticed by Pantea [8] no matter how we look at the created situation the most affected in this case are the Muslims schoolgirls for whom a huge dilemma is raising “Muslims girls are caught between two faces: the one coming from the French administration and the other, form the Muslim practices” [8, p. 1]. Moreover Lawday [7] emphasized that the case of Muslim girls in France is a “culture-clashing environment” because on the one hand they have to follow their traditions and do what they have been learn via “cultural practices”, on the other hand they are in a “secular state” which prohibits them to exercise their traditions and habits, because “the veil” is seen as a “symbol”.

According to Ajrouch [1] another concern of the scholars is that this issue can generate serious “closing” of Muslim community and rejection of French identification for other generations. Thus Ajrouch as

cited in Ajrouch [1] underlines that the issue of gender and “the veiling” is much more powerful especially “in second generation on Muslim immigrants” [Ajrouch, 2004 as cited in Ajrouch, 1, p. 322]. Killian as quoted by Ajrouch [1] underlines that there is a huge opinion difference between the “first and second generations of Muslims in France” while the first sees the law as “accepted”, the former see it as a threat and “sign of discrimination or Muslim identity in France” [Killian as cited in Ajrouch, 1, p. 323].

Moreover Body-Gengrot & Killian as quoted by Ajrouch [1] were among those who deal with underlining “the links between ethnic stratification, gender and identity as they relate to the veil in France” [Body-Gengrot and Killian as cited in Ajrouch, 1, p. 322]. Ajrouch [1] quotes the results of the comparative study done by Body-Gengrot & Killian that explains different attitudes in US and France in regards to the religious symbols “understandings of secularity differ between France and the US. In France, secularity means removing from the public realm any sign of religion, whereas in the US secularity allows broad latitude for the freedom to practice religion” [Body-Gengrot and Killian as cited in Ajrouch, 1, p. 322].

In a nut shell, imaginary one can think of culture as DNA of the society. Where culture the same as the DNA has the property to stocks the information over time and pass it to the other generations. Based on scholars explanations [1, 7, 8] and the theoretical debate “culture as a symbol vs. culture as a social practice” the case of France is very illustrative from the point of view how one element can have two different meanings in the same society and generate tensions. Therefore understanding culture is of a particular importance in case of emerged conflicts and can help in building a better dialogue.

Bibliography

1. Ajrouch K. J. Global context and the Veil: Muslim integration in the United States and France // *Sociology of religion*. – № 68:3. – 2007. – P. 321–325. Retrieved 15.10.2009, from EBSCOhost Database/ Academic Search Complete.
2. Axford B. *The global system. Economics, Politics and Culture*. Oxford: Polity Press, 1995. – P. 152–178.
3. Griswold W. *Cultures and societies in a changing world*. London: PINE FORGE PRESS, 2004.
4. Inglehart R. & Norris P. *The True Clash of Civilizations* // *Foreign Policy*, March-April, – 2003. – P. 62–70. From: <http://ksghome.harvard.edu/~pnorris/Acrobat/Inglehart%20Foreign%20Policy.pdf>
5. Hannerz U. *Cultural complexity. Studies in the social organization of meaning*. New York: Columbia University Press, 1992. – P. 3–36.
6. Held D. & McGrew; Goldblatt D. & Perraton J. *Global transformations: politics, economics and culture*. Standford California: Standford University Press, 1999. – Chapter 7. – P. 327–375.

7. Lawday D. Why France is tied in knots over girls who wear the scarf // Newstate-
man. – October 20. – 2003. – P. 28–29. Retrieved 15. 10. 2009, from EBSCOhost
Database/ Academic Search Complete.
8. Pantea M. C. Gender aspects of secularism in today French schools: the dilemma
of Muslim minority. In Gender and the (Post) East-West Divide. Cluj Napoca: Li-
mes Press, 2004. Retrieved on 15. 10 2009 from: [http://www.genderomania.ro/
book_gender_post/part5/Maria_Pantea.pdf](http://www.genderomania.ro/book_gender_post/part5/Maria_Pantea.pdf)
9. Stepan A. The World's Religious Systems and Democracy: Crafting the 'Twin Tol-
erations'. In Arguing Comparative Politics. Oxford: Oxford University Press,
2001. – P. 213–253.
10. Strauss C. & Quinn N. A cognitive theory of cultural meaning. Cam-
bridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 3–61.
11. Swidler A. Culture in action: symbols and strategies // American Sociological Re-
view. – № 51. April. – 1986. – P. 273–86.

ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС

**А. Н. Гребенкин, Д. А. Агаркова
Орловский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, г. Орел, Россия**

Summary. The purpose of the research is to reveal how the abilities of Russian citizens would change after the final joining of Russia to the Bologna process. The object of study is the ability of Russian citizens to realize their right to education in the conditions of joining of Russia to the Bologna process. The conclusion is that commercialization, tendency to elitism, refusal from our native educational traditions will essentially limit the right of Russian citizens to get full-value higher education and it will be the straight infringing of the active Constitution.

Key words: right to education; Bologna process; higher school; baccalaureate; magistracy; post-graduate course.

Как соотносится продиктованный присоединением к Болонской конвенции переход на двухуровневую систему высшего образования с правом граждан РФ на образование?

В Конституции РФ закреплено право всех граждан на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии [1, ч. 3 ст. 43]. Соответственно, магистратура – второй уровень высшего образования – также должна быть бесплатна при условии прохождения конкурса. На практике, однако, дело обстоит совсем не так. Многие вузы в погоне за прибылью пошли на открытое нарушение основного закона и сделали магистратуру полностью платной. Расчёт ректората прост: хочешь учиться – или плати деньги в родном городе, или поезжай добиваться бесплатного места в

другой. Первый вариант и удобнее, и даже дешевле. В списке пятидесяти вузов, сделавших магистратуру по отдельным специальностям полностью платной, фигурирует даже МГУ [2]. Остальные учреждения высшего профессионального образования выбрали завуалированную форму нарушения ч. 3 ст. 43 Конституции РФ, установив соотношение бюджетных мест на бакалавриате и в магистратуре как 3 к 1. Ставка опять же делается на то, что человек, не желающий страдать из-за своего статуса «недоучившегося специалиста», заплатит немалые деньги, чтобы стать магистром.

Между тем сложившаяся в обществе психоментальная и социокультурная ситуация работает на то, чтобы человек, желающий получить достойную работу, приобретал как можно больше «корочек». Отношение работодателей к бакалаврам остаётся по-прежнему насторожённым.

Закрывается бакалавру и дорога в науку. Возможность поступления в аспирантуру имеется лишь у специалистов и магистров [3, ч. 4 ст. 11]. Тем самым ещё раз подчёркивается неполноправность статуса бакалавра, отсутствие у него полноценного высшего образования.

Достичь статуса магистра, в целом достаточно высоко оцениваемого работодателями, российскому студенту не так уж легко. Во-первых, помехой являются уже описанные выше платность магистратуры или ограниченное число бюджетных мест. Во-вторых, наличие дополнительных вступительных испытаний на рубеже «бакалавриат-магистратура» создаёт ещё один конкурсный отбор; тем самым вторая ступень высшего образования доступна лишь при условии прохождения двойного конкурса, что не закреплено в законодательной базе и явно противоречит не только законам «Об образовании» и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», но и Конституции. В-третьих, срок обучения увеличивается как минимум до 6 лет (в начале 2000-х было 5 лет, но это достигалось за счёт 3-летнего бакалавриата, от которого быстро отказались по той причине, что он не только воспринимался как техникум, но и по своей сути являлся таковым), а это порождает целый комплекс проблем. Далёко не каждая семья сможет содержать студента-очника лишней год, значит, студент магистратуры либо выберет заочную форму обучения (и существенно снизит свой уровень квалификации), либо будет сочетать обучение в очной магистратуре с работой (либо в ущерб здоровью, либо в ущерб учёбе). Наконец, как быть с теми студентами, для которых срок обучения по программам специалитета уже составляет 5,5–6 лет (по очной форме обучения) – архитекторами, художниками, технологами? Будут ли они готовы реализовывать своё право на получение полноценного высшего профессионального образования в течение 7–8 лет?

Присоединение России к Болонскому процессу – это долгий и сложный процесс. Борьба за прозрачные границы между государ-

ствами и вузами, мобильность студентов, дипломы международного образца должна учитывать, прежде всего, интересы, надежды и чаяния российского студента и не ограничивать его закреплённое в Конституции право на получение полноценного профессионального образования.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (с учётом поправок, внесённых Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 2009. – 21 января. – № 7.
2. Магистратуру сделали платной в 50 вузах. – URL: <http://www.rutoday.com/archives/164418> (дата обращения: 23.05.2012).
3. О высшем и послевузовском образовании: Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ (в ред. от 3 декабря 2011 г. № 385-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс.

ПРАВО ПОТРЕБИТЕЛЕЙ НА ПОЛУЧЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПРИОРИТЕТНЫЙ ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЯМИ ИНЫХ ПРАВ ПРИ ОКАЗАНИИ УСЛУГ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ

Э. Ф. Шрша

Институт экономики, управления и права,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. Consumers' right to education as the priority legal instrument of implementation by consumers of other rights at rendering of services of public catering. There are the basic terms and formulations in article which define the right to consumer education.

Key words: consumers' right; education; instrument of implementation.

На современном этапе развития предпринимательства, в том числе в виде оказания услуг общественного питания населению, что относится к социально-экономической сфере жизни общества, заслуживают внимания вопросы реализации и защиты потребителем прав и получения им соответствующего образования.

Впервые необходимость создания системы государственного регулирования взаимоотношений с участием потребителей была официально признана президентом США Д. Кеннеди. В своём выступлении от 15 марта 1961 года он впервые сформулировал 4 основных права потребителей: право на безопасность, право на информацию, право быть услышанным и право на здоровую окружающую среду [1]. Очевидно, что права потребителя на информацию и право быть услышанным выделены наряду с иными в качестве ос-

новополагающих прав потребителей, и, как мы полагаем, являются предпосылкой права на получение образования. Представляется обоснованным говорить о том, что социально-экономические предпосылки права на получение образования уже имели место и были закреплены многолетним опытом рыночных отношений и обычаев делового оборота.

Согласно позиции некоторых учёных для грамотной реализации права на потребительское образование недостаточно предоставить потребителю права и законодательно закрепить ответственность за их нарушения. Нужно, в первую очередь, дать возможность потребителю умело распоряжаться своими правами. Умелое распоряжение своими правами придёт только с полным осознанием необходимости получения знаний в этой области.

Вопросы определения различных прав потребителей нашли развитие в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 9 апреля 1985 г. № 39/248 «Руководящие принципы для защиты интересов потребителей», в которой закреплены 8 основополагающих прав потребителя. В Резолюции отмечено новое определение «право на потребительское образование» [2].

Практически все права, перечисленные в Резолюции, нашли отражение в российском законодательстве о защите прав потребителей. Так, например, исследуемое нами право потребителей на образование отмечено во вводной части Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года «О защите прав потребителей» в качестве предмета законодательного регулирования и сформулировано в законе как «право потребителей на просвещение» [3]. В статье 3 названного закона законодателем закреплены правовые основы и средства, при помощи которых на территории России реализуется «право потребителей на просвещение».

Анализ трудов современных учёных, исследовавших вопросы, посвящённые праву потребителей на получение образования, показал, что большинство учёных выделяют термины «право потребительского образования» и «потребительское образование». Мы предлагаем уточнить данные формулировки и выделять «право потребителя на образование» и «система образования потребителя» соответственно. Определение «Право потребителя на образование» нам представляется семантически более корректным, точно описывающим содержание подразумеваемого права. Также мы полагаем, что уместно говорить о системе образования потребителя, поскольку подразумеваемый процесс получения образования потребителем оброс совокупностью признаков, позволяющих его структурировать в систему с разделением как по целям и задачам, так и по функциям.

Значимость права потребителей на получение образования важна и для реализации потребителями иных прав, особенно в сфере услуг общественного питания. Положения п. 31 Резолюции Гене-

ральной Ассамблеи ООН от 9 апреля 1985 г. №39/248 «Руководящие принципы для защиты интересов потребителей» определяют, что правительствам следует разрабатывать или поощрять разработку общих программ просвещения и информирования потребителей с учётом культурных традиций населения. Целью подобных программ должно быть обеспечение возможности для населения действовать в качестве разборчивых потребителей, способных делать компетентный выбор товаров и услуг и знающих свои права и обязанности. При разработке таких программ особое внимание должно уделяться нуждам потребителей, находящихся в неблагоприятных условиях. К таковым относятся проживающие в сельской местности, в провинциальных городах, а также потребители с низким уровнем дохода, малограмотные и неграмотные [4]. В соответствии с п. 32 Резолюции просвещение потребителей должно стать, где это возможно, неотъемлемой частью обучения в системе образования. Из аспектов, перечисленных в указанном положении Резолюции [5], следует, что в состав образовательных программ просвещения и информирования потребителей в сфере оказания услуг общественного питания должны включаться многие важные вопросы. Например, такие, как здоровье, питание, предупреждение заболеваний, вызываемых пищевыми продуктами. Это необходимо для защиты интересов последних. Потребитель должен быть осведомлён об опасностях, связанных с товарами. Должен уметь отличать фальсифицированные продукты питания, разбираться в маркировке товаров, знать соответствующее законодательство о механизме компенсации и учреждениях и организациях по защите интересов потребителей; информацию о единицах мер и весов, ценах, качестве, наличии товаров первой необходимости и, при необходимости, о загрязнении и окружающей среде.

Для реализации права потребителей на получение образования необходима система государственных мероприятий. Так, представленные в статье 3 закона «О защите прав потребителей» средства реализации права на просвещение успешно могут функционировать в рамках государственной системы образования. Потребители должны будут получать знания, умения и навыки, необходимые для реализации своих прав.

В настоящее время из-за большей востребованности предприятий общественного питания как элемента социальной инфраструктуры, усложнился порядок проведения проверок. Сказывается действие Федерального закона от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». А связано это с тем, что в условиях отмены системы сертификации продукции возрастает риск нарушения недобросовестными предпринимателями, оказывающими услуги

общественного питания населению, прав потребителей. Нарушения в сфере общественного питания населения представляют прямую опасность для здоровья потребителей в силу специфики этого вида предпринимательской деятельности. Сюда относятся пищевые отравления, использование некачественных и контрафактных продуктов питания, и др. Достаточно широкое распространение имеют иные нарушения прав потребителей. Наиболее ярким примером тому могут служить «фэйсконтроль» и «дрессконтроль». В связи с этим вопросы реализации права потребителей на получение образования для защиты иных прав и законных интересов во взаимоотношениях потребителя и предпринимателя в сфере общественного питания приобретают особую значимость и актуальность.

Таким образом, достижению целей обеспечения соблюдения прав потребителей, эффективной их реализации и защиты будет активно служить право потребителей на получение образования и система образования потребителей.

Библиографический список

1. www.dic.academic.ru
2. Руководящие принципы для защиты интересов потребителей. (Приняты 09.04.1985 Резолюцией 39/248 на 106-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=16082>
3. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 18.07.2011) "О защите прав потребителей" (с изм. и доп., вступающими в силу с 29.09.2011). // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=115639>
4. Положения пункта 31 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 9 апреля 1985 г. № 39/248 «Руководящие принципы для защиты интересов потребителей». // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=16082>
5. Положения пункта 32 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 9 апреля 1985 г. № 39/248 «Руководящие принципы для защиты интересов потребителей». // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=16082>
6. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 года «О защите прав потребителей» № 2300-1 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/popular/consumerism/37_1.html
7. Комментарий к Закону «О защите прав потребителей» (постатейный) / под общей ред. М. Ю. Чельшева. – М. : Юрайт-М., 2003. – 255 с.
8. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 9 апреля 1985 г. № 39/248 «Руководящие принципы для защиты интересов потребителей» // Советская юстиция. – 1992. – № 9–10. – С. 39.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ КАК УЧАСТНИКИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)

А. В. Адер

Филиал Московского технологического института «ВТУ»,
г. Оренбург, Россия

Summary. By the end of the XVIII century, finally took shape class of the state peasants. At the same time the development of extensive and free of arable lands become engaged in the state peasants. State peasants acted as the basic participants of the land relations of that period.

Key words: state peasants; land-use; land tenure; land survey; state taxes; cultivated land; land lease; land purchase.

Первыми к освоению земель в Оренбургской губернии приступили крупные промышленники, получившие льготы по государственным налогам. В это же время освоением обширных и свободных пахотных земель стали заниматься государственные крестьяне из центральных районов. В результате заселения края, большой активности и хозяйственной самостоятельности государственных крестьян-переселенцев, наблюдается развитие Оренбургского края в социально-экономическом направлении, происходит толчок для интенсивного развития производительных сил в крае.

Государственные крестьяне составляли основной состав населения Урала в целом и Оренбургской губернии в частности.

Большинство русских крестьян, бежавших в Зауралье, было зачислено в разряд государственных крестьян с платежом подушной подати наравне с крепостными крестьянами (70 коп. с души) и 40 коп. оброчных денег.

В счёт оброка государственные крестьяне Исецкой провинции Оренбургской губернии пахали десятинную пашню (каждый двор по десятине ржи и десятине овса). С 1743 года эта повинность была заменена хлебным оброком (3 четверти 6 четвериков ржи и такое же количество овса с каждого двора). Хлеб, развёрстаный самим крестьянином по тяглам, в зависимости от имущественного положения каждого хозяйства, крестьяне должны были доставлять в казённые хлебные магазины.

Историк Ю. М. Тарасов указывает, что все государственные крестьяне в начале XIX века были обеспечены достаточным количеством земли. При официальной норме 15 дес. многие имели по 20–25 дес. на душу [2].

На практике наделы были зачастую более мелкими. Дело в том, что до 1836 г. нарезка производилась в Оренбургской губернии, как правило, на число душ, учтённых во время пятой ревизии, т. е. в 1795 г., естественно, численность населения за эти годы увеличи-

лась, а официально установленные нормы в 15 дес. продолжали сокращаться. Но, проводя земельную политику, направленную на ограничение надельного землевладения в казённой деревне, государство не было заинтересовано в окончательном разорении крестьян. Поэтому, в тех сельских обществах, где на наличную душу оставалось менее 5 дес. или где земля была малопригодной для хозяйственного использования, крестьянам, по их просьбе, делали прирезки. Например, в Чумлякской и Карачельской волостях Оренбургской губернии, где Генеральное межевание проводилось в 1801–1805 гг., прирезка делалась в более поздний период [1].

Правило о максимальном размере надела в 15 дес. на ревизскую душу не распространялось на покупные земли, т. к. покупка земли государственными крестьянами в конце XVIII–начале XIX вв. была незначительной. А также в процессе размежевания проводилась тщательная проверка купчих крепостей, в результате чего выявлялись недействительные сделки по приобретению земли и, как следствие этого, значительная часть купленных крестьянами земель отошла в государственную казну. Такие земли создавали фонд свободной казённой земли. Фонд использовался для продажи и раздачи в аренду помещикам и заводчикам, землями этого фонда наделялись переселенцы, а также земля фонда сдавалась в оброчное содержание тем же государственным крестьянам. При этом оброчные статьи приобретались целыми селениями, группами и индивидуально. При коллективной аренде в пользование, как правило, предоставлялись выпасы, водопои, леса, которыми пользовались крестьяне на праве общей собственности. Пашня обычно обрабатывалась также сообща, но полученный урожай делился в соответствии с внесённым паем. И зависел прямо пропорционально от паевого взноса. Сенокосами пользовались индивидуально.

Генеральное и проводившееся в его рамках особое и специальное межевание государственных земель явились практическим воплощением политики феодального государства, которая была направлена на сокращение надельного землевладения государственных крестьян с целью создания особого казенного фонда земель. Этот фонд использовался в дальнейшем в интересах дворянского сословия. В результате этих мероприятий в государственной деревне России в целом и Южного Урала в частности только к середине XIX века было ликвидировано захватное землепользование, значительно сократились размеры душевых наделов, усилилась неравномерность в земельной обеспеченности, ухудшилось качество угодий.

Библиографический список

1. Смирнов С. С. К вопросу о земельной обеспеченности государственных крестьян Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (по материалам Ге-

- нерального Межевания) // Крестьянство Урала в эпоху феодализма. – Челябинск : Академия Наук СССР. Уральское отделение, 1988. – С. 89.
2. Тарасов Ю. М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVII–первая половина XIX в. – М. : Наука, 1984. – С. 64.

IV. ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПРАВА

Р. Р. Хамидуллина, Д. З. Хамзина
Башкирский государственный аграрный университет,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

Summary. This paper examines cases of violation of human rights, stressed the relevance of legal regulation mechanism of the rights and legitimate interests. Expressed the idea of the need to increase legal awareness and protection of the population, the use of methods of self-defense of violated rights.

Key words: human rights; human rights; telecast; the Constitution; the rule of law; protection of human.

Права человека – это охраняемая, обеспечиваемая государством, узаконенная возможность что-то делать, осуществлять. Право человека – это то, что соответствует природе человека и что разрешено законами. Свобода человека (в том виде, в котором употребляется в документах о правах человека) – это отсутствие каких-либо ограничений, стеснений в чем-то (деятельности, поведения). Свобода нужна, потребна, но не всегда допускается, как мы знаем, властью, государством, законом [1].

Законы, порождённые государством, перевели права человека из нравственного в юридическое понятие. Права человека (на жизнь, безопасность, землю, труд и др.) либо ставились под охрану закона, либо игнорировались государством. Однако бывало так, что права фиксировались в писаных законах, но на деле не осуществлялись [1].

В современном мире положение людей меняется к лучшему. В Конституции России, принятой в 1993 году, 2-я глава полностью посвящается правам человека [2].

Несомненна также зависимость реализации прав человека от уровня экономического развития страны. Право на жилище не может быть полностью реализовано до тех пор, пока не построят достаточно много добротного жилья. То же можно сказать и о праве на труд, отдых, социальное обеспечение и т. д.

Нарушения прав человека наблюдается повсеместно. В управлении по учёту и распределению жилья при администрации не выделяется жильё нуждающемуся инвалиду. Отказывают ему по разным причинам. Или в медицинских учреждениях не оказывают медицинскую помощь остро нуждающемуся больному, потому что у

него нет денег. Также можно взять ситуации на дорогах России, где часто попираются права водителей сотрудниками ГИБДД.

В одной из телепередач «Частный детектив» телеведущим Эдуардом Петровым был прокомментирован случай нарушения прав человека чёрными риелторами из города Балакова Саратовской области. Андрей Кошелев, ранее судимый, устроился в детский сад завхозом. Он со своим подельником, бывшим боксёром Антоном Сулимовым и руководителем агентства недвижимости «Усадьба» Галиной Наумовой организовал преступную группу по продаже квартир. Наумова снабжала мужчин информацией об одиноких людях, также о тех, у кого были задолженности за коммунальные услуги. Кошелев и Сулимов обманным путём выманивали людей из дома, насильно сажали в машину, увозили в другое место, где в подвальном помещении путём запугивания и жестокого избиения добивались подписания нужных документов для продажи квартир. После этого окровавленного человека сажали в машину и вывозили в лес и убивали выстрелом в затылок. Одной из них оказалась сотрудница ОВД, инспектор по делам несовершеннолетних Лариса Еремина, проживавшая одна в однокомнатной квартире.

На след преступной группы попали случайно. На дороге инспектора ГИБДД остановили машину убийц для проверки документов. Лежавший на заднем сиденье окровавленный Сергей Ромашов – очередная жертва чёрных риелторов – смог крикнуть, что его везут убивать. Данная преступная группа 3–4 года безнаказанно совершала преступные деяния против людей, отбирая их жилища и лишая их жизни. Суд приговорил их к лишению свободы к различным срокам, в соответствии с виной.

В последние годы в телепередачах «Человек и закон», «Специальный корреспондент», «Хватит молчать», «ЖКХ» и других часто освещают вопросы нарушения прав человека. В телепередаче

«Битва экстрасенсов» обратился за помощью инвалид детства, гражданин России Александр Рахимов. Его обвинили в убийстве человека, и он отбыл наказание в тюрьме 4,5 года. Следователи, не смотря на то, что у него было алиби на момент совершения преступления, (он был на приёме у стоматолога), недобросовестно исполняя свои служебные обязанности и превышая должностные полномочия, собрали материалы уголовного дела с обвинительным уклоном в отношении него и направили в суд. Судьи не учли показания врача-стоматолога, необъективно наказали человека, обвинив его в убийстве и незаконно лишив свободы. Данному гражданину очень важно доказать перед людьми свою невиновность, отстоять свою честь. Он обращался во многие инстанции, но везде ему отказывали. Как к последней надежде, он и обратился за помощью к экстрасенсам. Посмотрев передачу по телевидению, миллионы людей узнали о его невиновности.

В связи с гласностью и демократией в обществе у людей появилась возможность отстаивать свои права, однако не все знают в полной мере о них. Но при необходимости защиты своих прав люди могут обращаться за помощью к юристам, адвокатам и в суд. Отрадно, что в последнее время в средствах массовой информации часто освещаются вопросы по защите прав человека в различных областях.

Соблюдение и уважение прав граждан – это главная обязанность правового государства, а также одно из основных условий гармоничного развития человека в обществе.

Библиографический список

1. Никитин А. Ф., Суворова Н. Г. Правовая культура и обеспечение прав личности. – М. : Наука, 1988. – 142 с.
2. Конституция РФ от 12.12.1993 г.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ МАТЕРИНСТВА, ДЕТСТВА, СЕМЬИ

В. В. Попова, О. Н. Яковлева
Коми республиканская академия
государственной службы и управления,
г. Сыктывкар, Республика Коми, Россия

Summary. The article is devoted to one of the problems concerning the protection of a child's rights in the realization of maternity (family) capital and also to the regional aspects of large families' support measures.

Key words: maternity protection; childhood and family; social support; large families; maternity (family) capital.

Провозглашённая Конституцией РФ защита материнства, детства, семьи носит комплексный социально-экономический характер и осуществляется путём принятия различных государственных мер по поощрению материнства, охране интересов матери и ребёнка, укреплению семьи, её социальной поддержке. В 2006 г. был принят ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Законом был установлен материнский (семейный) капитал, являющийся дополнительной формой поддержки семей, имеющих детей.

Сумма материнского (семейного) капитала в 2012 г. составляет 387640, 3 руб. Лица, получившие сертификат, могут распоряжаться средствами материнского (семейного) капитала в полном объёме или по частям по нескольким направлениям. Одним из них является улучшение жилищных условий. В соответствии с ч. 4 ст. 10 ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имею-

щих детей», жилое помещение, приобретённое (построенное, реконструированное) с использованием средств (части средств) материнского (семейного) капитала, оформляется в общую собственность родителей, детей. В том числе первого, второго, третьего ребёнка и последующих детей с определением размера долей по соглашению [1]. К сожалению, в данном Законе не определена функция осуществления контроля оформления жилого помещения с определением размера долей по соглашению. На стадии оформления необходимых документов в территориальных органах Пенсионного фонда Российской Федерации для получения средств материнского (семейного) капитала граждане предоставляют письменное обязательство о том, что приобретённое (построенное, реконструированное) за счёт средств материнского (семейного) капитала жилое помещение будет оформлено в общую собственность родителей и детей с определением размера долей по соглашению. Это обязательство предоставляется наряду с другими документами, предусмотренными Законом. На практике достаточно часто стали возникать случаи, когда граждане не регистрируют жильё в общую долевую собственность родителей и детей, чем нарушают жилищные права несовершеннолетних.

В целях решения данной проблемы считаем необходимым дополнить ФЗ от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» статьей 10. 1 следующего содержания:

«1. В целях обеспечения эффективного расходования средств федерального бюджета, направляемых на получение дополнительной государственной поддержки семей, имеющих детей, в части средств, направляемых на улучшение жилищных условий, осуществляется контроль за оформлением в общую долевую собственность родителей, детей (в том числе первого, второго, третьего и последующих детей) с определением размера доли по соглашению, помещения, приобретённого (построенного, реконструированного) с использованием средств (части средств) материнского капитала. Орган, осуществляющий ведение контроля, порядок ведения контроля определяются Правительством Российской Федерации.

2. Лица, распорядившиеся средствами материнского (семейного) капитала по направлению улучшения жилищных условий, предоставляют в уполномоченный орган, осуществляющий контроль за использованием средств (части средств) материнского (семейного) капитала, копию документа, подтверждающего право собственности на приобретённое (построенное, реконструированное) жилое помещение в течение двух месяцев со дня регистрации права в установленном законом порядке».

Указом Президента Российской Федерации от 5 мая 1992 года № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» во-

просы установления статуса многодетной семьи и предоставления им мер дополнительной социальной поддержки отнесены к компетенции органов государственной власти субъекта РФ. Данным указом также предусмотрен конкретный перечень мер социальной поддержки, который субъект РФ обязан предоставлять таким семьям, что практически невозможно без финансовой поддержки из федерального бюджета. В условиях сложной демографической ситуации в стране целесообразно предусмотреть льготы многодетным семьям на федеральном уровне за счёт средств федерального бюджета. В Республике Коми меры социальной поддержки многодетным семьям установлены ст. 19 Закона РК от 12 ноября 2004 года № 55-РЗ «О социальной поддержке населения в Республике Коми» [2].

Многодетным семьям, имеющим и воспитывающим трёх и более несовершеннолетних детей, предоставляются следующие меры социальной поддержки:

1) оплата в размере 30 процентов за жилое помещение в пределах установленной социальной нормы площади жилого помещения;

2) оплата в размере 30 процентов коммунальных услуг в пределах установленных нормативов потребления указанных услуг, за исключением отопления (теплоснабжения), предоставляемого в пределах установленных нормативов потребления и установленной социальной нормы площади жилого помещения; многодетным семьям, проживающим в домах, не имеющих центрального отопления, – твёрдого топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению, и транспортных услуг для доставки этого твёрдого топлива или компенсация в размере 50 процентов стоимости твёрдого топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению, и транспортных услуг для доставки этого твёрдого топлива;

3) первоочередной приём детей в дошкольные образовательные учреждения;

4) пособие на оплату проезда детей, являющихся учащимися общеобразовательных учреждений, в пассажирском транспорте в расчёте на каждого;

5) первоочередное получение садово-огородных участков.

Некоторые меры социальной поддержки (пункты 1–3), предоставляемые многодетным семьям, распространяются на приёмные семьи, воспитывающие трёх и более детей (как приёмных, так и родных). Распространение некоторых мер социальной поддержки на приёмные семьи, воспитывающие трёх и более детей (как приёмных, так и родных) дискриминирует, на наш взгляд, положение «опекунских» семей, имеющих и воспитывающих трёх и более детей (как опекаемых, так и родных). Формы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, установленные СК РФ, не

должны влиять на предоставление мер социальной поддержки многодетным семьям.

Также указанный нормативный правовой акт распространяет отдельные меры социальной поддержки, на лиц, состоящих в браке, воспитывающих совместно проживающих с ними трёх и более несовершеннолетних детей, включая как рождённых в данном браке (не более двух детей), так и в предыдущих браках родителей (родителя), а также детей родителей (родителя), ранее не состоявших (не состоявшего) в браке.

Данная правовая позиция ущемляет права многодетных семей, в которых родители состоят в браке и воспитывают совместно проживающих с ними трёх и более несовершеннолетних детей, рождённых в предыдущих браках, а также детей родителей (родителя), ранее не состоявших (не состоявшего) в браке.

Всё это позволяет высказать предложение о внесении изменений в Закон РК «О социальной поддержке населения в Республике Коми». Предлагаем части 2, 3 ст. 19 данного Закона изложить в следующей редакции:

«2. Меры социальной поддержки, предоставляемые многодетным семьям, имеющим и воспитывающим трёх и более несовершеннолетних детей, установленные пунктами 1–3 части первой настоящей статьи, распространяются на приёмные семьи, воспитывающие трёх и более детей (как приёмных, так и родных) и семьи, в которых дети находятся под опекой, воспитывающих трёх и более детей (как опекаемых, так и родных)».

«3. Меры социальной поддержки, установленные пунктами 1–3 части первой настоящей статьи для многодетных семей, распространяются на лиц, состоящих в браке, воспитывающих совместно проживающих с ними трёх и более несовершеннолетних детей, рождённых в предыдущих браках родителей (родителя), а также детей родителей (родителя), ранее не состоявших (не состоявшего) в браке».

Библиографический список

1. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2007. – № 1 (ч. 1). – Ст. 19.
2. О социальной поддержке населения в Республике Коми: закон Республики Коми от 12.11.2004 № 55-РЗ // Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. – 2005. – № 3. – Ст. 3765.

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА БЕСПЛАТНУЮ МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ, ГАРАНТИРОВАННУЮ КОНСТИТУЦИЕЙ РФ

Г. М. Хамитова

Казанский государственный медицинский университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. The Constitution of the Russian Federation guarantees medical care to be free of charge for a citizen in state and municipal medical institutions, without collection of a payment from the patient for the medical services rendered to him. And with it, there are a number of problems the citizens of the Russian Federation face when resort to medical care.

Key words: constitution; medical care; patient.

Частью 1 статьи 41 Конституции РФ закрепляется право каждого человека на охрану здоровья и медицинскую помощь. При этом специально оговаривается, что медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счёт средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений.

Таким образом, Конституция РФ гарантирует, что в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения медицинская помощь оказывается бесплатно, без взимания платы с пациента за оказанные ему услуги медицинского характера [1]. В развитие положений, закреплённых Конституцией РФ, Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» также закрепляет право граждан на бесплатную медицинскую помощь в соответствии с программой государственных гарантий (ст. 10 Основ) [3].

В соответствии с требованием законодательства Правительством Российской Федерации ежегодно утверждается Программа государственных гарантий оказания гражданам РФ бесплатной медицинской помощи. Указанная программа содержит перечень видов заболеваний, при которых гарантированно оказывается бесплатная медицинская помощь [2]. Этот перечень заболеваний составлен на основе "Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем. Десятый пересмотр. – Женева, 2005" (МКБ-10) и содержит все виды заболеваний, известные современной медицине, по которым гражданам должна оказываться бесплатная медицинская помощь. Программа государственных гарантий оказания гражданам РФ бесплатной медицинской помощи определяет виды, нормативы объёма медицинской помощи, нормативы финансовых затрат на единицу объёма медицинской помощи, подушевые нормативы финансирования и порядок формирования тарифов на медицинскую помощь.

Таким образом, в Российской Федерации закреплено право граждан на бесплатную медицинскую помощь и создан механизм реализации данного права.

Вместе с тем основная проблема, с которой сталкиваются граждане РФ при обращении за медицинской помощью в государственные и муниципальные учреждения здравоохранения – невозможность её получения в необходимом объёме бесплатно.

Одной из причин можно назвать несбалансированность государственных гарантий с имеющимися финансовыми ресурсами. Сбалансированность государственных гарантий с имеющимися финансовыми ресурсами должна быть достигнута, во-первых, путём улучшения финансирования здравоохранения – как за счёт увеличения финансовых поступлений, так и за счёт повышения эффективности существующих механизмов финансирования здравоохранения. В числе прочего за счёт модернизации системы обязательного медицинского страхования. Во-вторых, путём конкретизации государственных гарантий медицинской помощи (по видам, объёмам, порядку и условиям оказания медицинской помощи, которая гарантируется всем гражданам РФ на бесплатной основе) [4].

Сейчас в федеральном законодательстве жёстко разграничены полномочия. Ответственность за социальную политику и финансирование здравоохранения в регионах возложена на органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Федеральный центр надеется заставить регионы самостоятельно решать проблемы социальной поддержки населения и охраны здоровья, изыскивая возможности финансового обеспечения. Однако здесь, по мнению специалистов [5], важно добиться равенства конституционных прав граждан на всей территории Российской Федерации, что достигается балансом принципов федерализма и регионального самоуправления. Устранение федерального центра от выполнения большинства социальных функций на местах не означает отмены государственных социальных гарантий. Но снижение "ответственности государства за социальные процессы, происходящие в нём, является ударом по авторитету государства в целом, потому что подрывает веру в социальную направленность государственной политики" [6].

В то же время остаётся нерешённой в полном объёме проблема доступности бесплатной медицинской помощи для большинства граждан, в том числе проживающих в сельских местностях отдельных субъектов Российской Федерации.

Ещё одной из причин декларативности конституционного права граждан на бесплатную медицинскую помощь является перерождения государственных и муниципальных учреждений здравоохранения на работу по оказанию платных медицинских услуг [7].

Полагаем, что действующее законодательство в части реализации конституционных прав граждан Российской Федерации на бес-

платную медицинскую помощь нуждается в совершенствовании по ряду направлений:

1. Определённый объём оказываемой бесплатной медицинской помощи должен обеспечивать не только лечение, но и профилактику, реабилитацию и адаптацию гражданина к нынешним условиям жизни;

2. Следует установить виды, формы, основания ответственности для лиц, отказывающихся или оказывающих несоответствующую ситуации бесплатную медицинскую помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения;

3. Необходимы подготовленные законодательные акты, регламентирующие порядок оказания видов бесплатной медицинской помощи, публичного контроля оказания медицинской помощи, публичного контроля за расходованием бюджетных средств на оказание бесплатной медицинской помощи.

Кроме того, ориентирующая функция конституционных ценностей предполагает более широкое использование стимулирующих конституционных гарантий, развивающих инициативу субъектов правовых отношений, усиливающих мотивацию к укреплению и сохранению здоровья [8]. Предлагается на законодательном уровне закрепить систему мер, направленных на увеличение средств, инвестируемых населением, работодателями в улучшение состояния здоровья посредством использования гибкой системы финансовых, страховых стимулов и механизма добровольного медицинского страхования.

В целях обеспечения баланса ценностей индивидуального и общественного здоровья необходимо использование стимулирующих правовых средств, направленных на повышение взаимной ответственности личности, работодателей, общественных и государственных институтов по вопросам охраны здоровья. Необходимо выработать механизмы, которые стимулируют эффективность реализации программ государственных гарантий органами государственной власти субъекта Российской Федерации, определить страховые и налоговые стимулы для работодателей к укреплению здоровья работников, поощрения личной ответственности гражданина за укрепление и сохранение здоровья [9].

Рассмотрев данную тему, мы должны отметить, что в сфере правового регулирования здравоохранения центральная фигура – всегда пациент, являющийся не просителем, а носителем безусловного права. И ущемление пациента в праве на бесплатную медицинскую помощь является нарушением действующего законодательства на самом фундаментальном конституционном уровне. Следует учитывать, что граждане сегодня требуют от российского здравоохранения высоких "европейских" стандартов, повышения качества медицинской помощи, основанной на последних достижениях науки.

Библиографический список

1. Каргалова М. В. Социальное государство – неотъемлемая часть современной цивилизации // Социальное государство: концепция и сущность. ДИЕ РАН. – № 138. – М. : ИЕ РАН, ОГНИ, 2004. – С. 17.
2. Страшун Б. А. Десять лет конституционных прав и свобод // Журнал российского права. – 2003. – № 11. – С. 6.
3. См. : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 139-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»" // СЗ Российской Федерации. – 2011. – № 49. – Ст. 4740.
4. Пищита А. Н. Правовой статус российского пациента // Журнал российского права. – 2005. – № 11. – С. 52.
5. Карпенко С. В., Короткова И. Е., Тишина А. В., Ивашева В. В. Пути обеспечения сбалансированности государственных обязательств в сфере бесплатного здравоохранения // Главный врач. – 2003. – № 5. – С. 12.
6. Государственный Доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 2004 году. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2005. – Раздел 9. Оценка и прогноз состояния здоровья населения и основные направления развития здравоохранения. – С. 89.
7. Найговзина Н. Б., Ковалевский М. А. Система здравоохранения в Российской Федерации: организационно-правовые аспекты. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ГЭОТАР-МЕД, 2004. – С. 75.
8. Путило Н. В. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан. – М. : Юридический Дом "Юстицинформ", 2003. – С. 64.
9. Николаев Г. А. Социальное государство в России: декларация или норма закона. Социальное государство: концепция и сущность. ДИЕ РАН. – № 138. – М. : ИЕ РАН, ОГНИ, 2004. – С. 52.
10. СЗ Российской Федерации. – 2004. – № 35. – Ст. 3607.

К ВОПРОСУ ОБ УСИЛЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

Р. А. Пестов, Е. С. Смирнова

Технологический институт Южного федерального
университета, г. Таганрог, Ростовская область, Россия
Ростовский юридический институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. In the article the problems significant for the modern Russian reality connected with the strengthening of legal liability for driving in the condition of alcohol intoxication are under the discussion. Special attention is paid to the question of introducing the new article to the Criminal Code of Russian Federation as a measure effect of counteraction to the law-breaking.

Key words: safety of traffic and driving in the condition of alcohol intoxication; toughening of administrative responsibility.

Проблема управления транспортным средством (далее – ТС) в состоянии опьянения не раз обращала на себя внимание учёных [2, с. 152; 3, с. 72; 5, с. 23; 7, с. 11], так как данный вид правонарушений способствует другим нарушениям, возникновению аварийных ситуаций и наступлению тяжких последствий.

В соответствии с пунктом 6 статьи 8 Венской конвенции ООН («Конвенции о дорожном движении») от 8 ноября 1968 года в национальном законодательстве должен быть предусмотрен допустимый законом уровень содержания алкоголя в крови, а в соответствующих случаях – в выдыхаемом воздухе.

Однако поправки в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, внесённые Федеральным законом от 23.07.2010 года № 169-ФЗ "О внесении изменения в статью 19 Федерального закона "О безопасности дорожного движения" и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации", упразднили примечание к статье 27.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Отменили минимальный уровень содержания алкоголя в крови и выдохе водителей. Под состоянием опьянения прежде понимали наличие абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на один литр крови или 0,15 и более миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха. Так же рассматривалось наличие наркотических средств или психотропных веществ в организме человека, а равно совокупность нарушений его

физических или психических функций вследствие употребления вызывающих опьянение веществ.

Вместе с тем необходимо обратиться к статистическим данным, чтобы оценить эффективность данной меры.

По статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2009 году, за управление ТС водителем, находящимся в состоянии опьянения, передачу управления ТС лицу, находящемуся в состоянии опьянения, было рассмотрено 709183 дел. Из них 540131 физических лиц подверглись административному наказанию в виде: 2 – письменному предупреждению, 8675 – административному штрафу, 124313 – административному аресту, 416607 – лишению специального права.

В 2010 году за управление ТС водителем, находящимся в состоянии опьянения, передачу управления ТС лицу, находящемуся в состоянии опьянения, было рассмотрено 627664 дел. Из них 595846 физических лиц подверглись административному наказанию в виде: 2 – письменному предупреждению, 8228 – административному штрафу, 130372 – административному аресту, 456797 – лишению специального права.

В 2011 году за управление ТС водителем, находящимся в состоянии опьянения, передачу управления ТС лицу, находящемуся в состоянии опьянения было рассмотрено 633378 дел. Из них 549150 физических лиц подверглись административному наказанию в виде: 4 – письменному предупреждению, 8131 – административному штрафу, 123341 – административному аресту, 408655 – лишению специального права.

Как видно из приведённых выше статистических данных, указанные поправки не привели к желаемому результату, то есть действующая система правых запретов сегодня не решает задачу эффективного воспрепятствования управлению ТС водителем, находящимся в состоянии опьянения, передаче управления ТС лицу, находящемуся в состоянии опьянения.

Мы полагаем, что степень общественной вредности нарушения Правил дорожного движения существенно повышается, если в течение года нарушитель дважды привлекался за управление транспортным средством в состоянии опьянения. Это фактически говорит об общественной опасности данного деяния, то есть общая превенция не достигнута.

Какой же выход, из, казалось бы, тупиковой ситуации? Нам представляется правильной позиция А. С. Бабанова [1, с. 75], высказанная ещё в 2002 году, в рамках которой автором указывалось на необходимость установления уголовной ответственности за сам факт управления транспортными средствами в состоянии опьянения.

И хотя выдвигаются мнения [6] о введении административного наказания в виде пожизненного лишения прав за неоднократное нарушение правил дорожного движения, по нашему убеждению, данное ужесточение норм не даст необходимых результатов.

Если мы обратимся к прошлому, то увидим, что статьёй 211¹ УК РСФСР предусматривалась уголовная ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, совершённое повторно в течение года. Указанная статья была признана утратившей силу в 1992 году и не была включена в Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года.

Однако, как показывает практика, декриминализация указанного деяния привела к значительному росту случаев управления транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения, что, в свою очередь, повлекло рост количества дорожно-транспортных происшествий, в том числе и со смертельным исходом.

Исходя из вышесказанного, мы предлагаем внести изменения в КоАП РФ и УК РФ. Так, диспозиция части 1 ст. 12.8 КоАП РФ должна быть представлена в следующем ключе: за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения совершённым **впервые** останется административная ответственность в виде лишения права управления транспортными средствами на срок три года. В соответствии с ч. 2 ст. 3.8 КоАП РФ срок лишения специального права не может быть более трёх лет.

При этом также необходимо ввести в Уголовный кодекс РФ статью 264¹ «Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения». Диспозиция её будет излагаться следующим образом: «Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения или передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения, совершённое **повторно** в течение года, наказывается штрафом в размере до семидесяти тысяч рублей, или в размере заработной платы. Или в размере иного дохода осуждённого за период до трёх месяцев, или лишением свободы от двух месяцев до одного года».

Анализ действующего законодательства некоторых евразийских государств показывает, что полностью искоренить управление транспортным средством в состоянии опьянения не удаётся ни одному государству, но снизить порог вполне возможно.

В этом случае усиление юридической ответственности будет являться эффективной как предупредительно-воспитательной, так и репрессивно-карательной функцией юридической ответственности.

Библиографический список

1. Бабанов А. С. Уголовная ответственность за преступления, совершённые в состоянии опьянения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. – Саратов, 2002.
2. Бабанов А. С. Уголовно-правовая оценка управления автотранспортом в состоянии опьянения // Правовая политика и правовая жизнь. – 2005. – № 4.
3. Гринберг М. С. Состояние опьянения и субъективная сторона автотранспортных преступлений // Совершенствование правовых мер борьбы с преступностью : межвузовский тематический сб. – Владивосток, 1986.
4. Европейское соглашение, дополняющее Конвенцию о дорожном движении, открытую для подписания в Вене 8 ноября 1968 года. (Заключено в г. Женеве 01.05.1971) // Бюллетень международных договоров. – 2008. – № 1. – С. 3–23.
5. Иванова О. А. Ответственность водителя за управление транспортным средством в состоянии наркотического опьянения: теория и практика // Актуальные проблемы юридической науки и практики. Тезисы докладов научной конференции. – Ч. 2. – Пермь, 2004.
6. Интервью первого зампреда конституционного комитета Думы РФ Александра Москальца. URL: <http://www.prav-net.ru/gosduma-namerena-vvesti-rozhiznennoe-lishenie-voditelskix-prav/> (дата обращения: 11.04.2012).
7. Коробеев А. Уголовная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения // Советская юстиция. – 1987. – № 19.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. От 30.12.2001. № 195-ФЗ (ред. от 03.05.2012) // "Российская газета". – 2001. – № 256. – 31 января.
9. Уголовный кодекс РСФСР. Утв. ВС РСФСР 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. Ст. 591.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации. От 13.06.1996. № 63-ФЗ (ред. от 01.03.2012) // Российская газета. – 1996. – № 113. – 18 июня; № 114. – 19 июня; № 115. – 20 июня; № 118. – 25 июня.

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОДСУДИМОГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

А. А. Хайдаров

Казанский юридический институт МВД России,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. The article deals with the problems of the protection of the rights and legitimate interests of the defendant in the course of the judicial investigation. In particular about the fact that the judge in the preparatory part of the court session shall explain not only the provisions of art. 47 of the criminal procedure code, but also other rights and duties provided by other articles.

Key words: judicial investigation; protection of the rights of the accused during the trial.

В соответствии с ч. 1 ст. 11 и ст. 263–270 УПК на подготовительной части судебного заседания суд (судья) обязан разъяснить подсудимому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав. В толковом словаре «разъяснить» означает *объяснить, сделать ясным, яснее, понятным* [1]. Суд (судья) должен не просто прочесть права участникам процесса, а сделать это в доступной и понятной форме.

Невыполнение предписаний уголовно-процессуального закона в этой части может привести к отмене окончательного процессуального решения суда первой инстанции. Неразъяснение прав участникам процесса в подготовительной части судебного заседания признаётся серьёзным нарушением уголовно-процессуального закона.

Проблема состоит и в том, что в соответствии со ст. 267 УПК председательствующий разъясняет подсудимому лишь права, предусмотренные только ст. 47 УПК и ст. 82.1 УК РФ. Перечень прав подсудимого в рамках судебного следствия и всего судебного разбирательства гораздо шире перечня, указанного в ст. 47 УПК. Фактически в ст. 47 УПК лишь констатируется, что подсудимый вправе участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой инстанции, знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания, заявлять отводы и ходатайства, представлять доказательства, возражать против обвинения и давать показания. Однако прав у подсудимого в ходе судебного разбирательства значительно больше, нежели указано в ст. 47 УПК. Например, подсудимый имеет право получить постановление об изменении обвинения, участвовать в прениях сторон, произнести последнее слово и т. д.

Кроме того, суд (судья) обязаны разъяснить подсудимому не только его права, но и его обязанности и ответственность. В ст. 267 УПК подобного указания нет, однако судья должен в этом случае

руководствоваться ст. 11 УПК. Например, председательствующий должен разъяснить подсудимому его обязанность являться на все судебные заседания (исключение составляют случаи, указанные в ч. 4 ст. 247 УПК). Иначе судья вправе подвергнуть подсудимого, не явившегося без уважительных причин, приводу, а равно применить к нему или изменить ему меру пресечения. Подсудимый также должен быть предупреждён о недопустимости нарушения порядка в судебном заседании и неподчинении распоряжениям председательствующего или судебного пристава, иначе он будет удалён из зала судебного заседания либо на него может быть наложено денежное взыскание. Подсудимый может быть также предупреждён о недопустимости вмешательства в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия, иначе он подлежит привлечению к уголовной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 294 УК РФ. В УПК РФ и УК РФ предусмотрены другие обязанности подсудимого, которые подлежат обязательному разъяснению. Предлагаем предусмотреть в УПК РФ ст. 47.1 «Подсудимый, осуждённый» с указанием прав и обязанностей подсудимого, осуждённого в судебных стадиях уголовного судопроизводства с изъятием соответствующих прав и обязанностей из ст. 47 УПК. Данное предложение выглядит обоснованным и потому, что статья 47 УПК именуется «Обвиняемый», а участник уголовного судопроизводства, в отношении которого назначено судебное разбирательство, именуется уже не обвиняемый, а подсудимый.

Суд (судья) помимо разъяснения прав подсудимого обязан обеспечить возможность их осуществления. Укажем, что подобные действия в ходе судебного следствия суд (судья) способен осуществить посредством производства процессуальных действий не только по ходатайству сторон, но и по собственной инициативе в рамках своей публичной деятельности, а также путём принятия законных, обоснованных и мотивированных процессуальных решений.

Учитывая складывающуюся судебную практику при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции и постоянное увеличение сроков рассмотрения уголовных дел в судебных стадиях, необходимо создавать дополнительные гарантии защиты прав подсудимого. С нашей точки зрения следует предоставить сторонам возможность обжалования процессуальных решений суда (судьи) об удовлетворении или отклонении ходатайств участников судебного разбирательства. Данное нововведение позволит любой из сторон быть услышанной в ходе судебного следствия, усилит состязательность отечественного уголовного процесса, что в конечном итоге благоприятно отразится на защите прав и законных интересов не только подсудимых, но и других участников уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Ожегов С. И. Толковый словарь. 2005. URL: <http://www.ozhegov.ru/index.html> (дата обращения 05.05.12).

**План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана, Армении,
Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши и Чехии
на базе НИЦ «Социосфера» в 2012 году**

10–11 сентября 2012 г. III международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-27-9-12)

15–16 сентября 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-28-9-12)

20–21 сентября 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-29-9-12)

1–2 октября 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-31-10-12)

5–6 октября 2012 г. III международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-32-10-12)

10–11 октября 2012 г. международная научно-практическая конференция **«Современная психология на перекрестке естественных и социальных наук: проблемы междисциплинарного синтеза»** (К-33-10-12)

15–16 октября 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-34-10-12)

25–26 октября 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-36-10-12)

1–2 ноября 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-37-11-12)

5–6 ноября 2012 г. III международная научно-практическая конференция **«Современные тенденции развития мировой социологии»** (К-38-11-12)

10–11 ноября 2012 г. международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-39-11-12)

20–21 ноября 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-41-11-12)

25–26 ноября 2012 г. международная научно-практическая конференция **«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему»** (К-42-11-12)

1–2 декабря 2012 г. III международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-43-12-12)

5–6 декабря 2012 г. международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-44-12-12)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям. Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера». Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (Париж), ему присвоен номер ISSN 2078-7081; а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования. **Индекс цитирования** – принятая в научном мире мера «значимости» трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию) в других источниках. В мировой практике индекс цитирования является не только желательным, но и необходимым критерием оценки профессионального уровня профессорско-преподавательского состава.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь учителю
- В помощь преподавателю
- В помощь соискателю

Объем журнала – 80–100 страниц.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Н., доктор экономики, доцент (София, Болгария), Большакова А. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия), Берберян А. С., доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Волков С. Н., доктор философских наук, профессор (Пенза,

Россия), Голандам А. К., заведующий кафедрой русского языка Гилянского государственного университета (Решт, Иран), Кашпарова Е., доктор философии (Прага, Чехия), Сапик М., доктор философии, доцент (Колин, Чехия), Хрусталькова Н. А., доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphera@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jssc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 2–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Имя файла, отправляемого по e-mail соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003, тщательно выверены и отредактированы. Допускается их архивация стандартным архиватором RAR или ZIP.

Выпуски журнала располагаются на сайте НИЦ «Социосфера» по адресу <http://sociosphera.ucoz.ru> в PDF-формате.

УДК 94(470)"17/18"

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XVIII–XIX ВВ.
В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

И. И. Иванов

**Семиреченский институт экономики и права,
г. Семиреченск, Республика Хакасия, Россия**

**QUESTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SEMIRECHENSK IN XVIII–XIX
IN VIEW OF LOCAL PERIODICAL PRESS**

I. I. Ivanov

**Semirechensky Institute of Economics and Law,
Semirechensk, Republic of Khakassia, Russia**

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Key words: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них пуб-

ликаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М.: Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.: Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

Оплата публикации

Стоимость публикации составляет **150 рублей за 1 страницу**. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 150 руб. за один экземпляр. **Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации.**

Расчетный счет для перечисления денег

Получатель: ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
р/с № 40702810000000002313 в ФАКБ «Инвестторгбанк» (ОАО)
«Пензенский» г. Пенза
ОГРН 1095837003239
ИНН 5837042277
КПП 583701001
БИК 045655722
к/с 30101810900000000722 в ГРКЦ г. Пензы ГУ Банка России по Пензенской области
Платеж: ФИО автора

Тел. (8412) 21-68-14, e-mail: sociosphera@yandex.ru
Главный редактор – Дорошин Борис Анатольевич.
Генеральный директор НИЦ «Социосфера» – Дорошина Илона Геннадьевна.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу *.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайн обложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* **Формат страницы** А4 (210x297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает 16 экземпляров, подлежащих обязательной отсылке в Российскую книжную палату.

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

ПРОГРАММА ПОДДЕРЖКИ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИИ КОМПАНИЕЙ «ГАРАНТ»

Цель Программы – повышение правовой культуры и экономической грамотности студентов, аспирантов, специалистов различного уровня подготовки. Содействие формированию единого открытого информационного пространства Российской Федерации в области правовой и экономической информации, росту интеллектуального потенциала страны.

Программы. Применение системы ГАРАНТ, как базового средства при обучении технологиям работы с информацией, ведет, прежде всего, к повышению качества обучения. Вузы России и компания «Гарант» едины во мнении, что подготовка сегодняшних студентов должна осуществляться таким образом, чтобы в будущем, после получения диплома, они не оказались «несовременными», и, следовательно, невостребованными на рынке труда. Компания предлагает учебным заведениям организовать обучение на базе современной технологии работы с нормативно-правовой информацией.

Средства реализации Программы. Представляемая Программа осуществляется компанией «Гарант» и ее партнерами в регионах и координируется отделом образовательных технологий компании.

Программа предполагает:

- Поставку и сопровождение системы ГАРАНТ на льготных условиях для использования в учебном процессе, с предоставлением всех необходимых учебных материалов, консультаций, обучением преподавателей (возможно проведение занятий силами сотрудников компании «Гарант» или ее региональных партнеров)
- Взаимовыгодное сотрудничество в области правовой и экономической информации
- Сотрудничество в сфере обучения и подготовки специалистов, в разработке методик и других учебных материалов для работы пользователей с ресурсами правовой и экономической информации.
- Сотрудничество в разработке и создании информационных баз данных с использованием технологии ГАРАНТ
- Информационную поддержку системы дистанционного образования
- Поддержку студенческих юридических консультаций («юридических клиник»).

Участники Программы:

- Государственные вузы (Академии, университеты, институты);
- Негосударственные (коммерческие) вузы;
- Академические институты (системы РАН, и др.);

- Учебные центры подготовки и переподготовки кадров;
- Институты повышения квалификации.

Для учебного процесса предоставляется общая *скидка* на поставку и обновление системы ГАРАНТ. Компания «Гарант» и наши партнеры в регионах России оставляют за собой право решать в индивидуальном порядке вопрос о применении тех или иных условий льготной поставки в отдельные учебные заведения.

Историческая справка. В 1995 году компания «Гарант» предложила полномасштабную Программу сотрудничества с высшими учебными заведениями России. Уже несколько поколений студентов (по специальностям «Юриспруденция», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Финансы и кредит», «Международная экономика и право» и др.) активно используют систему ГАРАНТ в процессе учебы. Преподаватели вузов совместно с сотрудниками отдела образовательных технологий компании «Гарант», разработали учебные пособия и методические материалы, которые апробируются в ведущих московских вузах. В рамках программы с нами работают **более 100** ведущих вузов Москвы и **более 500** вузов по всей России. **Более 12000** студентов в год овладевают навыками работы с системой ГАРАНТ.

Дважды в год, в начале каждого семестра, выпускается компакт-диск из серии «Энциклопедия российского законодательства» для студентов юридических и экономических вузов.

Стипендии компании «Гарант». В феврале 2003 года компания «Гарант» учредила именные стипендии в качестве награды за выдающиеся успехи в учебной и научной деятельности. Стипендии выплачиваются на юридическом и экономическом факультетах РУДН. Кандидатуры претендентов выдвигаются преподавателями и руководством факультетов, утверждаются на Ученых советах и проректором университета.

Контакты

Более подробную информацию Вы можете получить в *отделе образовательных технологий* компании «Гарант»:

Тел: (495) 930-8607
E-Mail: edu@garant.ru

PsyJournals.ru
портал психологических изданий



ЖУРНАЛЫ по психологии **online**



Психологическая наука и образование
Архив за 1996–2010 г.г.



Консультативная психология и психотерапия
Архив за 1992–2010 г.г.



Культурно-историческая психология
Архив за 2005–2010 г.г.



Экспериментальная психология
Архив за 2008–2010 г.г.

Все журналы
включены в Перечень ВАК

ОНЛАЙН ПОДПИСКА ЭТО

- + Удобно
- + Выгодно
- + Современно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ И БИБЛИОТЕК:

- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация

- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/



ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГППУ

Научно-издательский центр «Социосфера»
Пензенский государственный университет
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
Пензенская государственная технологическая академия
Научно-производственное предприятие «Гарант-Сервис»

**ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА:
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ
И ЗАЩИТЫ**

Материалы II международной научно-практической
конференции 5–6 июня 2012 года

Редактор Л. И. Дорошина
Корректор Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет И. Г. Балашовой
Дизайн обложки Ю. Н. Банниковой

Подписано в печать 13.06.2012. Формат 60x84/16.

Бумага писчая белая. Учет.-изд. л. 7,25 п. л.

Усл.-печ. л. 6,75 п. л.

Тираж 100 экз. Заказ № 35/12.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, д. 34, ком. 201-в. (8412) 21-68-14,
web site: <http://sociosfera.ucoz.ru>,
e-mail: sociosfera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412)56-25-09